

Верь, люби, живи! (сборник)

Любовь имеет свою цену, которую мы узнаем значительно позже.

Михаил Шнеерсон

Верь, люби, живи! (сборник)

Доктор Нонна

Влад Никольский был редким мужем: красивым, добрым, щедрым; прекрасным отцом, преданным другом. И тем сложнее было его жене Лине решиться уйти от него. Многие готовы были кинуть в изменницу камнем. И многие сокрушались, подсчитывая несчастья, свалившиеся на семью Никольских после ухода из нее жены и матери. Но кому довелось хоть краем глаза увидеть ошеломленных от своего счастья любовников, задумывались: можно ли устоять перед чувством такой силы?

ВЕРЬ, ЛЮБИ, ЖИВИ!

Любовь имеет свою цену, которую мы узнаем значительно позже.

Михаил Шнеерсон

Глава 1

Влад выскочил из дома и хлопнул дверью – его трясло от гнева. Семнадцатилетний юноша в последний раз оглянулся на родные окна шестикомнатной квартиры на Патриарших прудах: «Нет, дорогой папаша, ни в какую армию я не пойду! Не хочешь меня понимать – уеду и забуду о тебе, словно тебя и не было! Тоже мне, генерал! Думаешь, если солдатам приказываешь, то и я тут же встану по стойке «смирно»?! Не будет такого! Мне вообще ничего от тебя не надо. Сам проживу!» Молодой человек потрогал лежащий в кармане брюк паспорт, переложил из одной руки в другую тяжелую сумку с вещами, которые наспех покидал, и уверенно пошел вперед. Там, за спиной, не оставалось ничего, что могло бы его удержать...

Мама Влада, Нина Семеновна, умерла пять лет назад, когда мальчику только исполнилось двенадцать лет, и эта потеря до сих пор причиняла нестерпимую боль. Там, в далеком детстве, мама всегда была рядом: ее нежный голос, ласковые руки и родной запах могли вылечить от боли, грусти, осушить слезы и вызвать улыбку. Только она, тихая, интеллигентная женщина, могла противостоять суровому бескомпромиссному отцу, который привык твердой рукой управлять всеми, кто хоть как-то оказывался в поле его зрения. И сейчас, все дальше и дальше уходя от родного дома, Влад оплакивал в душе свою мамочку, которой уже нет, а значит, никто не защитит его от отца.

В первый раз Николай Александрович, генерал-полковник, начальник инженерных войск МО СССР, заявил о своем желании видеть единственного сына военным, когда ребенок только собирался идти в первый класс школы.

– Мой сын будет учиться в Суворовском училище! – почти кричал мужчина, а маленький худенький Владик размазывал слезки кулачками по щекам. – Ребенок должен идти по стопам своих родителей! Он обязан продолжить семейную традицию!

– Папочка, я не хочу, – плакал малыш, – я не хочу стрелять и убивать!

– Ты позоришь меня, сын! – возмущался Николай Александрович. – Я сказал, что пойдешь в Суворовское училище, значит, пойдешь!

Владик кинулся к матери, обнял ее за колени и зарыдал:

– Mamочка, я боюсь, не надо! Пожалуйста, не надо, я боюсь!

Отец носился по комнатам, продолжая выкрикивать угрозы, ребенок заливался слезами, и лишь бледная, худая Нина, кутающаяся в теплый оренбургский платок, долго хранила молчание, а потом встала на пути разгневанного мужа и тихо сказала: «Наш сын будет ходить в обычную школу до тех пор, пока сам не решит связать себя с армией». Николай Александрович остановился, шумно выдохнул и посмотрел в любимые глаза жены – в них была такая сила, такая любовь и самоотверженность, что он просто не посмел продолжить этот разговор.

Тогда угроза армии миновала Владика благодаря маме, но через четыре года, когда пришла пора переходить в среднюю школу, Николай Александрович снова поднял волнующую его тему.

– Сын, подойди сюда, – сурово сказал генерал-полковник.

Владик осторожно подошел к отцу и спрятал за спину мягкого зайца, которому только что читал детские сказки на английском языке.

– Ты стал взрослым, – продолжил отец, – поэтому пора подумать о дальнейшей жизни. Сейчас самое время поступить в Суворовское училище. Да, конечно, ты сильно отстал от своих сверстников, и мне будет очень стыдно, что мой сын – такая размазня, но что поделаешь...

– Папа, я не хочу, – тихо сказал Владик.

– Мне наплевать, что ты хочешь, а чего – нет! – заорал Николай Александрович. – Ты и так пропустил несколько лет, в течение которых мог бы обучаться военному делу! Мы идем подавать документы в училище.

– Папочка, – заплакал мальчик, – не надо, я не хочу, пожалуйста!

– Хватит рыдать! – стукнул кулаком по столу генерал. – Ты мужчина, а ведешь себя как девчонка! Хватит меня позорить!

Скандал между отцом и сыном погасить не смогла даже Нина – ее силы подтачивала страшная болезнь, и ей было уже тяжело противостоять мужу. Понимая, что ничего не может сделать, женщина закуталась покрепче в шаль и устало села на табурет – две дорогие слезинки скатились по пожелтевшему лицу...

Летом того же года документы в Суворовское училище были поданы, и мальчика отправили в Горький. Влад до сих пор помнит, как плакала мама, прижавшись к стене, как гладила темные непослушные волосы сыночка холодными исхудавшими руками, как отчаянно смотрела на мужа, желая, чтобы тот отказался от своего решения, но чуда не произошло. Николай Александрович с каменным лицом поднял чемоданчик сына, чмокнул жену в щеку и молча вышел, не желая, чтобы хоть что-то поколебало его решимость. Маленький Влад подбежал к матери, прижался к ней и снова заплакал – Нина обняла сына, и ее сердце сжималось от жалости к своему нежному, трогательному мальчику, из которого вопреки его воле хотят сделать военного. Ей казалось, что они больше не встретятся, что эти объятия станут последними нежными жестами между ними. Однако она ошибалась...

Через три месяца в квартире Никольских раздался звонок.

– Товарищ генерал, – услышал Николай Александрович в трубке, – вас беспокоят по поводу вашего сына.

– Что случилось? – забеспокоился мужчина и устало провел рукой по волосам. Нине с каждым днем становилось все хуже и хуже, и тревога за жену подтачивала силы. – Что с моим сыном?

– Он совершенно не подходит для армейской службы, – спокойно произнес собеседник. – Мы не можем его исключить, потому что его успеваемость по общеобразовательным предметам самая высокая, однако его психологическое состояние нас беспокоит.

– Что с ним? – повторил свой вопрос Николай Александрович.

– Он ни с кем не общается, почти не спит и не ест, часто плачет. Несколько раз наши врачи обращали внимание на то, что у ребенка нервный тик.

– И что дальше?

– Мы очень уважаем вас, Николай Александрович, мы ценим, что вы выбрали наше училище для своего сына, однако вынуждены сообщить вам, что мальчика лучше забрать. Он не военный и никогда им не станет. В следующем году мы все равно исключим его – он не пройдет проверку на профпригодность, однако нам кажется, что не надо мучить ребенка год.

Нина своим материнским чутьем поняла, что с ее сыном что-то случилось, и вышла из спальни. Держась за стенку рукой, она в упор посмотрела на мужа, и в ее глазах было и беспокойство, и осуждение, и боль за своего ребенка. Вынести этот взгляд умирающей любимой жены генерал Никольский не смог, поэтому устало произнес:

– Спасибо, я вас понял. На выходных я приеду за ним. Всего доброго.

Не дожидаясь ответа, Николай Александрович положил трубку и отвернулся к окну – мечты о продолжении династии рушились: единственный сын никогда не станет военным, а любимая жена никогда не подарит ему второго ребенка, который смог бы пойти по его стопам.

Так маленький Влад вернулся домой, успев попрощаться со своей любимой мамочкой – через несколько месяцев ее не стало. Началась совсем другая жизнь...

Глава 2

Николай Александрович возвращался домой, обдумывая, как сейчас будет говорить с сыном. «Владу скоро будет восемнадцать лет, – думал отец, сидя в служебной машине, – а значит, он будет призван в армию. Правда, у отпрыска, по-моему, совсем другие планы на жизнь, но ничего, он еще слишком мал, чтобы самостоятельно принимать решения. Пусть послужит, как все нормальные ребята, может, мужиком наконец станет. А то просто противно смотреть – английский учит, книги читает, всегда чистый, опрятный, умытый, словно девица какая-нибудь. Нет, я заставлю его пойти служить – хоть в этом настою на своем. Нины нет, никто не встанет теперь поперек моей воли, а этот щенок вообще только слезы пускать умеет, так что я его скручу в бараний рог!

Нет, он пойдет у меня служить!»

Разговаривая сам с собой, генерал все больше и больше распалялся – ему не терпелось высказать все то, что терзало его военную душу. Когда шофер остановил машину возле подъезда дома на Патриарших прудах, Никольский уже еле сдерживался...

Влад читал книгу, лежа на диване. Возле него стояла нетронутая тарелка с ужином. Молодой человек уже привык к тому, что отца дома почти никогда не бывает: то командировки, то учения, а то и просто необъяснимые отлучки на ночь. Сначала, после смерти матери, которую 12-летний мальчик переживал очень долго и мучительно, Влад потянулся к отцу, желая получить от него хоть толику тепла и нежности, но наткнулся на стену холодного молчания. «Неужели папа совсем меня не любит? – думал несчастный ребенок. – Неужели я настолько разочаровал его, что теперь он никогда не испытает ко мне нежных чувств? Как же мне плохо без моей мамочки! Как мне хочется, чтобы кто-нибудь меня обнял и прошептал тихонько, что любит меня! Почему же папа отвергает меня? Мне же больно!» Эти мысли почти ежедневно одолевали сына, однако положение не менялось – отец все больше и больше отдалялся от ребенка, и со временем Влад смирился. В принципе все было не так уж плохо: деньги на карманные расходы генерал выделял сыну каждую неделю, репетиторов английского языка, к которому у мальчика были способности, оплачивал, не скупился на одежду, которую часто привозил сыну из командировок, дома всегда была вкусная еда. Но Владу было одиноко, и свою жажду общения он утолял литературой...

Ключ в двери повернулся, и молодой человек поднял голову – он не ожидал увидеть отца так рано. Николай Александрович влетел в комнату к сыну и без предисловия начал:

– Значит, так, ни в какой институт ты поступать не будешь, так что отложи свои книги!

Влад удивленно поднял глаза на отца: «Какая муха его укусила?»

– Ты меня слушаешь вообще? – закричал мужчина и рванул сына за руку, стараясь поднять его с дивана.

Влад впервые за все время общения с отцом почувствовал в себе силы противостоять необъяснимому гневу родителя. Он вырвался:

– Что ты себе позволяешь?

– Это мой дом, поэтому позволить могу себе все, что угодно! А ты мой сын, и будешь делать то, что я сказал!

– Это и мой дом тоже! – закричал Влад, еле сдерживаясь.

– И что же ты делаешь в этом доме? – язвительно поинтересовался отец. – Может, ты работаешь? Может, ты кормишь меня? Может, именно благодаря тебе мы тут шикуем?

– Ты хочешь, чтобы я пошел работать? – в тон ему ответил молодой человек.

– Нет, я хочу, чтобы ты пошел в армию!

– А я не хочу идти в армию! – закричал Влад. – Ты меня достал своей армией! Я никогда не буду таким, как ты!

– Хватит позорить меня! Где это видано, что у генерала-полковника сын не будет служить в войсках?!

– Я позорю тебя?! – вскричал младший Никольский.

– Да, именно позоришь! Мне противно смотреть, как ты, словно кисейная барышня, читаешь на диванчике книжки и льешь слезы по любому поводу!

– Тебе противно смотреть на меня?! – От услышанных слов Влад даже не знал, что отвечать, поэтому в оцепенении повторял за отцом:

– Противно! Ты ничтожное создание, которое не может абсолютно ничего! Ты не мужик и никогда им не станешь!

– И это только потому, что я не пойду в армию?!

– Именно! Потому что только в армии можно стать настоящим человеком. А пока ты – ничто!

– Знаешь что, – вдруг тихо сказал сын. – Это ты для меня ничто и никто. Я не пойду в армию. А раз тебе так противно на меня смотреть, значит, ты меня больше никогда не увидишь.

На этом молодой человек повернулся спиной к отцу и начал кидать вещи, которые попадались ему под руку, в дорожную сумку. Ошеломленный генерал молча наблюдал за происходящим, а потом плюнул на пол в комнате сына и вышел. Влад даже не оглянулся: он залез в письменный стол, достал из ящика паспорт и отложенные деньги, выдаваемые ему отцом на карманные расходы, сунул свое богатство в карман куртки и огляделся. Комната была знакома с детства, но тем не менее она стала чужой и холодной – с маминой смертью из нее ушло тепло и любовь. «Нет, здесь меня больше ничто не держит, – подумал про себя молодой человек, – здесь я никому не нужен».

Хлопнула входная дверь, и Влад спустился вниз. На улице он еще раз оглянулся на окна квартиры: где-то в глубине души ему хотелось, чтобы отец сейчас выбежал за ним, остановил его, прижал к себе или хотя бы похлопал по плечу, по-мужски, но ничего не происходило. Тяжело вздохнув и проглотив слезы, душасщие его, он пошел в сторону улицы Горького. Что делать, он пока не знал, как и не знал, куда пойти, – ни друзей, ни родных у него не было, а значит, в этом городе ему никто помочь не мог.

«Винница! – вдруг вспомнил Влад. – Мы были с мамой когда-то в Виннице. Маленький украинский городок, где мы проводили лето. Я там бегал по теплому асфальту, а мама кормила меня свежими ягодами. Мне там было хорошо... Надо поехать туда».

Глава 3

Поезд подошел к перрону украинского городка Винница, и Влад осторожно вышел на платформу. Ему было немного страшно встретиться лицом к лицу с городом счастливых детских воспоминаний – он понимал, что с тех пор многое могло поменяться. Но нет, город остался таким же, как и раньше, только он сам изменился: из маленького мальчика, отдыхающего с мамой, он превратился в юношу-сироту, у которого нет никого и ничего, а значит, и мир вокруг стал совсем другим. Туда-сюда ходили одинаково одетые люди с одинаковыми выражениями лиц, словно роботы, у которых нет чувств, желаний, стремлений, словно у них уже все было и ничего больше им не требовалось. Молодой человек, выросший на классической литературе, знавший английский язык на очень хорошем уровне и читавший зарубежную прозу в оригинале, очень отличался от серой безликой толпы.

Сердце защемило от тоски по дому, по детству, однако пути назад уже не было.

Пытаясь вспомнить хоть какие-то подробности о городе, Влад пошел вдоль домов и стал заглядывать в окна. Очень хотелось есть и спать, однако расслабляться было рано – надо было решить, где жить.

«Отец тогда снял комнату для нас с мамой, – размышлял юный беглец. – Значит, и я так могу, надо только найти, где сдаются комнаты. Денег мне хватит, я уверен в этом. Может, спросить у прохожих?»

Люди косо смотрели на симпатичного интеллигентного мальчика, который тихим голосом задавал один и тот же вопрос: «Вы не знаете, здесь комнаты где-нибудь сдаются?» Чаще всего в ответ юноша получал молчаливое отрицание. Влад запаниковал – скоро наступит ночь, а жилье до сих пор не найдено.

– Скажите, где можно снять комнату или угол какой-нибудь? – закричал молодой человек, увидев какого-то мужчину лет пятидесяти, грязного и хорошо поддатого.

– С тебя пиво, чтобы «полечиться», – хрипло ответил мужик.

Влада передернуло от отвращения, но он согласно покивал и полез в карман за деньгами. Правда, сколько стоит пиво, он не знал, поэтому замаялся и посмотрел на странного собеседника.

– Не, денег не давай – жена все равно отберет. Иди бутылку мне купи.

– А я не знаю где, – растерянно произнес новый житель города.

– Эх, молодежь, всему вас учить надо, – пробасил мужик и дыхнул на Влада перегаром. – Пойдем, покажу. И в общежитие отведу – глядишь, при тебе моя баба голосить не начнет.

Через полчаса, когда мужик, представившийся Николаем, «полечился» двумя кружками пива, пара двинулась в сторону облезлого грязного здания. Влад в очередной раз содрогнулся от отвращения, однако делать все равно было нечего – искать что-то иное уже поздно.

Комендант быстро отсчитал деньги мальчика, сунул себе в карман и проводил подростка в маленькую грязную комнатку, куда почти не проникал свет. Влад обреченно кивнул головой худощавому мужчине с сальными волосами и рухнул на кровать прямо в одежде.

«Спать, – думал юноша. – Сейчас я посплю, а об остальном подумаю завтра».

Новый день заглянул в мутное окно, и Влад открыл глаза. «Где я? – подумал молодой человек, осматривая убогий уголок. Сначала он решил, что это сон, красочный, реалистичный, но сон, но потом все вспомнил. – Нет, я не могу здесь оставаться! Я сойду с ума! Надо пойти поискать новое жилье». Он вытащил из кармана оставшиеся деньги и понял, что капитал, казавшийся ему вполне солидным дома, где тратиться было не на что, таял с удивительной скоростью. «Да, на новое жилье денег не хватит, – с отчаянием подумалось ему. – Да и есть скоро станет не на что. Значит, пойду работать. Жаль, что учиться не смогу».

От запаха картошки, жаренной на сале, свело желудок – Влад не ел уже двое суток, и голод забирал остатки разума. Молодой человек осторожно выглянул в коридор – на кухне сидел вчерашний Николай и жирными губами облизывал ложку, которой черпал что-то со сковороды.

– А, приезжий, – улыбнулся мужчина, – заходи, чего стоишь как неродной?

Влад приблизился к новому знакомому и остановился рядом с ним.

– Голодный небось? – усмехнулся мужик. – Вот, картохи наверни! Моя пожарила!

Молодой человек повертел головой в поисках вилки, однако ничего не нашел.

– Что, есть нечем? – захохотал Николай. – Так ты руками!

Строгое воспитание Влада не позволяло ему поглощать пищу таким варварским способом, однако вид масляной картошки заставлял забывать о правилах приличия. Вытерев руку об штаны, юноша осторожно протянул пальцы к горячей еде, и тут раздался зычный женский голос:

– Я тебе картошку жарила для того, чтобы ты дармоедов кормил?

– Ну, Люсь, ну ты чего? – смутился Николай. – Пацан голодный, пусть поест.

– Ты денег домой не приносишь, все пропиваешь, а теперь еще беспризорников кормить будешь?! Я одна батрачу, а ты...

Влад не дослушал, что именно еще делает Николай, пока его жена батрачит, и выскочил из-за стола. От унижения пылали щеки, и очень хотелось плакать, но слова отца, сказанные в момент ссоры, не дали соленым каплям пролиться. «Возьми себя в руки, – шептал молодой человек. – Ты сам себя прокормишь. Ты заработаешь деньги, съедешь из этого кошмарного дома. Все будет хорошо».

Чувство голода от этих мыслей ушло, и Влад остановился на улице перевести дух. Надо было что-то решать, но выращенный в тепличных условиях юноша совершенно не знал, куда надо идти и как жить дальше. Он присел на корточки, облокотился спиной о стену и закрыл глаза – солнце пригревало своими весенними лучами и успокаивало. Вдруг со скрипом открылась подъездная дверь, и на улицу вывалился Николай.

– Ты это, не обижайся на нее, а? – начал мужчина. – Она добрая на самом деле, только горластая очень. Ну и жадная, если честно...

– Да ничего, – устало проговорил молодой человек. – Все в порядке. В любом случае вам спасибо за предложение.

– А сидишь-то тут чего? Ждешь кого? – заинтересовался мужик. Очень нравился ему этот мальчик, который так легко угостил его вчера пивом.

– Нет, не жду. Надо работу где-то искать, а я даже не знаю, куда идти.

– Эх, молодежь! – захохотал Николай. – Пойдем со мной. Я на машиностроительный завод иду – может, там для тебя работенка найдется.

Мужчина и молодой человек направились к огромному зданию, куда потоком шла безликая толпа. Влад смотрел по сторонам и не верил, что это все происходит с ним, – он чувствовал себя маленьким мальчиком, который по ошибке оказался в другой стране. «Что я делаю? – думал он. – Зачем я здесь? Я мог бы ходить в школу, читать книги, жить в своей комнате! Что я делаю?» Сожаление тут же сменялось решимостью, как только приходили воспоминания о последнем разговоре с отцом – мысли об армии приводили в ужас. «Нет, уж лучше здесь, чем в армии», – стискивая зубы, шептал беглец и упорно шел вперед.

– Я вас слушаю! – надменно сказала молодая женщина, услышав скрип двери. Она даже не подняла глаза на посетителя.

Влад уставился на ярко накрашенные губы красавицы и замялся – его общение с противоположным полом ограничивалось трепетной любовью к однокласснице, воспоминания о которой до сих пор больно ранили его сердце. Женщина, не услышав ответа, подняла глаза и увидела милого симпатичного паренька, который растерянно смотрел на нее. В ее сердце вспыхнуло неясное материнское чувство и желание защитить, спрятать этого только что вылетевшего из гнезда птенчика. Она улыбнулась, изящно поправила рукой высокую прическу и уже ласково повторила свой вопрос:

– Ты ищешь кого-то?

– Мне работа нужна, – вымолвил Влад. – Любая.

– Работа? – переспросила женщина в отделе кадров. – Знаешь, у нас токарь на пенсию уходит. Может, на его место пойдешь?

– Пойду, – более решительно ответил молодой человек. Он понимал, что сейчас он не может выбирать себе должность – надо просто найти возможность зарабатывать деньги.

– Давай пока паспорт, а потом к Васильевичу сходим.

Влад протянул документ и вытер вспотевшие ладони о штаны.

– Милый, – игриво произнесла девушка, – да тебе еще и восемнадцать лет нет!

– Ну и что? – тут же возмутился соискатель. Ему стало страшно, что у него сейчас отнимут эту сомнительную должность «токарь». – У меня же руки и ноги есть! Они же не в восемнадцать лет отрастают!

– Ух, какой ты горячий! – засмеялась работница отдела кадров. – Пойдем с Васильевичем знакомиться. Меня, кстати, Оксана зовут.

– Очень приятно. Влад, – представился Никольский-младший.

– Да я уже знаю, – опять со смехом ответила женщина и помахала паспортом перед лицом молодого человека.

Влад смутился, но промолчал. Он не привык к такому откровенному кокетству, и ему снова захотелось оказаться в своем беззаботном детстве, а не здесь, наедине с черноглазой красоткой, которая вела себя так непривычно откровенно.

Оксана элегантно подошла к новому знакомому и встала рядом – она хотела представить, как будет смотреться с понравившимся ей молодым человеком. Картинка ее удовлетворила: она худенькая, черноглазая, черноволосая, смуглая, маленького роста, а он светлокожий, со светлыми волосами и большими трогательными голубыми глазами. «Из нас получится очень красивая пара, – улыбнулась девушка. – Он точно будет моим».

Она взяла за руку Влада, который стоял как вкопанный, и потянула за собой.

– Васильевич, – весело закричала Оксана, перекрикивая шум станков, – смену тебе привела! Знакомься.

Пожилый мужчина исподлобья посмотрел на парня и тут же отвернулся:

– Он не подойдет. Не умеет руками работать – тяжелее столовых приборов небось ничего не поднимал. Не доверю ему оборудование.

– Васильевич, ну хватит тебе, – ласково начала девушка. – Он молодой, всему

научится. Главное, что есть желание работать.

– С чего желание-то такое?

– Из дома ушел, – подал голос Влад.

– Что, родители обидели? – усмехнулся токарь, но остановил станок и развернулся к посетителям.

– Нет, хочу жить самостоятельно.

– Самостоятельно – это хорошо, – удовлетворенно хмыкнул Васильевич. – Откуда взялся-то?

– Из Москвы.

– Москвич, значит. – Мужчина почесал подбородок. – Ладно, москвич, согласен. Завтра к восьми утра приходи, буду обучать.

– Спасибо, – с облегчением выдохнул парень.

– Как зовут-то?

– Влад.

– Робу на складе возьми, Влад! – уже поворачиваясь к станку, прокричал Васильевич.

– Завтра жду.

– Пойдем, Владик, – ласково пропела Оксана, – я покажу тебе, где склад и раздевалка.

Влад лишь кивнул головой и поплелся за новой знакомой. Ему было очень страшно: он понимал, что все дальше и дальше удаляется от прежней жизни, где остался его отец. «Столько всего нового появляется, – думал он. – Как я с этим справлюсь? Неужели смогу? Хотя вроде все получается... Наверное, все-таки смогу...»

Глава 4

Выйдя с завода, где Влад получил робу, оформился в отделе кадров и попрощался с Оксаной, он посмотрел по сторонам – прямо напротив него оказалось здание почты. «Отец! – вдруг мысленно вскричал молодой человек. – Он же беспокоится за меня! Я знаю, он все равно меня любит! Вдруг он места себе не находит, мучаясь от неизвестности!»

Решение пришло молниеносно – парень быстрым шагом отправился звонить домой. «Папочка! – думал он, все больше и больше сокращая расстояние между собой и отделением связи. – Я люблю тебя, просто мы разные, нам трудно жить вместе, но я все равно люблю тебя! Прости, что причинил тебе столько беспокойства».

Длинные гудки заставляли сердце сжиматься от страха и обиды: «Вдруг с ним что-то случилось? Вдруг ему плохо и он в больнице? Или, может, ему наплевать на то, что меня нет дома, и он спокойно пошел на работу?» Наконец раздался щелчок, и из трубки долетел до юноши встревоженный голос отца:

– Генерал Никольский у телефона.

- Папочка, это я, – срывающимся от волнения голосом начал Влад.
- Сынок, ты живой! Слава богу! Я тут уже всех на уши поставил! – почти кричал отец.
- Папочка, со мной все в порядке!
- Ты где? – перебил Николай Александрович.
- Папочка, я в Виннице! Я тут на завод устроился...
- Ты с ума сошел? Какая Винница? Быстро возвращайся домой! – голосом, не терпящим возражений, приказал генерал.
- Нет, пап, – стоял на своем сын. – Я уже на работу устроился. Я здесь жить буду!
- Я из-под земли тебя достану!
- Папа, я люблю тебя, – быстро прошептал Влад и положил трубку.

Молодой человек направился к общежитию и вдруг вспомнил, что он уже очень-очень давно не ел. Резко развернувшись, Влад пошел искать магазин, мечтая только о том, как сейчас он положит в рот хотя бы кусок хлеба. Неприятный разговор с отцом, который так и не понял своего сына, отошел на второй план – сейчас мысли были заняты только желанием что-то съесть.

В магазине было душно, люди толклись у прилавков и вяло перекрикивались. Парень в который раз передернулся от уродства увиденной жизни – его прошлое было совсем другим. Да, были ссоры с отцом и смерть матери, однако мальчик жил в роскошной чистой квартире, питался хорошей едой, которую привозил отец, общался либо с военными, которые приходили к папе, либо с представителями интеллигенции, навещавшими маму. «Спокойно, – убеждал себя молодой человек, – мне просто надо купить еды. Я быстро это сделаю и выйду».

Быстро купить не получилось – Влад долго ходил между полупустыми прилавками и выбирал продукты. На его взгляд, все выглядело не очень свежим, поэтому в итоге из магазина он вышел с пакетом пряников, пачкой печенья «Утро» и батоном хлеба, от которого начал откусывать прямо на улице. Голодный желудок благодарно принимал эту пищу, и на душе становилось все легче и легче.

Воспрянув духом, Влад зашел в свое новое жилье и осмотрелся. «Да, ужасно тут все-таки, – решил молодой человек и поднял сумку с пола. – Как только заработаю денег, тут же перееду, ну а пока надо бы прибраться». С этими словами мальчик занялся работой: разложил вещи, протер носовым платком пыль, старой газетой попытался отмыть пыльные окна, однако оставил только разводы. Последним этапом своей уборки Влад наметил мытье полов. Не найдя ничего, во что можно налить воду, он осторожно вышел на кухню: может, там удастся взять какую-нибудь емкость.

Возле плиты стояла женщина, которую молодой человек уже видел утром, – она снова жарит картошку. «Хм, – усмехнулся Влад, – умеет она еще что-нибудь готовить? Или только картошку жарит?»

Женщина обернулась и уставилась на парня:

- Опять ты?
- Я, – спокойно ответил молодой человек. Наевшись пряников и уже устроившись на

работу, он чувствовал себя уверенней.

– Опять жрать пришел?

– Я уже поел, спасибо, – подчеркнуто вежливо ответил Влад. – Вы не знаете, где я могу взять ведро или таз?

– Тебе зачем?

– Полы хочу помыть.

Женщина удивленно посмотрела на собеседника, потом черты ее лица смягчились:

– Да, не приживешься ты у нас, чистюля. Здесь полы годами никто не моет.

– А я хочу помыть, – упрямо ответил мальчик.

– Вот я и говорю, что не приживешься ты у нас. Зайди через десять минут, дам тебе свой таз.

– Спасибо, – вежливо произнес Владик. – Вы очень любезны.

– Только вернуть не забудь, интеллигент! – захохотала женщина, а потом представилась: – Люба я.

– Очень приятно. Меня Влад зовут.

Вечером молодой человек лежал в своей комнате, нюхал запах уже привычной жареной картошки и размышлял, как жить дальше. Однако сон вскоре забрал его в свои объятия...

Глава 5

Первая неделя на новой работе пролетела незаметно: Влад с юношеской пылкостью пытался вникнуть в то, что ему говорит Васильевич, однако дело шло не очень успешно. Многое для мальчика было непонятно, что-то просто не под силу, но он очень старался, так как понимал, что от этой работы зависит его дальнейшая жизнь. Во время обеденного перерыва за ним ежедневно приходила Оксана, и пара направлялась в столовую.

– Ну как тебе здесь? – поинтересовалась женщина. – Привыкаешь?

– Нет еще, – угрюмо ответил Влад.

– Тяжело?

– Тяжело, – вздохнул юноша.

– Уедешь? – с тревогой задала вопрос Оксана. Ей было страшно, что этот чудесный мальчик рано или поздно исчезнет из ее жизни.

– Нет, не уеду! – упрямо ответил молодой человек и посмотрел в глаза женщине. Потом перевел взгляд на свои руки – кожа потрескалась, пальцы были сбиты, кое-где сочилась кровь, а красивые ранее ногти стали грязными и обломанными.

Оксана тоже посмотрела на руки молодого человека, задумалась, а потом участливо накрыла его кисть своей прохладной нежной ладошкой.

– Все будет хорошо. Ты молодец.

– Спасибо, – благодарно ответил Влад и уставился на их соединенные руки. Ему было не по себе от такого интимного, по его мнению, жеста, и он, смутившись, стал подниматься из-за стола.

Оксана с сожалением окинула взглядом молодого человека. «Да, – подумала она, – эта крепость так легко не падет. Но ничего, я не отступлю, уж очень он красивый».

Через месяц Влад получил свою первую в жизни зарплату. Гордо шагая мимо отдела кадров к своему рабочему месту, юноша увидел свою знакомую. Та выпорхнула из кабинета и легонько тронула его за руку:

– Ну что, можно поздравить с первыми заработанными деньгами?

– Да, – улыбнулся Влад.

– Послушай, а что ты вечером делаешь? – как-то неуверенно спросила она.

– Сплю, как обычно, – удивленно произнес молодой человек.

– Я хотела тебя пригласить погулять, – замялась Оксана. – Заодно отметим твою первую зарплату.

– Гулять? – переспросил тот. – Пойдем. Спасибо за приглашение.

– Тогда до вечера? – молодая женщина немного смутилась и опустила глаза.

– До вечера, – прошептал Влад и поспешил к станку.

В тот день все шло не так: ученик никак не мог сосредоточиться на словах учителя, постоянно переспрашивал и ронял инструменты. Васильевич сердился, но юноша не обращал внимания на его слова – в кармане лежали первые заработанные собственным трудом деньги, а вечером его ждало первое в его новой жизни свидание. Он не мог сказать, что Оксана ему очень нравилась, однако предстоящая встреча все-таки волновала его. Представляя, как выйдет вечером с молодой женщиной на улицу, положит ее руку на свой локоть и будет гордо ступать по вечернему городу, Влад включил токарный станок...

Все произошло в одно мгновение: ключ, который ученик оставил в патроне, с огромной силой ударил его по руке, хлынула кровь, раздался дикий крик...

Влад открыл глаза и застонал – острая боль быстрыми змейками пробежала по всему телу и сосредоточилась в кисти.

– Тихо, тихо, мой хороший, – шептал чей-то голос, но он не узнавал его. Уплывая по горячим волнам боли в небытие, юноша представлял, что он маленький, лежит в своей детской с температурой, а рядом сидит мама, гладит по волосикам и нежно целует лоб.

Возле больничной койки сидела Оксана. За несколько дней, прошедших с момента несчастного случая на заводе, она ни разу не выходила из палаты Влада. Оксана осунулась, под глазами пролегли черные тени, от макияжа не осталось и следа, а волосы черными пучками свисали с плеч. Она закрывала глаза и видела ту страшную картину, которая, казалось, навсегда врезалась в ее память: лежащий без сознания

любимый молодой человек в луже крови и раздробленные кости и разорванные сухожилия его кисти. Она помнила, как тошнота подкатила к горлу и вопль ужаса готов был вырваться из ее уст, однако она, стараясь не поддаваться панике, вызвала «Скорую помощь», а потом оторвала рукав белой блузки и перетянула им, как жгутом, израненную руку чуть ниже локтя.

Несколько часов шла операция, однако врачи не смогли собрать из месива крови и обломков костей покалеченную конечность. Два дня Влад не приходил в себя, так как потеря крови была слишком велика, однако молодой организм упорно боролся за жизнь, и вот пациента перевели из реанимации в обычную палату, и с ним из коридора в палату переселилась и Оксана.

Ближе к ночи Влад снова открыл глаза. Перед ним была совершенно незнакомая комната, абсолютно белая и холодная; тусклый свет возле двери слабо освещал помещение. Молодой человек попробовал повернуть голову: любое движение причиняло невероятную боль, однако желание понять, где он, пересиливало все. Наконец он увидел спящую в неудобном положении женщину. Ее черты лица смутно напоминали кого-то, однако память отказывалась подчиняться.

Словно почувствовав, что любимый пришел в себя, Оксана вздрогнула и открыла глаза. Влад в упор смотрел на нее.

– Где я? – прохрипел молодой человек.

– Милый, ты в больнице, – всхлипнула женщина и вскочила. – Хочешь попить?

Юноша согласно моргнул глазами, и она принесла стакан простой воды и стала поить его из ложечки. Вода придала силы больному, и он попытался приподняться в кровати.

– Лежи, милый, – заботливо прошептала Оксана, – я сейчас медсестру позову.

Влад откинулся на подушки и застонал – боль снова накатила жаркой волной.

Через несколько минут девушка в белом халате зашла в палату – она бегло осмотрела пациента, проверила его пульс, а потом дала обезболивающее.

– Пускай поспит еще, – шепнула она Оксане. – Ему нужно много сил теперь.

Влад хотел переспросить, почему именно теперь ему нужны силы, но сон уносил его в свою страну, где нет боли, страха и вопросов.

Хирург высшей категории, практикующий уже двадцать пять лет, подошел к Владу. Тот только открыл глаза и непонимающе смотрел на мужчину – он помнил, что рядом с ним вчера были женщины, так откуда здесь взялся этот персонаж.

– Меня зовут Александр Матвеевич, – представился человек в белом халате. – Как себя чувствуешь?

– Я Влад, – сумел проговорить мальчик.

– Я знаю, сынок, твое имя, – добродушно сказал доктор. – Ну и задал ты мне работенку! Пять часов колдовал над тобой, но...

– Что со мной?

– Тебе раздробило кисть на заводе, – Александр Матвеевич присел на стул, где раньше сидела Оксана. Сейчас медсестра увела ее умыться и привести себя в порядок. – Спасибо Оксане, которая догадалась остановить кровотечение рукавом своей кофточки, и бригаде «Скорой помощи», иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали – умер бы от

потери крови.

– Кисть... Завод... Оксана... – Влад перебирал услышанные слова и постепенно вспоминал, как ушел из дома, как устроился на завод и как собирался вечером идти на свидание с девушкой из отдела кадров.

– Ладно, вижу, опасность миновала, жить будешь, но...

– Что «но»?

– Но без левой кисти, – тихо сказал хирург и положил руку молодому человеку на плечо. – Держись, главное, что ты жив.

В этот момент в палату вернулась Оксана. Она увидела, как широко распахнулись красивые голубые глаза, и поняла, что доктор сказал Владу правду. Сначала кинувшись к любимому (именно так она называла сейчас этого мальчика, который, вместо того, чтобы пойти с ней на свидание, оказался на операционном столе), она вдруг остановилась: девушка не знала, как правильно вести себя и что говорить в такой момент.

Испарина ужаса покрыла тело Влада: «Как я буду жить теперь? Почему со мной? За что? Я не заслужил этого! Я хочу умереть! Лучше бы я умер там, на заводе, или тут, на операционном столе, лишь бы не быть калекой! Я инвалид! Я никогда, никогда больше не смогу вести нормальный образ жизни, быть, как все! Я вообще больше никогда ничего не смогу сделать сам! Я хочу умереть! Мамочка, заведи меня к себе, я не хочу больше жить». Мысли вихрем носились в голове юноши, который в семнадцать лет узнал, что такое отчаяние и беспомощность, и воспоминания о матери сжали в тиски его сердце. Вдруг откуда-то из глубин сознания всплыла картинка: мама бинтует ему порезанную ладонь и шепчет на ушко: «Не плачь, сынок, все будет хорошо, ручка заживет. Не плачь, мама рядом...» От такого яркого воспоминания слезы градом потекли по лицу Влада: он знал, что мамы никогда не будет рядом и рука никогда не заживет, вернее, новая не появится. И тут сквозь тоску и отчаяние он услышал тихий голос: «Не плачь, милый, все будет хорошо. Я рядом, я всегда буду рядом». Чья-то рука легко касалась головы и потного лба, и, как ни странно, паника отступала. Владу вдруг показалось, что на самом деле все будет хорошо и эта женщина, каким-то седьмым чувством понявшая, что нужно сказать, на самом деле всегда будет рядом. «Если я не один, значит, я справлюсь, – решил молодой человек. – Если со мной кто-то будет рядом, значит, жизнь имеет смысл, значит, хорошо, что я не умер там, на заводе». Он повернул голову и посмотрел на Оксану – от былой красавицы не осталось и следа: глаза опухли от слез, у блузки оторван рукав и потеряны пуговицы, губы потрескались, а волосы растрепались. «Сколько дней она тут со мной сидит? – подумал Влад. – Неужели даже домой не уходила? Неужели ей так было важно, что со мной?»

– Спасибо, – сказал молодой человек и благодарно посмотрел на свою спасительницу.

– Тебе спасибо за то, что ты есть, – прошептала Оксана и положила голову на постель. Теперь, когда опасность для жизни миновала, силы оставили ее.

Глава 6

Оксана вернулась на работу – она и так без уважительной причины пропустила несколько дней. Однако руководство завода закрыло глаза на эту вольность – не каждый день происходят такие страшные трагедии во вверенных им цехах. Теперь, когда Влад пошел на поправку, Оксане пришлось вернуться в свой отдел кадров и заниматься обычными делами, однако ее сердце было там, в больничной палате, где учится жить

по-новому дорогой для нее человек.

– Привет, милый. – Оксана подбежала к постели больного и чмокнула его в щеку. Отношения между молодыми людьми становились все более доверительными и открытыми.

– Привет, Ксюня, – поприветствовал ее Влад. Ласковое «Ксюня» он придумал вместо холодного «Оксана», так как черноволосая красавица с каждым днем становилась ему все ближе и ближе.

– Я тебе принесла пирожков и компот, покушай.

Юноша благодарно улыбнулся и здоровой рукой погладил посетительницу по плечу. «Люблю ли я ее? – часто по ночам думал парень. – Скорее всего, нет. Я помню, как билось мое сердце, когда я видел Катю, как больно мне было, когда она уходила. С Оксаной такого нет, но между тем дороже ее здесь, в Виннице, у меня никого нет».

– Милый, я давно хотела тебя спросить... – Оксана замялась.

– Что, Ксюнь? – осторожно спросил Влад. Ему показалось, что дальше последует разговор, который будет ему неприятен. И предчувствие его не подвело.

– Ты не обижайся, милый, но... Работать на заводе ты уже не сможешь, тем более тебе будут оформлять инвалидность... – девушка вся сжалась, ей так не хотелось причинять боль этому голубоглазому мальчику.

Влад сжал зубы и отвернулся от собеседницы. Оксана опустилась рядом на кровать и погладила молодого человека по голове.

– Владик, дослушай меня... – умоляюще произнесла молодая женщина. – Я это сказала не для того, чтобы обидеть тебя... И не из-за денег, естественно...

Влад молчал. Тогда девушка продолжила:

– Я хотела тебе предложить окончить школу, получить аттестат и поступить в институт. Ты очень умный мальчик, у тебя светлая голова, ты начитанный, интеллигентный. Ты гораздо большего добьешься, если будешь заниматься умственным трудом.

– А жить я на что буду? – огрызнулся начитанный интеллигентный мальчик.

– Вот об этом я и хотела поговорить, – смутилась Оксана. – Я хотела тебе предложить жить у меня, пока ты не встанешь на ноги.

– То есть я буду сидеть у тебя на шее? – Влад не мог допустить, что он, ушедший от состоятельного отца, будет жить за счет молодой женщины, которая, судя по всему, не купается в роскоши. – Этого никогда не будет.

– Владик, послушай, люди созданы для того, чтобы помогать друг другу. Сегодня помогу тебе я, завтра, если будет необходимо, поможешь мне ты. Мы же друзья, а друзья должны помогать друг другу.

– Я сказал, что такого не будет! – отрезал молодой человек.

Через месяц Владислава Никольского выписали из больницы. С небольшой сумкой вещей он зашел в квартиру Оксаны и огляделся – теперь он будет здесь жить.

– Добро пожаловать домой! – радостно воскликнула девушка.

– Спасибо.

– У меня только кровать и диван, ты можешь выбрать, где будешь спать, – Оксана смущенно смотрела на Влада.

– Я на диване буду, ты мне не постелешь? Я пока не знаю, где у тебя что лежит, да и одной рукой управляться трудно.

– Конечно, милый.

Оксана подошла к молодому человеку и встала рядом с ним. Она что-то хотела спросить, но вдруг почувствовала прикосновение горячей крепкой руки на спине. Боясь поверить своему счастью, Ксюня медленно повернула голову к молодому человеку, и тут же ее губы коснулись нежной кожи юношеской шеи. Через несколько секунд молодые люди целовались, узнавая друг друга, знакомясь, исследуя. Влад со всей юношеской страстью набросился на Оксану, и пара повалилась на кровать – так семнадцатилетний мальчик стал мужчиной.

Конечно, разговоров о том, где кто будет спать, больше не возникало – Влад каждую ночь знакомился с искусством любви и был неутомим, несмотря на то что нежных чувств к Оксане не испытывал. Это было ночью, а днем женщина работала на заводе, а молодой человек экстерном оканчивал школу и готовился к поступлению в педагогический институт. В качестве специализации он выбрал иностранный язык, но если английский был хорошо знаком ему с детства, то со вторым языком было сложнее – надо было начинать с нуля.

Посоветовавшись с Оксаной, Влад решил пойти заниматься с репетитором французского языка. Да, это было недешево, однако женщина ни в чем не могла отказать любимому человеку, а юноша, устав от вынужденного сидения дома, был рад снова учиться.

Дверь открыл Семен Аркадьевич, старый профессор, преподаватель французского.

– Заходите, молодой человек, будем знакомы, – приветствовал Влада репетитор. – Только прошу вас, не шумите, Берта Марковна прилегла отдохнуть. Что-то ей сегодня неможется.

Влад согласно кивнул, снял обувь и прошел в комнату. Прекрасная обстановка, которая явно выбивалась из общего декора города, произвела на юношу неизгладимое впечатление: гостиная обставлена в стиле ампир, вся мебель старинная, умелой рукой отреставрированная, возле окна – фортепиано, а на стенах – картины в красивых рамах.

– Ух ты! – выдохнул с восхищением Влад.

– Да, антиквариат, – польщенно отозвался Семен Аркадьевич. – Всю жизнь собирал. Нравится?

– Очень. Это прекрасно!

– Ладно, давай отойдем от лирики и займемся делом, ради которого вы, молодой человек, собственно, ко мне и пожаловали.

– Я хочу учить французский язык. Думаю поступать в этом году в педагогический, вот надо подготовиться.

– Серьезный подход к делу, – одобрительно покивал головой профессор. – Уважаю. Ну

что ж, приступим.

Через полтора часа в кабинет заглянула Берта Марковна.

– Мальчики, пойдите чай пить. Сеня, ты уморишь юношу.

– Здравствуйте! – Влад приподнялся, чтобы поприветствовать вошедшую, и спрятал руку за спину. Протеза у него пока не было, поэтому молодой человек очень стеснялся своего недостатка. Однако ни Семен Аркадьевич, ни его жена будто не видели этого изъяна в новом знакомом.

– Меня Берта Марковна зовут, и я приглашаю вас на чаепитие, потому что, если Сеню не остановить, он может своим французским заниматься двадцать четыре часа в сутки.

На круглом столе стоял потрясающий фарфоровый сервиз, дымился душистый чай, а рубиновое варенье блестело на солнце.

– Расскажите о себе, Влад, – попросила пожилая женщина, разливая заварку по чашкам.

– Я не знаю, что сказать, простите, – стушевался молодой человек.

– Ну как же? – развел руками профессор. – Откуда вы? Где родились? Чем занимались? Какие у вас мечты?

– Сеня, что ты набросился на человека? – замахала руками Берта Марковна. – Сто вопросов в минуту! Разве так можно?!

– Я родился в Москве, – осторожно начал Влад. – В семье генерала...

– Не молчите, рассказывайте, нам очень интересно, – мягко подтолкнула к продолжению разговора женщина. – Мне кажется, мы с вами теперь будем часто видеться, так что хочется о вас узнать что-то.

– Моя мама умерла, когда мне было двенадцать лет, – с трудом произнес юноша.

– Боже! Как я сочувствую вам! Какое несчастье – в таком юном возрасте потерять мать! – запричитала женщина. – А ваш отец где? Он тоже здесь, в Виннице?

– Нет, мой отец остался в Москве, а я приехал сюда.

– Да как же он вас отпустил?

– А он и не отпускал. – Влад потупил взор. – Я сбежал из дома.

За столом возникло молчание. Затронутая тема была очень щекотливой, поэтому профессор с женой не знали, как и что можно сейчас сказать. Через некоторое время Берта Марковна все-таки произнесла:

– Влад, вы меня простите, я не знаю, что у вас произошло с отцом, поэтому оценку услышанному давать не буду. Но скажу как мать и как женщина: ваш отец очень переживает, даже если этого не показывает. Я бы вам посоветовала хотя бы иногда звонить ему, потому что его сердце разрывается от тоски.

Влад покраснел и уставился в чашку. Слова женщины больно ранили его – с того памятного звонка он так ни разу и не связался с отцом, то есть целых три месяца. «Надо папе позвонить, – решил младший Никольский. – Он даже не знает, что со мной случилось».

Вечером молодой человек зашел на почту и набрал до боли знакомый номер телефона.

Трубку взяла какая-то девушка.

– Алло? Говорите! Я не слышу вас!

Влад никак не ожидал услышать женский голос, поэтому опешил. Он долго слушал незнакомые интонации, но не смог произнести ни слова. Наконец он тяжело повесил трубку и отправился домой, где ждала его Оксана.

Глава 7

Прошло три месяца. Влад блестяще сдал вступительные экзамены и теперь учился на дневном отделении местного педагогического института. Несмотря на то что французский язык молодому человеку давался очень легко и он быстро стал одним из лучших студентов на курсе, три раза в неделю он все равно приходил к Семену Аркадьевичу и Берте Марковне. Пожилая чета с любовью называла молодого человека «сынок» и с радостью проводила с ним время. Профессор стал заниматься языком с Владом бесплатно – ему не нужны были его деньги, ему просто нравился этот умный, интеллигентный и вежливый мальчик, который в семнадцать лет оказался один в чужом городе, получил увечье, но не пропал, не опустил, а выдержал, справился...

– Ты словно лучик света, – говорила Берта Марковна, глядя светлые волосы Влада. – Ты такой красивый.

– Да, только одет ужасно, – вдруг вмешался в разговор Семен Аркадьевич. – Ну где это видано, чтобы студенты-первокурсники так ходили?

– У нас все на курсе одинаково одеты, – сказал молодой человек, но все же внимательно осмотрел себя со всех сторон, чтобы понять, что именно так не понравилось его любимому профессору.

– И ты считаешь, что это нормально? – насмешливо поинтересовался тот.

– Что именно? – не понял Влад.

– Что вы все одеты одинаково. И ладно бы, если хорошо и стильно, так ведь нет: брюки ремнем стянуты, карманы топорщатся, у свитера ворот растянута. Так молодым людям одеваться нельзя, это просто преступление по отношению к себе.

– Семен Аркадьевич, так ведь на стипендию мою особо ничего не купишь, и так мне Оксана помогает очень, – стал оправдываться молодой человек. – Да и потом, в универмагах не так часто бывает что-то.

– Сынок, не надо ничего покупать – это убивает индивидуальность человека. Вот подойди к зеркалу, смотри на себя. Посмотрел? А теперь скажи: ты когда-нибудь встречал человека, похожего на тебя, как две капли?

– Нет. Но есть люди гораздо красивее меня, – уверенно ответил Влад и посмотрел на руку. Недавно ему сделали протез, который, по его мнению, был верхом уродства. Чтобы хоть немного сгладить впечатление от искусственной руки, он надел на протез черную перчатку – стало немного лучше, но все же это была не живая рука, а лишь пластиковая бутафория.

– Я не про красоту с тобой говорю, – продолжил профессор. – Всегда найдется кто-то, кто будет красивее тебя. Речь идет об индивидуальности. Представь, что перед тобой стоит десять чашек. Они все очень красивы, из тончайшего фарфора, с удивительным

рисунком. Они тебе нравятся. А рядом с ними стоит еще одна: тоже фарфоровая, но вроде менее качественная, тоже с рисунком, но рисунок другой, попроще, тоже красивая, но другая. Какую чашку ты выберешь: одну из десяти или одиннадцатую?

Влад задумался. Сначала он хотел уверенно сказать, что взял бы одну из тех, которые более красивы, но потом подумал: «У меня и еще девятерых будут эти чашки, но я же обязательно в какой-то момент подумаю о том счастливишке, который обладает одиннадцатой чашкой, совсем другой, непохожей на наши».

– Взял бы одиннадцатую, – ответил юноша, и лицо профессора расплылось в улыбке.

– Я не ошибся в тебе, сынок.

Через несколько дней Влад выходил от портного в новом костюме-тройке в яркую полоску. Он чувствовал себя в этот момент таким уверенным в себе, таким взрослым и красивым, что казалось, ему все по плечу, любое дело, любое начинание.

Оксана, увидев возлюбленного в новом образе, воскликнула:

– Владик, ты роскошный мужчина. Я теперь не смогу выйти с тобой на улицу, по сравнению с тобой я простушка.

Юноша улыбнулся, прижал женщину к себе и сказал:

– Ничего, мы и тебе сошьем платье. Будем вместе щеголять по городу.

– Милый, у нас денег не хватит на то, чтобы вместе одеваться у портного. Все-таки они дорого берут.

Влад задумался: «Они дорого берут? Может, мне научиться шить самостоятельно? И себя одевать буду, и Оксанку, а там, может, и деньги начну этим зарабатывать, чтобы Ксюне помочь. Надо будет посоветоваться с Семеном Аркадьевичем, он мне подскажет».

Вечером, за ставшим доброй традицией чаепитием, Влад рассказал о своей идее профессору и его жене.

– А что? Мысль хорошая, – одобрила Берта Марковна. – По крайней мере, себя и свою семью ты всегда сможешь одеть.

– Не вижу причин, чтобы не попробовать, – согласился с супругой Семен Аркадьевич. – Мне надо подумать...

– О чем, Сеня?

– Где мальчику выучиться на портного, чтобы институт не бросать, но профессией овладеть в совершенстве.

– Я могу просто на курсы кройки и шитья пойти, Семен Аркадьевич, – вступил в беседу Влад.

– Но это же не тот уровень!

– Я попробую там. У меня могут возникнуть трудности, с которыми я не справлюсь, поэтому хочу начать с самого элементарного, – уверенно ответил молодой человек, и в его голосе звучала твердая уверенность в своем выборе.

– Что ж, сынок, не буду тебе перечить. Дальше видно будет, – согласился профессор,

и беседа потекла в другом направлении.

Надвигался Новый год и первая в жизни Влада сессия, однако голова молодого человека была занята совсем другим – он шил Оксане сарафан в подарок. Несмотря на свое увечье, Владислав делал колоссальные успехи в портновском искусстве: ткань он поддерживал протезом, а правой рукой с легкостью кроил, обметывал и шил. Иногда возникали трудности, но юноша упорно преодолевал их, не давая унынию и депрессии взять верх. Каждой победой он делился с Семеном Аркадьевичем и Бертой Марковной, которые стали ему по-настоящему близкими и родными людьми; каждую неудачу хранил в душе, не пуская никого в свой мир, где все-таки жила обида на жизнь, на отца и даже на себя. Часто он думал о том, что было бы, если бы его мама была жива: «Мне так не хватает моей мамочки! Если бы она не умерла, я бы никогда не сбежал из дома, не устроился на этот завод и не потерял руку! Я бы не был так бесконечно одинок, я бы не чувствовал себя оторванным от семьи, от родного города. Я бы не потерял свои корни и не пытался найти хоть каплю любви от посторонних людей». Мысли о маме часто перекликались с размышлениями об Оксане – Влад понимал, что не любит эту женщину, однако именно она оказалась рядом в тот момент, когда произошла трагедия, именно она спасла, приютила и взяла на себя заботу о нем. «Я не испытываю к Ксюше никаких глубоких чувств, но она любит меня, она дает мне то тепло, которого мне так не хватает в чужом городе, – думал он. – Я никогда, наверное, не смогу назвать ее своей женой, но и уйти от нее не могу – тогда у меня не останется никого, кто протянет руку в трудную минуту, утешит и даст надежду на лучшее. Оксана очень хорошая, но...» На этом мысли молодого человека оборвались – подошла Ксюша и поцеловала его в шею. Влад обернулся и приник к ней губами: Оксана вызывала в нем желание, и с этим он не мог бороться. Женщина расцвела с появлением любимого – она стала более женственной, спокойной и уверенной в своей привлекательности. Ушли в небытие кокетство, яркий макияж и высокие сложные прически, но от этого она стала еще красивее. Аккуратная элегантная одежда, которую шил для нее Влад, подчеркивала достоинства и скрывала недостатки, глаза светились изнутри, словно любовь зажгла в ней волшебный фонарик; чистое личико было прекрасно и дышало юностью и свежестью, а черные волосы густой волной спадали на плечи. Перед ней не мог устоять ни один мужчина, однако Оксане никто, кроме Влада, был не нужен: она жила им, дышала им, вся растворилась в нем. И сейчас, лежа в кровати с любимым, тая от его прикосновений, она чувствовала, что отдельно от него ее просто нет, вся ее сущность сосредоточена в этом родном запахе, в знакомых прикосновениях и жарких столах – она была лишь частью этого полумальчика-полумужчины.

– Милый, я никогда не касалась этой темы, – начала Оксана, когда любовники отдыхали после жарких объятий. – Не хочу лезть не в свое дело, но тем не менее спрошу...

– Что ты хочешь узнать? – хрипло откликнулся Влад.

– Ты не сообщал отцу о том, где ты?

Молодой человек напрягся. Он хорошо помнил свой звонок домой, когда трубку подняла какая-то девушка. Тогда он ничего не сказал ни Оксане, ни профессору с женой, предпочитая забыть навсегда о том, что у него есть семья. И вот сейчас «гражданская жена» неожиданно подняла эту тему.

– Я звонил ему летом, но ответил женский голос...

– И что? – Девушка не поняла, в чем подвох.

– С тех пор как умерла мама, у нас дома никогда не было женщины. Значит, мой отец, избавившись от меня, сразу стал заниматься личной жизнью. То есть я был ему помехой. Сейчас у него все хорошо, значит, не стоит лезть.

– Владик, мне кажется, ты заблуждаешься, – мягко произнесла Оксана. – Иногда дети живут отдельно от родителей, но расстояние не может убить их любовь друг к другу. Мне кажется, что он волнуется от того, что не знает, что с тобой.

– Дети не должны жить отдельно от родителей – это не семья. Никогда не пойму и не приму тех людей, которые отказываются от своих детей, – в голосе Влада послышались стальные нотки.

– Милый, в жизни не всегда бывает все просто и однозначно, – женщина почему-то смутилась и покраснела.

– Не надо мне говорить о сложности жизни, – вскипел молодой человек. – Я потерял мать, а отец просто взял и выбросил меня из своей жизни!

– Но это же ты от него ушел, – напомнила Оксана.

– Он вынудил меня это сделать, – отрезал Влад.

Оксане не нравился этот разговор, потому что очень боялась хоть чем-то расстроить или разозлить любимого, однако она нашла в себе силы продолжить:

– Мне кажется, что тебе стоит позвонить ему и поздравить с Новым годом. Это будет хорошим поводом, чтобы наладить ваши отношения.

Молодой человек повернулся к женщине спиной и замолчал. С одной стороны, он хотел поскорей забыть о своей прошлой жизни, поэтому никаких контактов ему не надо было, с другой стороны, сын все-таки скучал по отцу и очень хотел услышать его голос, спросить, как у него дела, рассказать о себе. «Я позвоню ему, – наконец решил Влад. – Позвоню и все расскажу».

30 декабря Влад с Оксаной пошли на почту, чтобы позвонить генералу Никольскому. Молодой человек очень нервничал – слишком долго он хранил молчание, слишком много всего произошло... Молодая женщина уже с утра заметила, что ее любимому страшно сделать этот шаг навстречу прошлому, поэтому ненавязчиво предложила пройтись до отделения связи вместе, и Владик с благодарностью согласился.

– Папа, с наступающим Новым годом! – срывающимся голосом кричал в трубку молодой человек.

– Сынок! Сыночек! Как ты? С тобой все в порядке?

– Да, папа, у меня все нормально... – на этих словах он посмотрел на свою руку. Он понимал, что должен сказать отцу, что случилось, но произнести роковые слова «я инвалид» все-таки не смог. – Давай я про себя потом тебе расскажу, отец. Ты мне лучше скажи, кто поднимал трубку несколько месяцев назад, когда я звонил.

Генерал замялся, но потом все рассказал:

– Когда ты ушел, я очень испугался. Я поднял на ноги всех знакомых, однако никто из нас не мог предположить, что ты отправишься в Украину. Мне казалось, что я потерял несколько лет жизни за те три дня, когда от тебя не было и весточки. Потом ты позвонил, сказал, что с тобой все в порядке, однако разговора у нас не получилось. Сначала, зная, что ты в Виннице, я хотел отправить за тобой взвод солдат, чтобы они под конвоем привели тебя домой, но... Не успел... Меня срочно командировали, и за это время я успокоился и обо всем подумал. Я видел молоденьких ребят, несущих службу вдали от родителей, от дома, я ими гордился, я ими восхищался и очень жалел, что среди них нет тебя. А потом подумал: «Мой сын сейчас тоже далеко от меня. К

сожалению, не в армии, но и не под родительским крылом. Пусть становится мужчиной таким способом, раз уж по-человечески не может». Теперь я уже не хотел тебя забирать. И разыскивать тебя тоже не хотел, чтобы не возникло соблазна прийти тебе на помощь. Ты должен был самостоятельно стать мужчиной. Чтобы занять пустые одинокие вечера, я стал ходить в библиотеку и брать книги. Там я познакомился с Настей.

– С Настей? – перебил рассказ отца Влад. – Сколько ей лет?

– Она совсем молодая, – смутился Николай Александрович. – Всего на год тебя старше.

Сын молчал – возраст его «мачехи» шокировал. Отец связался с малолеткой и поселил ее в их доме, вместо него. Тем временем генерал продолжал:

– Однажды я пригласил ее в гости. Мы поужинали. Она так мило болтала, что я расслабился и совсем забыл о том, какая угнетающая тишина здесь стояла еще несколько часов назад. Мне было с ней хорошо и легко, она проста и непосредственна. И она благодарная...

В последнем предложении Владу послышался упрек, словно отец сейчас пытался обвинить сына в эгоизме, но молодой человек решил не обращать на это внимания. Ему хотелось, чтобы этот предпраздничный разговор не закончился очередным скандалом. Обычно невыдержанный, он в эту минуту смог взять себя в руки.

А Николай Александрович все еще говорил:

– Мы поужинали, и я хотел пригласить Настю в гостиную, но тут почувствовал, что теряю сознание. Сердце словно стиснул стальной кулак, и я никак не мог вдохнуть... Хотя, сын, зачем я тебе это рассказываю? Не стоит... В общем, Настя уложила меня на диван, нашла какие-то капли и дала мне их выпить. Помню, что она сидела рядом со мной и что-то шептала, а потом я заснул. Через несколько часов я открыл глаза и понял, что боль ушла, однако остался страх... Страх одиночества... Страх, что и эта девушка уйдет, как когда-то ушел ты... И я снова останусь один... И никого рядом не будет...

– Папа, мне очень жаль, – промолвил Влад. Он помнил свое состояние в больнице, когда казалось, что он никому не нужен. Хорошо, что Оксана оказалась рядом в тот тяжелый момент. – Хорошо, что Настя оказалась рядом в тот момент.

– Да, я очень ей благодарен, – с чувством согласился Николай Александрович. – С тех пор мы живем вместе.

Возвращаясь домой, молодой человек думал о том, как тесно связаны они с отцом, словно проживают одну и ту же жизнь, только в параллельных мирах.

– Удивительно, но мне кажется, что сердечный приступ отца произошел в тот же момент, когда я попал в больницу, – делился своими мыслями с Оксаной Влад. – Ему было плохо тогда, когда плохо было мне. Но рядом с ним оказалась Настя, как рядом со мной оказалась ты. Значит, дети все-таки – это продолжение своих родителей. Значит, мы все-таки связаны друг с другом чем-то, что неподвластно разуму, но что тем не менее существует.

Оксана молча слушала любимого: тема родственных связей была слишком скользкой, и она не хотела вступать в диалог. По крайней мере, пока не хотела.

Прошло два с половиной года. Влад заканчивал третий курс института, но учеба не приносила ему такого удовольствия, как пошив одежды. Клиенты с радостью шли к юному портному: этот удивительный мальчик умел создать такой наряд, который отражал суть своего хозяина, подходил по темпераменту, но при этом был всегда лаконичным, законченным и стильным. Это не приносило большого дохода, потому что Влад не мог работать полный день – учеба отнимала почти все время, однако семье из двух человек денег хватало, даже оставались средства, чтобы чем-нибудь порадовать Семена Аркадьевича, у которого недавно умерла жена. В те тяжелые для профессора дни бывший ученик был постоянно рядом: рассказывал студенческие истории, выводил на прогулки, просил объяснить какие-то правила французской грамматики. Ему было все равно, чем занять старика, лишь бы тот хоть на время отвлекался от грустных мыслей. Сейчас самый страшный период остался позади, но, как и прежде, три раза в неделю юноша находил время и силы, чтобы прийти в просторную квартиру, обставленную антиквариатом, сесть за круглый стол и выпить душистого чая с дорогим ему человеком.

– Что не весел, сынок? – спросил Семен Аркадьевич Влада.

– Меня беспокоит Оксана, – начал молодой человек. – Она в последнее время стала задумчивой, рассеянной. Постоянно нервничает, иногда куда-то уезжает, но мне не говорит куда. Но дело даже не в этом – она смотрит на меня затравленным взглядом, словно хочет сказать что-то, но боится.

– А ты поговорить с ней не пробовал? – профессор наклонился вперед к молодому человеку.

– Боюсь начать этот разговор, – признался Влад. – Я не знаю, к чему он может привести.

– Сынок, ты не можешь бегать от проблем. Проблемы надо решать, если они решаемы, либо учиться с ними жить, если исправить что-то невозможно. Но томиться в неизвестности нельзя.

– Вы правы, Семен Аркадьевич, вы, безусловно, правы, – согласился молодой человек. – Я сегодня же с ней поговорю.

Вечером Влад подошел к Оксане, которая крутилась на кухне. Она была бледна и сосредоточенна, но в последнее время это стало ее обычным состоянием.

– Ксюня, давай поговорим, – обратился к своей женщине молодой человек.

– Да, Владик, нам надо поговорить, – устало произнесла хозяйка. – Давай присядем.

Он почувствовал, что намечается серьезный разговор, поэтому тихо присел на табурет и посмотрел на Оксану. «Нельзя перебивать, – решил он, – она сама готова рассказать, пусть только соберется с силами».

– У меня есть тайна, – промолвила женщина. – Я очень долго ничего не говорила и, может быть, никогда не сказала бы, но все изменилось...

Было видно, что ей очень трудно дается это признание, но Влад даже не попытался ей помочь. Он весь напрягся, словно чувствовал, что через мгновение изменится вся его жизнь.

– У меня есть сын, его зовут Костя, ему пять лет, – скороговоркой произнесла Оксана.

И тут у Влада помутился рассудок. Он вспомнил, как ему жилось без мамы, как тяжело переживал каждый день, как не хотел просыпаться по утрам, зная, что мамы больше нет. Он вдруг представил, как жилось маленькому Косте одному в то время, как Оксана занималась с ним любовью, одевалась в красивые вещи, сшитые им же, как ходила с ним гулять. Ее маленький сын был лишен того, что она отдавала ему, взрослому мужчине. Молодой человек вскочил и здоровой рукой схватил Ксюшу за плечо.

– Как ты могла так поступить?! – орал он. – Тебе нет прощения! Ты не женщина, ты такая же бутафория, как мой протез! Ты есть, но тебя на самом деле нет! Ты бросила собственного ребенка ради того, чтобы развлекаться со мной! Я не могу поверить, что жил с тобой столько лет.

– Владик, любимый, прости меня, – слезы ручьем текли по ее лицу. – Костя жил с моей мамой, в любви, я помогала им деньгами...

– Деньгами? Да что ты понимаешь? Деньги никогда не заменят мать! Ты не знаешь, что значит остаться сиротой, ты ничего не знаешь об этом! Как ты могла?

– Он не сирота, я приезжала к нему, я часто навещала его, привозила гостинцы, подарки! Я боялась, что ты будешь против ребенка, поэтому так поступила!

– То есть ты променяла собственного ребенка на мужика?! Грош цена тебе, дорогая! Видеть тебя больше не могу и не хочу!

– Владик, прости меня! Прости, пожалуйста! Давай заберем сына домой. У нас все будет хорошо!

– Домой? У меня нет теперь дома, поступай как знаешь. Я не могу находиться рядом с той, которая бросила собственного ребенка! Я просто не могу!

Оксана упала на пол, обняла ноги любимого и рыдала:

– Прошу тебя, не уходи! У нас все получится. Прости меня, умоляю, прости!

– Прощение будешь просить у сына. А у меня не надо! – И Влад пошел собирать вещи.

Через пятнадцать минут дверь в дом Оксаны захлопнулась. Этот этап жизни был закончен.

Глава 9

После того как Влад ушел от Оксаны, он пошел жить к Семену Аркадьевичу. У молодого человека были сомнения по поводу правильности своего поступка, ведь рано или поздно он окончит институт и его отправят по распределению в другой город. «Профессор привыкнет ко мне, и ему будет очень тяжело терять еще одного близкого человека, – размышлял он. – Он так тяжело перенес смерть жены, а потом и я уйду. Как он снова один останется?» Влад шел по темным улицам города, неся в здоровой руке свою сумку – все то, что он забрал от женщины, с которой прожил почти три года, а ноги несли его к дому профессора. Идти в ночи все равно было некуда, так что хотя бы на сутки ему придется остановиться в доме, где он давно чувствовал себя своим.

Профессор без разговоров принял ученика и на все доводы Влада отвечал:

– Я люблю тебя как сына, поэтому считаю, что будет правильнее, если жить ты будешь здесь. А по поводу распределения: я взрослый человек и знаю, что дети вырастают и

разлетаются кто куда, поэтому готов к тому, что рано или поздно ты покинешь меня. Это жизнь. Но если у нас есть возможность прожить хотя бы несколько лет одной семьей, то надо обязательно ею воспользоваться.

И Влад согласился, о чем ни разу не пожалел: Семен Аркадьевич знал много об искусстве, хорошо разбирался в истории разных стран, чем с удовольствием делился с впитывающим, как губка, юношей, а Влад, в свою очередь, приносил деньги в дом, шил профессору костюмы, ходил с ним в филармонию и как мог скрашивал досуг старика.

Прошло два года. В тот день в местной филармонии выступал с гастрольями камерный оркестр из Ленинграда. Влад заранее купил два билета, желая пойти насладиться классической музыкой вместе с Семеном Аркадьевичем, но профессор не очень хорошо себя чувствовал, поэтому выходить из дома отказался. Молодой человек пошел один.

Во время антракта Влад стоял в фойе и рассматривал фотографии музыкантов. Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Медленно обернувшись, он увидел, что рядом с колонной стоит Оксана и держит за руку мальчика. Сердце заколотилось как бешеное: «Она забрала сына, значит, я не зря ушел от нее. Теперь вся ее любовь будет доставаться этому несмышленишу, который так долго был ее лишен».

Влад подошел к бывшей любовнице, держа покалеченную руку в кармане, чтобы не смущать малыша.

– Здравствуй, Оксана, – поприветствовал молодой человек женщину.

– Здравствуй, Влад. Познакомься, это Костя, мой сын.

– Очень приятно, молодой человек, – с улыбкой произнес он и протянул правую руку.

Мальчик смутился и посмотрел на мать, но Оксана не отводила взгляда от любимого человека. Ребенок несколько секунд поразмыслил над чем-то, потом протянул маленькую ладошку:

– Я Костя.

Влад потрепал мальчишку по волосам и посмотрел на его мать:

– Как ты, Ксюша?

– Нормально. А ты?

– Тоже нормально, спасибо.

Неловкую паузу, возникшую между когда-то близкими людьми, нарушил мальчик:

– У нас скоро в школе будет иностранный язык, представляете? И как это я буду его учить? Даже страшно представить.

– А какой язык ты будешь учить, малыш? – поинтересовался Влад.

– Английский, только я боюсь. Вдруг у меня не получится?

– Хочешь, я тебе помогу? Я знаю английский язык. И мы с тобой его сейчас начнем учить. А когда у вас появится этот предмет, ты уже будешь многое знать и тебе не будет страшно.

– Правда? – обрадовался ребенок. – Конечно, хочу. А когда?

– Давай на следующей неделе и начнем, договорились?

– Договорились, – запрыгал вокруг матери Костя.

Неловкость пропала, и теперь Влад мог спокойно говорить с Оксаной, но тут услышал женский голос:

– Влад!

Он обернулся – перед ним стояла Катя. Та самая Катя, которую он так любил в школе, в московской жизни, оставшейся далеко в прошлом. Воспоминания захлестнули его: он помнил, как жарко целовались они в его комнате, как не могли оторваться друг от друга и каждый вечер, когда приходило время прощаться, для них становился кошмаром, который заканчивался с приходом солнца. Вспомнил он и то, как однажды увидел любимую девушку в обнимку с другим парнем. Тогда ревность вытеснила рассудок, и он прямо на улице кричал на Катю и говорил, что не хочет больше ее видеть. Девушка горько плакала и пыталась что-то объяснить, но он не слушал ее. В конце концов Влад просто развернулся и ушел домой, оставив рыдающую Катю возле Патриарших прудов. Шестнадцатилетняя красавица не знала, как правильно вести себя в сложившейся ситуации, и решила, раз от нее так легко отказались, значит, не нужна она своему любимому. Так закончился трепетный юношеский роман. А сейчас маленькая хрупкая женщина смотрела широко раскрытыми глазами на своего бывшего молодого человека и не верила в происходящее.

– Катя? – выдохнул Влад.

– Катя? – переспросила Оксана и уставилась на незнакомку. Она чувствовала, что этих людей связывает что-то большее, чем вместе проведенное детство, и ее присутствие сейчас явно становилось лишним. – Мы пойдем, Владик. Всего доброго. И спасибо за Костю.

Влад смог только кивнуть головой в ответ – все его внимание было приковано к той, что стояла прямо перед ним. Эмоции бушевали в его душе, и он не смог сдержать порыв – он кинулся к девушке и крепко прижал ее к себе. Сердце было готово выпрыгнуть из груди.

– Как ты, Катенька? Как ты здесь оказалась? Почему ты здесь? – Тысячи вопросов роились в голове молодого человека, и он не знал, какой задать первым. Ему вдруг стало неважно, что было тогда, далеким летом, когда он увидел девушку с другим. Гораздо важнее стало то, что она, его мечта, его первая любовь, сейчас стоит рядом с ним и взволнованно молчит.

– Владик, – наконец-то раздался ее нежный шепот. – Я так скучала по тебе!

– Я тоже, я тоже, милая...

Пара ушла из филармонии, так и не вернувшись в зал после антракта. Они шли, держась за руки, и разговаривали – им так много надо было сказать друг другу. Оказывается, девушка окончила медицинское училище и сейчас училась в институте; она вышла замуж за военного, поэтому находилась здесь – мужа командировали в Винницу.

– А дети у вас есть? – задал самый важный для него вопрос Влад.

– Нет, детей нет, – как-то грустно ответила его единственная любовь.

– А почему? – продолжал настаивать молодой человек.

– Расскажи, как ты здесь оказался, – ушла от ответа Катерина.

Влад понял, что тема для девушки неприятная. Он покрепче сжал нежную ладошку и

начал свой рассказ...

Возле подъезда молодые люди остановились. Оба понимали, что через несколько секунд им придется попрощаться, но сделать этого никак не могли – слишком сильно они когда-то любили друг друга, слишком скучали...

– Давай увидимся завтра, – предложил Влад. Он боялся услышать ответ, но и не спросить тоже не мог.

– Хорошо, Владик. Где?

– Приходи ко мне. Я живу не один, но, думаю, Семен Аркадьевич поймет нас.

– Я приду, милый, я обязательно приду.

– Вот адрес. – Молодой человек быстро нацарапал что-то на тетрадном листочке и протянул девушке. – В три часа тебе удобно будет?

– Да, милый. Я приду в три часа. До встречи.

Катя упорхнула в подъезд так быстро, будто боялась, что через секунду она будет уже не в состоянии совладать со своими эмоциями. Влад еще несколько минут смотрел на окна, пытаясь угадать, где живет его любимая, но потом взял себя в руки и пошел в сторону дома. Завтра он снова увидит ее, свою Катеньку, а пока надо было пережить эту ночь.

Воспоминания не давали заснуть, вопросы роились в голове, сердце никак не успокаивалось: «Почему она тогда выбрала меня? А что будет сейчас? Любит ли она меня или это просто юношеские воспоминания? Почему у нее нет детей? Неужели она не хочет? Вдруг я разрушу ее жизнь своим появлением? Может, она счастлива с мужем? Но тогда зачем согласилась прийти завтра? Может, ей просто надо развлечься? Я не верю... Или верю? Она же смогла тогда пойти с другим, так сейчас ей что мешает? Как же мне быть? Катенька... Любовь моя... Моя единственная любовь...»

Наконец сон сморил его, однако Катя преследовала его и там: ему снилось, что он целует ее губы, гладит тонкие волосы, вдыхает аромат, а она страстно шепчет: «Я люблю тебя, люблю...»

Будильник вырвал Влада из сновидения. Он подбежал к окну – на улице шел дождь. «Ну и пусть, – решил молодой человек. – Зато сегодня я увижу свою Катеньку. И все будет как раньше». С этими мыслями он помчался собираться в институт и сразу после окончания занятий летел домой. Скороговоркой он рассказал профессору о Кате и сообщил, что она должна прийти сегодня в гости. Семен Аркадьевич улыбнулся:

– У тебя будет гостя? Хорошо. Тогда я пойду схожу в библиотеку – хочу одну книгу там найти. Очень интересные сведения в ней, я слышал. Надо ознакомиться.

Влад оценил такт старика и в порыве чувств обнял его. Профессор похлопал молодого человека по плечу и рассмеялся:

– Эх, дело молодое! Развлекайся. В холодильнике есть обед, чай и варенье найдешь. Хотя чему я тебя учу? Ты и сам все знаешь.

Ровно в три часа раздался звонок в дверь – на пороге стояла мокрая до нитки Катя. Влад втащил девушку в квартиру и крепко прижал к себе. И Катю вдруг прорвало: она плакала и говорила:

– Это был брат моей подруги, тот парень, с которым ты меня видел. Я шла к ней в гости и встретила его – он только вернулся из армии. Я знала его с самого детства,

он меня плавать учил даже. Я не видела его два года и вдруг смотрю, идет Ваня! Я так обрадовалась, а он... он обнял меня! Мы так и пошли домой к ним, в обнимку. А навстречу ты идешь... Я сначала не поняла, что случилось, ты так кричать сразу начал... А когда поняла, то даже объяснить не смогла... Ты же не слушал...

Катины слова смешивались с рыданиями, она сбивалась, потом начинала снова, а Влад молчал... Он гладил эту вздрагивающую девушку по спине, голове, щекам и просто слушал – сейчас перед ним снова вставало прошлое, но уже совсем в другом свете. «Почему я не выслушал ее? – сокрушался молодой человек. – Почему оттолкнул? Оказывается, все так легко объяснялось, а я столько мучился и Катю мучил. Куда я поспешил? Зачем? Чего я добился?» Пока эти мысли роились в голове мужчины, женщина продолжала:

– ...А потом ты исчез... Ты не пришел в школу, не сдавал с нами экзамены. Я бросилась к твоему отцу, но он даже говорить со мной не захотел. Я несколько лет ждала, что ты вернешься, но...

– Да, Катенька, я не вернулся... И не вернусь уже...

– А потом появился Володя. Он полюбил меня и до сих пор любит... И все мне прощает... И никогда не кричит, не отворачивается от меня... И я вышла за него замуж, потому что без тебя я просто умирала. Он не дал мне погибнуть, за что ему очень благодарна.

Дальше слушать Влад уже не хотел – он начал снимать с девушки мокрую одежду, белье и покрывать холодную кожу поцелуями. Страсть охватила пару: объятия, стоны, горячее дыхание и слова любви – все смешалось и превратилось в некий танец чувств. Так хорошо Владу не было никогда, даже опытная Оксана, ставшая его первой женщиной и умеющая доставлять удовольствие любимому, не могла сравниться с Катенькой, с ее нежностью, трепетностью, податливостью и необузданным желанием принять в себя его, Влада.

Несколько часов пролетели как минута – наконец мужчина и женщина, обессиленные, уронили головы на подушки и затихли. Реальность медленно проникала в их сознание.

– Оставайся у меня, – прошептал молодой человек, прикладывая губами к влажному плечу Кати. – Я не могу снова отпустить тебя.

– Мне надо вернуться домой. – Девушка смотрела печальными глазами на любимого.

– Зачем? – Влад приподнялся и навис над любовницей.

– Сегодня Володя возвращается.

– То есть ты мне подарила себя, свое тело всего на время? – он не мог поверить в происходящее. – То есть ты знала, что, встав с моей постели, ты пойдешь к мужу? И тебя это никак не смутило?

– Милый, послушай! – Катя начала плакать. – Я не могу просто не прийти. Я замужем. Уйти от него к тебе – это серьезный шаг, и нам обоим надо подумать, прежде чем его совершить.

– Подумать? А о чем ты думала, когда шла ко мне? О чем ты думала, когда занималась со мной любовью? Для тебя это не серьезный шаг? Для тебя это была шутка, а теперь тебе подумать надо? Уходи! Я не хочу тебя видеть! Я ненавижу тебя!

Катя, вытирая не останавливающиеся ни на секунду слезы, надевала мятую, влажную от дождя одежду и молчала. Она так ждала, что любимый сейчас остановит ее, но Влад отвернулся к стене и больше не поворачивался.

Через несколько минут хлопнула входная дверь. Катя ушла из жизни Влада так же внезапно, как появилась.

Глава 10

Владу исполнилось двадцать пять лет. Он уже два года жил в городе Черновцы, куда его отправили по распределению после окончания института. Отъезд из Винницы дался молодому человеку непросто: с одной стороны, ему очень хотелось убежать оттуда, где жизнь так жестоко посмеялась над ним, где он потерял руку, потерял любовь и доверие к женщинам; с другой стороны, сердце разрывалось при мысли, что с Семеном Аркадьевичем, проявившим к нему больше любви и участия, чем родной отец, он может больше не увидеться. Но каковы бы ни были мысли и чувства молодого человека, ехать все равно было необходимо.

Новый город встретил бывшего студента неприветливо: Влад долго не мог найти жилье и скитался по обшарпанным общежитиям, а коллектив школы № 7, куда он был направлен преподавать английский язык, не принял новичка. На какое-то время он снова оказался один в чужом городе, только теперь было гораздо сложнее – смириться с уродливым протезом молодой человек так и не мог, поэтому смущался и избегал общения. Наконец удача улыбнулась ему – шестидесятилетняя старая дева, мадам Лотта, сдавала комнату в своем доме. Даже можно было бы сказать, что это однокомнатная квартира, так как там было все необходимое для жизни и имелся отдельный вход. Сначала Влад, стараясь сохранить дистанцию между собой и хозяйкой дома, пользовался им и свел общение с женщиной к минимуму, но постепенно он оттаивал и все чаще и чаще принимал заботу мадам Лотты. Она была единственным человеком, с которым общался Влад.

«Как мне одиноко, – думал молодой человек по вечерам. – Там, в Виннице, меня всегда окружали люди. Там не было равнодушных. Там даже пьяница Николай отнесся ко мне с пониманием и протянул руку помощи, хотя я и не просил, и даже не ждал. Здесь же все как каменные, даже учителя в школе. Я помню, как косо они смотрели на меня, как обсуждали за моей спиной мой внешний вид, как смеялись над протезом. И после этого мне надо им улыбаться и поддерживать беседу? Никогда! Никогда я не опущусь до такой степени! Но все же мне так одиноко... Я всегда один... Никто не радуется, когда я возвращаюсь домой, не ждет с нетерпением, когда я ключом открою дверь...» Тоска не давала Владу вдохнуть полной грудью, словно камень давил на сердце и не позволял открыться окружающему миру. Все свои душевные порывы он направил на обустройство дома – ему очень хотелось сделать так, чтобы окружающая обстановка приносила долгожданный комфорт. За основу молодой человек взял стиль «барокко», с которым его познакомил Семен Аркадьевич, но внес свои нотки, ведь уже с восемнадцати лет он знал, что надо подчеркивать свою индивидуальность, а не копировать чужие мысли. Долго и старательно Влад подбирал мебель, ходил по антикварным магазинам и блошиным рынкам, сам сшил шторы и покрывало на постель, приобретя швейную машинку, которая, надеялся он, все-таки пригодится ему в этом недружелюбном городе. Пока все мысли и время занимало обустройство нового жилища, тоска отпустила Никольского, однако этот этап плавно подошел к концу, и внутреннее одиночество снова посетило его.

«Как же мне хочется, чтобы рядом был кто-то, – по ночам, лежа без сна, думал молодой человек. – Теперь я понимаю, как тяжело было Оксане, когда я уходил от нее. Она оставалась одна там, где была, хочется верить, счастлива со мной. Но у нее есть сын, и сейчас она по вечерам спешит домой к нему, зная, что мальчик ее ждет. У Кати есть муж, который любит ее и не дает чувствовать себя одинокой. Даже у отца появилась женщина. А я? Неужели мне так и суждено всю жизнь прожить в этом мучительном одиночестве? Как было бы хорошо, если бы меня ждали, пусть не любимая женщина, пусть даже собака какая-нибудь... Собака! Как я раньше не подумал? Надо

будет спросить у мадам Лотты, не будет ли она возражать... А если будет? Что тогда? Скорее бы утро наступило, чтобы можно было спросить!»

На кухне что-то зашуршало, и Влад вскочил: «Мадам Лотта не спит! Какая удача! Не буду ждать утра – побегу спрошу прямо сейчас!» Он выскочил из комнаты, открыл скрипучую дверь между половинами дома и вбежал в кухню. Женщина испуганно обернулась:

– Владик, вы меня напугали! Что-то случилось?

– Нет, не беспокойтесь, мадам Лотта. У меня просто вопрос к вам.

Мадам Лотта, не отрываясь, смотрела на протез Влада – молодой человек так торопился, что забыл надеть перчатку, без которой он на люди не показывался. Юноша смущенно спрятал покалеченную руку за спину и повторил:

– У меня вопрос.

– Да, Владик, спрашивай. – Пожилая женщина отвела взгляд, поняв, что вела себя некорректно по отношению к постояльцу, в котором давно души не чаяла. У нее не было семьи, мужа, детей, и всю свою нерастраченную нежность и заботу она стала вкладывать в одинокого мальчика, случайно появившегося у нее в доме.

– Вы не будете против, если я заведу собаку? – Было видно, что для Влада этот простой вопрос очень важен.

– Собаку? – переспросила мадам Лотта. На душе неприятно заскребли кошки. Дело не в том, что хозяйка не хотела присутствия в доме животных, хотя и это было отчасти правдой. Больше всего она не желала делить своего постояльца ни с одним живым существом, в том числе и с собакой. Женщина ревновала, хотя и не отдавала себе в этом отчета. Первым ее порывом было сказать твердое «нет», желая, чтобы Влад проводил все свободное время только с ней, однако интуиция подсказала, что отказ может привести к отъезду юного Никольского, а это совсем не входило в ее планы. Собрав всю волю в кулак, она произнесла:

– Конечно, я не против. Я очень люблю животных и, если надо, буду помогать вам ухаживать за ней.

Лицо молодого учителя английского языка просияло – его детская мечта о щенке вот-вот могла стать реальностью.

– Спасибо вам, мадам Лотта, вы самая лучшая хозяйка на свете. Я постараюсь, чтобы собака не причиняла вам неудобств.

– Какие неудобства? Ну что вы, Владик? Это прекрасная идея, я очень рада.

Уже на следующий день молодой человек вернулся домой с крошечным созданием породы коккер-спаниель. Рыженький комочек смешно попискивал и вертелся в маленьком одеяльце.

– Какая прелесть! – воскликнула мадам Лотта, зашедшая на половину Влада, чтобы посмотреть на нового жильца. – А как его зовут?

– Это девочка, и я назвал ее Бони, – гордо произнес молодой человек. – Она еще очень маленькая. Надо было дать ей подрасти немного, но я не мог больше ждать – забрал сразу же. Ничего, выращу самостоятельно!

О своем поспешном решении Влад в первые дни проживания Бони в его комнате пожалел – щенок не мог спать один, он скулил и замолкал лишь тогда, когда хозяин брал его с

собой в кровать. Владик очень боялся заснуть и случайно раздавить крошку, поэтому почти не спал – он охранял покой малышки. С кормлением тоже возникли проблемы – Бони не могла пока самостоятельно лакать из мисочки, поэтому приходилось кормить ее из детской бутылочки каждые три часа. В выходные, по вечерам и ночам Влад занимался этим сам, а вот в будни, когда в школе были уроки, ему приходилось доверять любимицу мадам Лотте.

– Вы справитесь? – беспокоился молодой человек, передавая теплый комочек женщине. – Молочко подогреть нужно. Она бутылочку сразу не берет, так что придется помучиться...

– Владик, не беспокойтесь, я справлюсь. Вы бегите, а то на урок опоздаете. – Хозяйка осторожно прижимала к себе дрожащее тельце и вдыхала нежный запах щенка.

Молодой человек гладил висящие ушки Бони и никак не мог выйти за порог дома, однако время поджимало – через несколько минут прозвонит школьный звонок, и ему придется войти в класс и сказать привычное «Good morning».

Через несколько месяцев маленький беспомощный комочек превратился в озорного щенка, который носился по всему дому, грыз тапки хозяев, стаскивал скатерти со стола или пытался порвать шторы, красивые кисти которых лежали на полу. Несмотря на то что Бони уже начали выводить на прогулки, она иногда делала лужи прямо в комнате, однако все шалости «рыжей бесовке» прощались – и Влад, и мадам Лотта с умилением смотрели на свою любимицу.

Жизнь молодого Никольского в Черновцах наладилась.

Глава 11

Владу исполнилось двадцать девять лет. Он так и жил у мадам Лотты, ни с кем не общаясь, кроме своей хозяйки и собачки. За прошедшие четыре года молодой человек очень изменился внешне: в светлых волосах появилась седина, осанка испортилась от работы за швейной машинкой, лицо осунулось, а глаза впали. Многие люди, которые впервые видели Влада, думали, что ему уже около сорока лет – хмурый, неразговорчивый, замкнутый...

Влад зашел в учительскую, сухо поздоровался с присутствующими и подошел к расписанию – сегодня у него было «окно» между третьим и пятым уроками. «Хорошо, проверю контрольные, – подумал преподаватель, – чтобы тетради домой не тащить».

– Владислав Николаевич, – раздался голос завуча, – у вас сегодня «замена» на четвертом уроке.

– Что? – обернулся молодой человек.

– Изольда Тихоновна повезла сына в больницу – там что-то серьезное, так что до конца четверти ее точно не будет.

– И что? – Разговор становился все менее приятным.

– Вы понимаете, что детей все равно надо аттестовывать, поэтому ее классы придется кому-то вести.

– «Кому-то» – это мне? – язвительно уточнил Влад.

– А вы знаете еще учителей английского языка у нас в школе? – в тон переспросила завуч. – Я сейчас переделываю расписание под вас.

– Я не успею подготовиться, – начал сопротивляться молодой человек, хотя понимал, что сделать он уже ничего не сможет, остается только злиться. – Мы с Изольдой работали по разным программам, и уровень знаний детей совершенно разный.

– Владислав Николаевич, давайте закончим этот разговор. Сегодня занятия идут по обычному расписанию, а на четвертом уроке у вас будет 9-й «Б».

Влад кивнул и подошел к окну: лично с этим классом он не сталкивался, однако то в столовой, то в учительской часто слышал отзывы о нем. «Вот не повезло же, – злился он. – Эти дети – маленькие дьяволы, я с ними просто не справлюсь. Изольда разбаловала их, они теперь неуправляемы. Ладно бы еще предмет знали, можно было бы заинтересовать их чем-то, но нет – там мозги отсутствуют».

Прозвенел звонок на четвертый урок – ученики с криками бросились по классам, сбивая друг друга с ног, толкаясь и крича. Влад подошел к двери тогда, когда в коридоре уже никого не оставалось. Он глубоко вдохнул, стиснул зубы и вошел.

– Good morning, – сурово произнес он и обвел взглядом класс. Перед ним стояли 16-летние ученики и смотрели на него пустыми глазами. Вдруг совершенно неожиданно раздалось:

– Good morning, nice to meet you.

Учитель вздрогнул и стал искать глазами ту, которая так смело ответила ему на чистейшем английском языке. Возле второй парты стояла редкой красоты девушка: смуглая, черноволосая, с огромными глазами и роскошной фигурой. Влад сглотнул: в горле резко пересохло. Ни одного английского слова не приходило на ум, в голове был только стук сердца и теплая пустота, похожая на невесомость...

– Пожалуйста, садитесь, – наконец взял себя в руки мужчина, однако любой его ученик сразу бы понял, что с преподавателем что-то не так – Владислав Николаевич переходит на русский язык только в том случае, если нужно объяснить новую тему; остальное же общение происходит исключительно по-английски.

Урок прошел скомканно – Влад с трудом справлялся с охватившим его трепетом, не мог сосредоточиться на ответах учеников, а программа Изольды разительно отличалась от его методики преподавания. Но главным было другое: учитель нарушил собственное правило – в течение урока спрашивать каждого ученика только один раз. Девушку, которая поразила его воображение, Владислав Николаевич поднимал пять раз и каждый раз наслаждался, как ученица на чистейшем английском языке свободно рассуждает на предложенные Владом темы.

Прозвенел звонок, девятиклассники зашумели книгами и тетрадями. Обычно Влад в таких случаях говорил: «Звонок – для учителя. Я вас пока не отпускаю». Но сегодня все было иначе: молодой человек не мог дождаться, когда все выйдут, чтобы поговорить с черноволосой красавицей. Несколько минут назад он попросил ее задержаться после урока.

– Я поражен вашим знанием языка, – медленно произнес молодой человек, рассматривая девушку. Она стояла сейчас так близко к нему, что он даже чувствовал тепло, исходящее от ее тела, наслаждался запахом, который сводил с ума и будил давно забытые сексуальные порывы. Ему очень хотелось найти в этой девушке изъян, чтобы уберечь себя от любви, но девушка была идеальна: ровная матовая кожа, длинные черные ресницы, идеальные белые зубки, ровный носик... «Она потрясающе красива, –

размышлял Влад, наблюдая за девушкой. – Она знает об этом, но держится очень просто и мило. Она обаятельна, дико сексуальна, но при этом чиста и невинна. В ней сочетаются совершенно несочетаемые качества».

– Спасибо, Владислав Николаевич, за такую высокую оценку. – Ученица трогательно улыбнулась и опустила глаза.

– Как вас зовут?

– Лина.

– У вас красивое имя, Лина. – Влад был смущен, однако упрямо шел к намеченной цели.
– Вы меня заинтересовали, Лина, вашим знанием языка, вашим произношением и той легкостью, с которой вы переходите с родного языка на иностранный. Я бы хотел пообщаться с вами вне школы, если это удобно.

– Удобно, конечно. – Ученица с улыбкой посмотрела на нового преподавателя.

– У вас сколько сегодня уроков?

– Шесть, – ответила Лина, понимая, к чему клонит новый преподаватель.

– У меня сегодня пять уроков, но если вы позволите, Лина, я вас подожду, чтобы проводить до дома. Мы с вами пообщаемся по дороге. – Никольский очень нервничал, он так боялся услышать отказ, хотя, с позиции разума, именно этот ответ был бы наиболее правильным.

– Да, конечно, Владислав Николаевич, спасибо. Мне будет очень приятно, если вы составите мне компанию.

Вздых облегчения вырвался из уст Влада: «Она согласна! Как я счастлив, что она согласна! Она не оттолкнула меня, не засмузилась, не начала выкручиваться, а так просто и легко согласилась! Мне кажется, что я оживаю рядом с этой девочкой!»

Молодой учитель английского языка стоял возле школьного крыльца и заметно нервничал: он столько лет не общался с противоположным полом, а прошлое общение было связано со страданиями, слезами и жгучей, раздирающей душу болью. «Нет, она не такая, – говорил себе Влад. – Она светлая, чистая, наивная и чудесная... Она никогда не обидит меня, а я не обижу ее... Она – ангел!»

– Добрый день, Владислав Николаевич, – вдруг раздалось рядом.

Влад обернулся – рядом стояла Лина в светленьком пальто. «Она ангел», – снова подумал молодой человек и протянул руку к портфелю Лины.

– Не надо, вам неудобно будет. – Девушка убрала руку за спину, однако молодой человек настойчиво забрал тяжелую сумку.

– Вам в какую сторону? Где вы живете?

– Возле кинотеатра «Жовтень», – мило ответила ученица и кивнула головой в нужном направлении.

Пара пошла к дому Лины.

– Лина, откуда вы так хорошо знаете язык? Вы с кем-то занимались?

– Нет, мне просто очень нравится изучать иностранные языки. Я сама всему учусь... А произношение? Даже не знаю, почему оно у меня такое, если честно. Я интуитивно

чувствую слова.

– Еще раз говорю, что восхищен вами. – Влад с восторгом посмотрел на ученицу.

– Владислав Николаевич, я хотела попросить... – Лина замялась...

– О чем?

– Мне неловко, когда ко мне на «вы» обращаются. Не могли бы вы...

– Конечно, Лина, конечно. Но тогда и ты ко мне обращайся на «ты» и просто по имени, – учитель хотел прыгать от восторга. Эта девочка поражала его все больше и больше.

Совершенно неожиданно для себя молодой человек открылся своей ученице, рассказал и про отца, и про завод, и про руку. Он не упомянул только Оксану и Катю – незачем было знать этой чистой крохе о темной стороне жизни. Пара медленно шла по улочкам города и наслаждалась общением. Впереди показался дом Лины.

– Вот мы и пришли. – Девушка протянула руку за портфелем. Влад смотрел на нее и думал, что ему очень не хочется расставаться с ней даже на вечер.

– Влад, а пойдете к нам. – Ученице было довольно сложно перейти на «ты» с учителем, поэтому она постоянно сбивалась. – Я тебя с мамой познакомлю. Мы с ней вдвоем живем.

Глава 12

– Мама, познакомься, это Влад. – Девушка стояла в прихожей между мамой и гостем. – Он у нас сегодня Изольду заменял. Такой интересный урок был, мне очень понравилось.

– Здравствуйте, Влад. Меня зовут Маргарита Исааковна, я мама Лины. – Женщина протянула полную ладошку. – У меня ужин готов, мойте руки и проходите.

Молодой человек сначала хотел отказаться от столь неожиданного приглашения, но в этом доме было так тепло, уютно и комфортно, что «да, спасибо» вырвалось само по себе. Ему очень хотелось оказаться за одним столом с этой семьей, слушать их разговоры, жить их жизнью, быть частью их быта, и это неосознанное желание вдруг стало исполняться.

Перед Владом стояла полная тарелка, от которой исходил восхитительный аромат, в графине был холодный компот, которым запивали ужин в этом доме, но самое главное, рядом с ним сидела Лина. Девушка переоделась к ужину: на ней было длинное трикотажное платье, обтягивающее ее совершенную фигуру, и совершенно отсутствовала обувь. Босые стопы с маленькими аккуратными пальчиками будили фантазию мужчины и вызвали эротические желания, и Влад никак не мог оторвать взгляд от этой домашней кошечки, в которую хотелось впитаться губами... Желание разлилось теплой волной внизу живота, перед глазами стояла обнаженная Лина с напрягшимися от возбуждения сосками...

– Все было очень вкусно, – хрипло произнес Влад, желая хоть как-то унять разбушевавшееся воображение. – Вы прекрасно готовите, Маргарита Исааковна.

– Спасибо, Влад, мне очень приятно это слышать. Но вы, наверное, необъективны. Вы же один живете, да? Никто вам не готовит?

– Маргарита Исааковна, я в своей оценке очень объективен. Дело в том, что я снимаю комнату у мадам Лотты, которая мне готовит, стирает и всячески помогает. Это не входит в ее обязанности, но она почему-то так делает, а я не отказываюсь от заботы. Мне кажется, что ей нравится это... Она вроде как к сыну ко мне относится...

– Мадам Лотта – ваша хозяйка? – Глаза Маргариты Исааковны округлились. – Владик, будьте осторожны, говорят, что она сумасшедшая.

– Мама! – Лина с осуждением посмотрела на женщину. – Что за сплетни?!

– Поймите, Черновцы – город маленький, мы так или иначе друг про друга все знаем, – Маргарита Исааковна отмахнулась от слов дочери. – Про мадам Лотту говорят, что на ее глазах немцы убили всю ее семью, включая маленьких племянников. Каким чудом она осталась в живых – неясно, однако можно сделать вывод, что произошло что-то, после чего женщина никогда не выходила замуж, не встречалась с молодыми людьми и не создала семью...

– Мама, Владу не нужны сплетни и досужие разговоры! – Лина гордо встала из-за стола, всем своим видом показывая, что ужин завершен. Влад вскочил вслед за девушкой, неловко ударившись протезом о край стола, – краска смущения залила его лицо. Маргарита Исааковна заметила этот эпизод и поспешила гостю на помощь:

– Владик, вы приходите к нам еще. Я по выходным готовлю вкусные обеды, буду рада, если вы посетите нас.

– Спасибо, Маргарита Исааковна. – Молодой человек был тронут приглашением. – Мне очень приятно, правда. Я бы в качестве благодарности с Линой английским занимался, но ваша дочь замечательно знает язык. Ей моя помощь не нужна, к сожалению.

Влад выглядел искренне расстроенным – невозможность найти причину для общения с удивительной девочкой, вдохнувшей в него жизнь, его угнетала.

– Да, в английском мне помощь не нужна, – согласилась Лина и наморщила носик. – Вот если бы вы французский знали! Тяжело самостоятельно учить этот язык.

– Лина! – Влад не верил своим ушам – оказывается, все решалось так просто. – Это же мой второй язык! Я готов с тобой заниматься хоть каждый день!

Лина засмеялась и протянула руку:

– Договорились, только не каждый день, а три раза в неделю.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Маргарита Исааковна. – К вашему приходу буду готовить что-нибудь вкусненькое.

В течение месяца Влад три раза в неделю приходил к Лине. Девочка показывала удивительные результаты – она, словно губка, впитывала все, что говорил ей учитель, безошибочно делала задания и великолепно воспроизводила интонации непростого языка.

– У вашей дочери потрясающие данные, – каждый раз за ужином говорил молодой преподаватель Маргарите Исааковне. – И английский, и французский языки она воспринимает как родные, просто немного забытые.

– Владик, мне так приятно слышать столь лестные отзывы о Линочке, – женщина расплывалась в улыбке и подливала молодому человеку душистого чая, не зная, как еще показать свое расположение к нему. Маргарита Исааковна очень любила свою дочь: когда-то именно необходимость заботы о малышке давала силы женщине жить дальше,

когда муж ушел из семьи, теперь же Лина просто стала смыслом ее жизни, центром ее вселенной...

– Поверьте, я не лгу ни вам, ни тем более Лине, – Влад, говоря это, осторожно накрыл руку девушки своей ладонью. Волна желаний тут же разлилась по телу мужчины. Каждое, даже случайное, прикосновение к девушке вызвало именно такую реакцию, и это, с одной стороны, смущало его и доставляло определенного рода неудобства, но, с другой стороны, было настолько желанным, что сопротивляться этому он не мог совершенно.

– Хватит вам, совсем меня захвалили. – Девушка встала из-за стола и прошла к окну. Проходя мимо, она нежно коснулась шеи и волос своего преподавателя... Влад вздрогнул – его словно ударило током от жеста ученицы. Да, он хотел эту девушку, но он боролся со своим желанием, потому что не имел никакого права вмешиваться в жизнь школьницы. «Что это было? – недоумевал молодой человек. – Неужели она сама проявляет ко мне интерес? Боже, я так хочу ее! Я готов вот здесь, в гостиной, повалить ее на пол и целовать каждый миллиметр ее роскошного тела! Интересно, что же значил этот жест?»

– Мама, Влад, смотрите, как потемнело! – Лина, не отрываясь, смотрела в окно. – Наверное, будет дождь.

– Да, мне тоже кажется, что будет дождь – у меня голова начинает болеть.

– Мамочка у меня – барометр! – засмеялась девушка. – У нее всегда начинается головная боль перед осадками.

– Вам помочь чем-нибудь? – забеспокоился Влад.

– Спасибо, Владик, – Маргарита Исааковна поднялась из-за стола, – я тронута вашим вниманием, но не беспокойтесь, я прилягу, и все пройдет. Спасибо вам за занятия с Линой, доброй ночи.

– Доброй ночи, Маргарита Исааковна. Выздоровливайте. – Молодой человек взглядом проводил женщину, выходящую из гостиной.

Лина стояла так близко, что Влад с трудом сдерживал свои эмоции – ему очень хотелось прикоснуться к девушке, но страх не совладать с собой удерживал мужчину на расстоянии. Вдруг сверкнула молния, и грянул гром. В комнате потемнело. Молодые люди стояли друг напротив друга и молчали, ситуация становилась все более и более напряженной.

– Мне надо идти, – наконец выдал из себя Влад.

– Остайся, – прошептала Лина. – Пусть дождь закончится.

Слова маленькой хозяйки дома были разумными, однако молодой человек не мог позволить себе оставаться с девушкой наедине дальше – это было опасным. Перед глазами мелькали воспоминания о последнем свидании с Катей: мокрая одежда, через которую просвечивалось женское тело, влажная кожа, напрягшиеся соски и дикая страсть, охватившая пару... Никогда в жизни Владу не было так хорошо, как в тот день, однако Катерина была замужней женщиной, отвечающей за свои поступки, а Лина – еще школьница, чистая, невинная девочка, которая ни в коем случае не должна пострадать.

– Мне надо идти, – повторил учитель. – У меня собака дома, с ней гулять надо.

– Собака?! – воскликнула девушка. – Я так люблю собачек! А как ее зовут? А какой она породы?

Влад улыбнулся детской непосредственности своей ученицы и в который раз похвалил себя за решение держаться от девушки подальше со своей неожиданной любовью:

– Ее зовут Бони. Она коккер-спаниель.

– Это такая маленькая и рыженькая? – было видно, что Лина пытается представить себе питомицу молодого человека.

– Да, правильно, – улыбнулся мужчина. – Она очень веселая и игривая. И очень любит гулять.

– А ты мне ее покажешь?

– Да, я как-нибудь приду с Бони, и мы вместе пойдем гулять.

– Спасибо! – Лина захлопала в ладоши, а потом неожиданно бросилась Владу на шею.

Дальше все происходило словно во сне: мужчина почувствовал молодое гибкое тело, прижимающееся к нему, горячее дыхание девушки; волосы щекотали шею, запах сводил с ума. Правой рукой он обнял девушку, скользнув по прямой спине и опустив ладонь на упругую попку, и стал целовать нежную девичью щеку. Раздался полустон-полувздых, и вот губы мужчины и девушки встретились: сначала были осторожные касания, но через некоторое время они сменились долгим страстным поцелуем. Влюбленные не могли насладиться друг другом, им хотелось слиться в единое целое, убрать все преграды, существующие между ними. Влад опустился на стул, а Лина села к нему на колени. Мир перестал существовать, было только страстное желание, стоны и горячие поцелуи...

– Извини, Лина, – молодой человек вскочил и отодвинул девушку в сторону. – Прости меня, это больше не повторится. Я просто потерял голову... Прости меня...

– За что ты извиняешься? – черноволосая красавица с опухшими губами с недоумением смотрела на него. Ей было очень обидно, что от нее так просто отказались.

– Милая, я влюбился в тебя с первого взгляда, но ты еще ребенок, и я не имею права на какие-либо отношения с тобой.

– Я не ребенок. – Лина чуть не плакала. – Останься, Влад.

– Нет, прости меня. – Влад быстро надел обувь и вышел из этого гостеприимного дома.

Шел проливной дождь, холодные капли ударяли по горячей коже, словно кинжалы, но мужчина не замечал этого. Он стоял, задрал голову, и смотрел на окно любимой девушки – Лина прижалась лбом к стеклу и плакала. «Что я наделал? – сокрушался молодой человек. – Как я мог так поступить с этой девочкой? Как я мог настолько потерять голову? Я обидел ангела! Как я теперь в глаза смотреть ей буду? Как я снова зайду в этот дом и сяду за стол с ней и ее матерью? Нет, туда я больше не вернусь! Или этим я обижу ее еще сильнее? Что же мне делать? Как найти то единственно правильное решение, которое возможно в этой ситуации?»

Сотни мыслей роились в голове, пока Влад медленно брел по холодному городу. Он давным-давно насквозь промок, губы посинели от холода, зубы стучали, а пальцы на руке перестали слушаться, но ему было все равно. Душевная боль вытесняла все физические ощущения, поэтому, придя домой, молодой человек взял собаку, даже не переодевшись, погулял с ней, а потом лег в мокрой одежде спать.

Наступило утро. Влад слышал, как звенит будильник, но не мог пошевелиться: тело ломило, а боль железным обручем стягивала голову; легкие обжигало, и каждый вздох давался с огромным трудом. Он попробовал хотя бы открыть глаза, но резкая боль заставила его закрыть их снова. «Хоть бы опять уснуть», – мелькнуло в воспаленном мозгу молодого человека, но спасительный сон не приходил.

Мадам Лотта привычно проснулась в семь утра, чтобы приготовить завтрак своему любимому постояльцу. Она слышала, как в его комнате звонит будильник, однако ни через десять, ни через тридцать минут Владик не появился. Женщина встревожилась и направилась к его комнате – было слышно, как за дверью скулит Бони, которую не вывели с утра на прогулку. Мадам Лотта постучалась, однако ответом ей была тишина. Поджав губы, она приоткрыла дверь и заглянула – Влад лежал на кровати, а его щеки пылали нездоровым румянцем. Почувствовав неладное, женщина подошла к кровати, шаркая ногами, и дотронулась до лба лежащего:

– Деточка, ты весь горишь! Надо срочно вызывать врача!

Мадам Лотта проворно выскочила в коридор и вернулась буквально через три минуты с чашкой чая, бутылкой уксуса и полотенцем.

– Скоро придет доктор, – захлопотала вокруг больного хозяйка дома. – А мы пока собьем тебе температуру хоть чуть-чуть.

С этими словами она откинула одеяло с молодого человека и увидела, что тот лежит в одежде. Влад никак не реагировал ни на слова, ни на действия мадам Лотты, поэтому та решила действовать самостоятельно. Она осторожно расстегнула рубашку мужчины и стала стягивать ее с пылающего жаром тела. Больной застонал, но глаз не открыл. «Интересно, – женщина наконец обнажила торс своего любимца и теперь держала предмет его гардероба в руке. – Манжеты влажные почему-то... И воротничок... Неужели спал в мокром? Боже мой! Бедный мальчик! Надо и брюки тогда снимать, и носки...»

Предположения пожилой женщины оказались верными: и брюки, и носки отдавали влагой. Она нахмурилась, но решила подумать об этом позднее, после того, как разотрет больного уксусом. Смочив полотенце едко пахнущей жидкостью, мадам Лотта без стеснения занялась делом. Было видно, что Владу холодно, однако женщина не прекращала процесс – ей нужно было не пропустить ни одного миллиметра худенького тела больного. Наконец она накрыла больного одеялом и положила влажное полотенце ему на лоб. Температура стала немного спадать, и Влад забылся беспокойным сном.

– Где наш больной? – сквозь сон услышал молодой человек. Боль снова вернулась к нему, и он застонал. В комнате началось какое-то движение, и Влад открыл глаза: над ним склонились мадам Лотта и пожилой худощавый мужчина, с взлохмаченной шевелюрой седеющих волос и в очках в роговой оправе.

– Очнулся? Молодец, – удовлетворенно хмыкнул мужчина и представился, – Олег Александрович!

Влад хотел ответить, но не мог произнести ни слова.

– Не напрягайтесь, Влад, я знаю ваше имя, – доктор предупреждающе поднял руку. – Давайте лучше осмотрим вас.

Через пятнадцать минут был вынесен вердикт:

– Двусторонняя пневмония. Надо госпитализировать.

– Олег, может, не надо? – мадам Лотта стояла в дверях. На ее лице явно читалось страдание. – Я все здесь могу делать: и уколы, и капельницу. Там же больных полные палаты, никто за ним не будет ухаживать, а здесь я всегда рядом буду.

Олег Александрович внимательно посмотрел на женщину, а потом ответил:

– Хорошо, давайте сделаем так: больной остается здесь, я буду приходить каждый вечер, чтобы оценить его состояние, а вы будете четко следовать моим предписаниям.

– Спасибо вам, спасибо, – слезы полились из глаз хозяйки дома. – Я все сделаю, он поправится.

– Я очень на это рассчитываю, – нахмурился врач и еще раз посмотрел на Владу, у которого опять была высокая температура.

Через три недели Влад наконец-то встал с постели. Так тяжело он еще никогда не болел – дни и ночи слились воедино, сны путались с реальностью, и где была правда, а где вымысел, понять не представлялось возможным. Влад слышал голоса отца, мадам Лотты, Лины, плач ребенка; иногда ему казалось, что он горит в здании старого завода, а временами – что плавает в океане среди красивых рыб. Вода приносила облегчение, боль уходила, и начинался здоровый сон.

Наконец болезнь стала отступать, и наступили дни бессмысленного лежания в постели. Бони скакала рядом с хозяином, и Владу так хотелось поиграть с любимицей, однако жуткая слабость не давала возможности заниматься чем-то, кроме рассматривания потолка или рисунка обоев. Молодой человек хотел почитать книгу, но даже это занятие было ему пока не под силу.

«Как я скучаю по Лине, – думал он, рассматривая свой протез. – Мы так долго с ней не виделись. Интересно, а сколько дней прошло с тех пор, как я был у нее в последний раз?» И тут Влада осенило: «Боже, что она теперь думает? Мы так странно с ней расстались, я чуть не овладел ею, своей ученицей, а потом просто пропал на несколько дней! Она вправе теперь обидеться на меня, не желать меня видеть! Что же я натворил? Надо срочно ей позвонить!» Несмотря на страстное желание набрать номер телефона любимой девочки, Влад этого сделать не смог. Телефон находился в прихожей, и добраться до него молодой человек никак не мог. Он поддался порыву вскочить и бежать к аппарату, однако через несколько секунд упал в кровать, бессильно откинувшись на подушки. При малейшем движении кружилась голова, на лбу выступили капельки пота, а дыхание сбилось. Влад не смог даже двери собственной комнаты. В отчаянии он уставился в окно – там светило солнце.

Через неделю Влад добрался до прихожей и опустился на табурет, который стоял рядом с телефонным аппаратом. Успокоив дыхание, он поднял трубку и набрал номер.

– Слушаю вас, – раздался женский голос на том конце провода.

– Маргарита Исааковна, это я, Влад, – голос срывался от волнения. – Как Лина? Где она?

– Владик, где вы пропадали? Лина вся извелась, перестала в школу ходить, стала на тень похожа.

– Маргарита Исааковна, все в порядке, я был болен. Позовите Лину, пожалуйста, мне надо с ней поговорить, – мужчина произносил все скороговоркой, словно боялся, что еще несколько секунд промедления разлучат его с любимой навсегда.

– Конечно, Владик, сейчас позову.

В трубке наступила тишина. Влад слышал только стук сердца, он торопил время и одновременно хотел оттянуть волнительный разговор.

– Влад, – раздался нежный голос Лины. Она вложила в это слово все чувства, которые пережила за три недели: и обиду, и тревогу, и отчаяние, и желание увидеться, и по-детски наивную любовь.

– Линочка, девочка моя любимая, родная моя, – молодой человек не мог совладать с эмоциями. – Прости меня, что я пропал так надолго, я тяжело болел и никак не мог позвонить тебе. Прости, моя родная. Я очень по тебе соскучился, я так хочу тебя видеть, но, к сожалению, не смогу до тебя дойти, пока мне это не под силу.

– Влад... – снова повторила Лина, вложив в произнесенное имя совсем другие эмоции: радость, облегчение и нежность.

– Линочка, – прошептал в ответ Влад. У него закончились силы, однако счастье от того, что слышит голос любимой, подстегивало его. – Я так хочу увидеть тебя, моя девочка.

– Хочешь, я приду в гости? – Лина не ожидала от себя такой смелости.

– Конечно, моя хорошая, – сердце прыгало от восторга. – Когда ты сможешь?

– Прямо сейчас готова выйти. – Девушка уже начала обдумывать, что она наденет на эту долгожданную встречу.

– Спасибо, моя хорошая. Пиши адрес.

Через полчаса Лина, взяв с собой яблочный пирог, который испекла мама, пошла к дому Влада. Девушка даже не волновалась, она просто знала, что сейчас поступает правильно, словно внутри ее был сценарий, который она играла без единой запинки.

Влад открыл дверь, как только девушка постучала. Перед молодым человеком стояла настоящая красавица: лицо немного осунулось от проведенных в беспокойстве днях, и от этого оно стало более утонченным и выразительным, глаза светились радостью, а грудь вздымалась от волнения. Белое платье так шло этой милой девушке, что мужчина невольно сравнил любимую с ангелом – она была безупречна, в земной жизни таких не бывает. Именно это сравнение с небесным существом заставило Влада держаться от гостыи на почтительном расстоянии:

– Проходи в мою комнату.

– Спасибо, Влад.

Лина зашла и остолбенела: она никак не ожидала такой роскошной обстановки.

– Боже мой, как красиво! Как в сказке! – Девушка была в восторге. – Ты словно принц, а это – твое королевство!

Влад, привыкший к своему жилью, вдруг посмотрел на него глазами юной Лины: антикварная мебель в стиле барокко, с позолотой и вензелями, действительно напомнила дворцовую, шикарные шторы, сшитые самостоятельно, выглядели по-королевски богато; покрывало, которым прикрыл разобранную постель еще не очень здоровый мужчина, могло изумить кого угодно тонкостью и изяществом. «Как было бы хорошо,

если бы в этом королевстве появилась наконец-таки королева, такая, как Лина», – мелькнуло в голове молодого человека, и он посмотрел на свою гостью. Девушка так и держала в руках пирог.

– Линочка, давай я возьму у тебя это, – мужчина кивнул в сторону белого свертка.

– Ой, Влад, это же я тебе принесла, пирог яблочный. Ты же любишь его. – Девушка смутилась, что не отдала гостинец сразу.

– Милая, я так тронут твоей заботой, спасибо, моя хорошая! – Молодой человек нагнулся, чтобы поцеловать в щеку гостью в знак признательности, но девушка расценила этот жест по-своему: она прижалась к мужчине всем телом и подставила губы.

Через секунду пара уже страстно целовалась, медленно, словно в бреду, продвигаясь к кровати. Ни Лина, ни Влад не поняли, как они оказались раздетыми и накрепко сплетенными друг с другом – разум уступил место чувствам, вырвавшимся наружу. Мужчина резко вошел в девушку, не в силах сдерживать свой порыв, и остановился – он услышал, как любимая вскрикнула от боли.

– Милая, что с тобой? Тебе плохо? – Никогда у него не было сексуального контакта с невинной девушкой, поэтому он оказался не готов к тому, что на его пути возникнет преграда, а любимой станет больно.

Из глаз Лины покатались слезы, однако она, интуитивно чувствуя, что дальше надо делать, покачала головой и подалась навстречу мужскому телу, теснее прижимаясь к нему. Влад замер, но потом, глядя в бездонные черные глаза, снова отдался безумной страсти, охватившей его. Стоны заполняли пространство, движения тел были синхронными и четкими, словно на кровати сейчас находились не два человека, а единый организм. Через какое-то время Лина сжалась, задрожала и вскрикнула; Влад прижал к себе еще крепче обмякшее любимое тело, и горячее семя любви излилось в женское лоно...

Они лежали в истоме и смотрели друг на друга.

– Теперь ты моя жена, – сказал мужчина, понимая, что иначе он поступить просто не сможет.

– Жена? – Лина была удивлена и обрадована такими словами.

– Я люблю тебя, я сделал тебя своей женщиной и хочу нести за тебя ответственность, значит, нам надо пожениться, – молодой человек мягко объяснял Лине свою позицию.

– Пожениться? Seriously?

– Конечно, серьезно, милая. Мы с тобой поженимся, и ты переедешь жить сюда, в это сказочное королевство. Ты станешь королевой, хочешь?

– Конечно, хочу, – Лина захлопала в ладоши, но потом остановилась. – А как же мама? Я не могу оставить маму одну, у нее, кроме меня, никого нет.

– Мы придумаем что-нибудь. – Влада немного оскорбило нежелание девушки уходить от мамы, но потом он вспомнил, что его избраннице всего шестнадцать лет, поэтому такое поведение вполне естественно. – Мы снимем где-нибудь дом и создадим в нем новое королевство, которое будет нашим, в котором все будет так, как хочешь тебе.

– Какая замечательная идея, Влад! – Лина бросилась целовать губы жениха, и через минуту пара снова предавалась любви.

Лина тихо встала с кровати и прошлась по комнате – через окно на девушку падал свет луны и вечерних фонарей, она была прекрасна в своей наготе. Дыхание Влада перехватывало от восхищения этой маленькой женщиной, которая сейчас дотрагивается тонкими изящными пальчиками до статуэток, картин, мебели. Ее осторожное знакомство с комнатой было трогательным и чувственным.

– Милая, тебе надо идти домой. – Влад бессильно лежал на кровати. – Я беспокоюсь, как ты доберешься, но проводить тебя у меня просто не хватит сил.

Лина обиженно закусила губку – в своих мыслях она уже была женой и сейчас находилась в своем доме, «королевстве», как сказал Влад, поэтому никуда не собиралась уходить.

– Линочка, мама, наверное, очень волнуется. – Мужчина был непреклонен – он никак не мог рисковать репутацией юной девушки, которая в шестнадцать лет осталась ночевать у мужчины. Он слишком любил своего ангелочка и не хотел доставлять ей хоть какие-нибудь неприятности.

Девушка расстроилась и стала молча одеваться – молодой человек нашел в себе силы подняться и подойти к любимой:

– Линочка, совсем скоро ты станешь моей женой, и тогда мы будем ночевать вместе всегда-всегда, но сейчас так делать нельзя. Ты еще мала, ты не понимаешь, как жестока бывает людская молва, но я отдаю отчет в том, что ставлю тебя под удар. Именно поэтому ты сейчас должна вернуться к маме. Еще неделю я буду на больничном, и ты можешь приходить ко мне в гости хоть каждый день. Я люблю тебя, моя крошка.

Слова жениха немного успокоили девушку, она согласно кивнула головой, вытерла непрошеную слезку и поцеловала Влада в губы. Они прощались всего лишь на одну ночь – Лина знала, что сразу после школы она придет сюда, в маленькое уютное царство, где она стала женщиной.

Субботним утром Маргарита Исааковна открыла дверь – перед ней стоял Влад с огромным букетом цветов и коробкой конфет.

– Владик, что за праздник? – Женщина немного смутилась и не знала, как реагировать на ранний визит молодого человека.

Выбежала Лина – улыбнувшись, она протянула руки к цветам, так как, по ее мнению, они предназначались исключительно ей, но мужчина отвел в сторону подарки и сказал:

– Нет, милая, это предназначается для твоей мамы.

Девушка нахмурилась, а Маргарита Исааковна растерянно хлопала глазами. Вспомнив наконец о приличиях, гостя пригласили в дом.

В гостиной Влад торжественно вручил букет и конфеты матери своей любимой и произнес:

– Я прошу руки вашей дочери, Маргарита Исааковна.

Женщина онемела от услышанного. Она никак не ожидала, что ее птенчик так рано выпорхнет из уютного гнезда, свитого ею.

– Влад, вы в своем уме? Ей только шестнадцать лет! А школа? А дальше что? –

заикаясь, начала задавать вопросы хозяйка дома.

– Маргарита Исааковна, она стала женщиной. – Влад понимал, что такая информация ни в коем случае не должна доходить до ушей матери, однако другого выхода для согласия на брак он не видел.

Женщина молча смотрела на пару, которая стояла перед ней, и слезы готовы были скатиться по ее щекам. «Моя крошка уже познала мужчину! Что же теперь делать? Ей только шестнадцать лет! Куда она так поторопилась? Как Влад мог позволить себе такой грех по отношению к моей девочке? Я же доверяла ему, я принимала его в доме! Что же делается?» Понимая, что ничего ответить не сможет, она развернулась и ушла в свою комнату, плотно прикрыв дверь.

Лина и Влад растерянно смотрели ей вслед – они не ожидали такого приема, ведь они так счастливы от того, что обрели друг друга, а другие почему-то не разделяют их радости.

– Милая, прости меня, это я во всем виноват. – Мужчине было очень стыдно перед своей любимой. – Мне не надо было так торопиться, я потерял голову... И уж тем более не надо было сообщать о случившемся твоей маме, но я думал, что так будет лучше, так она поймет, что брак – это единственное правильное решение для нас с тобой.

– Владик, ты не виноват. – Лина чуть не плакала. – Я люблю тебя и хочу быть твоей женой, а остальное – неважно. А ты любишь меня?

– Очень-очень. – Мужчина кинулся к девушке и прижал ее к себе.

– Тогда я просто перееду к тебе, будем жить вместе, а мама через какое-то время передумает и даст разрешение на свадьбу.

– Лина, так нельзя делать. – Мужчина был настроен решительно. – У нас будет свадьба, и мы будем жить вместе как законные супруги. Иного развития событий быть не может.

Девушка отвернулась от жениха и стала разглядывать ногти – ей не нравилось, что Влад решает этот вопрос самостоятельно, не считаясь с ее мнением. Молодой человек подошел к любимой, обнял ее и стал шептать на ушко, как любит ее, как хочет быть с ней. В этот момент открылась дверь комнаты – Маргарита Исааковна смотрела на дочь и ее возлюбленного.

– Значит, судьба такая, – наконец произнесла она. – Благословляю вас, изверги, а теперь идем на кухню пить чай с конфетами и думать, как жить дальше. Нерешенных вопросов у нас очень-очень много.

– Мамуля, ты у меня самая лучшая! – закричала Лина и бросилась женщине на шею.

– Спасибо вам, Маргарита Исааковна. – Влад склонил голову в знак признательности. – Я буду заботиться о вашей дочери. Она ни в чем не будет нуждаться.

– Я знаю, Владик, именно поэтому и дала свое согласие.

Глава 14

Два месяца шла подготовка к свадьбе и дальнейшей совместной жизни – надо было

решить очень много задач, о которых счастливые влюбленные даже и не задумывались, когда планировали торжество.

Самым острым вопросом стала школа: когда в городке стало известно, что учитель женится на своей ученице, то директор расценил этот поступок как распущенность и разврат, поэтому предложил преподавателю английского языка написать заявление об уходе по собственному желанию. Влад молча сделал это, хотя не понимал позицию руководства: в его голове все было четко и логично – он любит девушку и хочет сделать своей женой, а вопрос субординации представлялся абсолютным бредом, однако спорить он не стал, не желая усложнять жизнь Лине, которой предстояло еще год учиться в этих стенах. «Ничего, – размышлял мужчина, выходя из кабинета директора. – Я смогу прокормить жену, тещу и будущих детей. Буду шить, брать заказы, наберу клиентуру. Все у нас будет хорошо, главное, что мы будем вместе. Лишь бы ангелочка моего не трогали, дали ей окончить школу и получить аттестат».

Но с обучением Лины тоже все было не так просто: учителя, узнав, что ученица в шестнадцать лет выходит замуж за преподавателя, начали к ней относиться с пренебрежением. В их головах была единственная мысль: раз так рано замуж выходит, значит, беременна, значит, кувыркалась в постели со взрослым мужчиной, забыв про стыд. Девушка, которая всегда хорошо училась и была в почете, эти гонения переносила очень болезненно – она стала стесняться отвечать, выходить к доске, ей казалось, что все смотрят на нее с осуждением. Если бы одноклассники поддержали ее, она, может быть, отнеслась бы к проблеме по-другому, однако и здесь понимания не нашлось. Подруги отвернулись от нее, завидуя, что у той так удачно сложилась личная жизнь еще в школе, а мальчики показывали на нее пальцем и обзывали проституткой. Дети очень жестокие в подростковом возрасте, и Лина в одиночестве не смогла справиться с ситуацией, поэтому однажды она пришла к Владу и сказала, что в школу больше не пойдет.

– Это все из-за меня? – Жених расстроился, что не смог-таки оградить любимую от злых людских языков.

– Я не знаю из-за чего, – плакала девушка. – Я не могу спокойно туда приходить – все стараются меня задеть или обидеть. Я так больше не могу, я устала доказывать им, что я нормальная. Они шарахаются от меня, словно я заразная. Я больше не выдержу.

– Ангелочек мой, успокойся! – Влад, глядя на слезы невесты, тут же принял решение. – Мы заберем документы из школы, закончишь ее экстерном. Я так заканчивал, и ты сможешь. Ты же у меня такая умница, такая способная. Все будет хорошо.

– Спасибо, любимый! – Лина благодарно прижалась к любимому. – А маме ты скажешь? Я боюсь, что она меня убьет, если я решу бросить школу.

– Не переживай, милая, я сам поговорю с Маргаритой Исааковной. – Он гладил по голове плачущую девушку. – Тем более ты школу не бросаешь, просто закончишь ее экстерном. Твоя мама – умная женщина, она поймет.

Вопрос с обучением Лины на самом деле разрешился очень легко – Маргарита Исааковна была готова к такому повороту событий. Но вот с проживанием будущая молодая семья никак не могла определиться.

– Вы должны переехать сюда. – Женщина не хотела расставаться с дочерью.

– Поймите меня правильно. – Влад имел другую точку зрения. – Я не могу прийти жить к вам в дом. Я беру вашу дочь замуж, значит, жить она должна на моей территории.

– Но, Владик, мне больно разлучаться с Линой, у меня, кроме нее, никого нет.

– Я понимаю, Маргарита Исааковна, поэтому и пытаюсь найти решение, которое устроит нас всех. Надо искать либо большую квартиру, либо частный дом. Это решаемо, но у нас слишком мало времени остается – я боюсь, что к свадьбе мы просто не успеем.

– Может, я смогу помочь чем-то? Я могу начать поиски жилья. – Женщина была готова делать что угодно, лишь бы ее не разлучали с дочерью.

– Вы меня простите, но я мужчина и квартирный вопрос должен решать самостоятельно. Но спасибо за предложение, я очень вам признателен.

Лина молчала – она не принимала участия в серьезных разговорах, полностью полагаясь на мать и будущего мужа. Ее больше волновало платье, ресторан, статус жены и, конечно, получение аттестата.

Ответ пришел оттуда, откуда Влад его совсем не ждал.

– Мадам Лотта, – начал разговор молодой человек, – я вам очень благодарен за все, что вы сделали для меня, вы были мне почти как мать, и я очень трепетно отношусь к вам. Однако я буду вынужден съехать от вас.

– Владик, сынок, – расплакалась старуха, – за что? Что я тебе сделала? Что-то не так? Как же я одна?

– Мадам Лотта, успокойтесь, пожалуйста. Вы самая замечательная хозяйка, и я бы с удовольствием остался жить у вас. Но я женюсь... Моя жена слишком молода и не сможет жить самостоятельно, без матери. Я поддерживаю ее решение, поэтому мне нужно найти такое жилье, чтобы в нем могли разместиться мы втроем. Я очень люблю этот дом, свою комнату, однако места для всех там, к сожалению, нет.

– Владик, если только в этом проблема, то я уступлю вам свою половину дома. Она просторная, в ней много комнат и большая кухня. Вы сможете жить там все вместе. Только останься, Владик...

Молодой человек смотрел на женщину – он не понимал причину, по которой та уступает ему большую половину дома.

– А как же вы? А какова оплата? Заработаю ли я столько, чтобы рассчитаться с вами?

– Владик, я с удовольствием буду жить в твоей комнате. Что мне, старухе, еще надо? А насчет оплаты не переживай – доплата мне не нужна. Я просто очень полюбила тебя, сынок, и мне не хочется расставаться с тобой.

– Мадам Лотта, вы не представляете, как много для меня значат ваши слова и тем более ваш благородный поступок. Я с удовольствием останусь в вашем доме и приведу сюда свою новую семью.

На следующий день жених сообщил радостную новость Лине и Маргарите Исааковне. Девушка скакала от радости, а вот мать невесты поджала губы:

– Владик, вы уверены, что это правильное решение?

– Ну, конечно! Так все удачно складывается! Там на всех хватит места, а платить я буду столько же, сколько и раньше.

– Все-таки вы знаете, что про нее говорят, Владик. – На лице женщины была тревога. – Она же сумасшедшая. Я боюсь жить с ней под одной крышей.

– Мама! – возмутилась Лина. – Что ты такое говоришь? Это всего лишь сплетни! Мне нравится тот дом, я там была!

Маргарита Исааковна выразительно посмотрела на дочь – она прекрасно понимала, по каким причинам там была ее девочка, и с этой стороны надвигающегося брака смириться была пока не готова. Лина поняла, что допустила ошибку, напомнив матери о том, что проводила вечера у Влада, однако пути назад не было.

– Мамулечка, там хорошо, тебе понравится. – Девушка быстро изменила тактику. – Тем более что за такие маленькие деньги мы не сможем найти просторное жилье.

– Маргарита Исааковна, там разные входы, вы можете не встречаться с мадам Лоттой месяцами. – Влад вступил в разговор. Для себя он все решил, но ссориться с женщиной, которая вот-вот станет его тещей, ему не хотелось.

– Хорошо, я согласна, – со вздохом ответила мать невесты. – Лишь бы быть с моей девочкой.

– Вот и хорошо, мамочка. – Лина повисла на шее Маргариты Исааковны.

Две недели перед бракосочетанием прошли в суете. Влад переносил вещи с одной половины дома в другую, делал ремонт в комнатах, шил новые шторы, покрывала, оставив прежние мадам Лотте в качестве благодарности за ее поступок. Молодой человек почти не спал, так как боялся не успеть в срок, но за день до торжества новый дом был готов принять своих жильцов. Мужчина прошелся по новым владениям и удовлетворенно кивнул – он был доволен результатом своей работы. «Хороший дом получился. Интересно, отец бы мной гордился? Или его уважение может заслужить только военный человек? Отец! Боже! Я даже не пригласил его на свадьбу!»

Влад кинулся к отделению связи – он на самом деле не звонил в Москву уже несколько месяцев, и сейчас ему было стыдно за то, что в суматохе он забыл про родного человека. Да, они не были близки и общались не чаще одного раза в месяц. Причем звонил исключительно Влад, не давая генералу своих координат. До сих пор в молодом человеке был страх, что Николай Александрович Никольский приедет и заберет его в Москву или отправит в армию. С одной стороны, он понимал, что отец занят своей новой семьей и уже мало интересуется жизнью сына, решив, наверное, что он – отрезанный ломоть, но, с другой стороны, рисковать собственным спокойствием ему не хотелось, поэтому редкие вопросы отца о месте жительства Влад игнорировал.

– Папа! – закричал мужчина, как только в трубке раздался щелчок.

– Влад, здравствуй, – грустно произнес женский голос.

– Настя, здравствуй, как у вас дела?

– У нас... – Настя не договорила и заплакала.

Тут же трубку взял генерал:

– Здравствуй, сынок, – голос отца был тихим и печальным.

– Папа, что случилось? Почему Настя плачет?

– У нас умер Ванечка, – Николай Александрович прошептал в трубку.

Когда Влад звонил домой в последний раз, Настя вот-вот должна была родить своего первенца – оставалось около двух недель. Молодой человек дал себе обещание

позвонить в скором времени отцу, чтобы узнать о здоровье матери и ребенка, но потом встретил Лину и позабыл обо всем.

– Папа, какой кошмар! Очень сочувствую вам. Как такое могло произойти? Когда? Вам помочь чем-нибудь?

– Два месяца назад. Двусторонняя пневмония.

– Прости меня, отец, я не знал. Примите мои соболезнования.

– Спасибо, сын. А у тебя как дела?

– Папа, я женюсь. Я хотел пригласить вас на свадьбу, но теперь вот не знаю... – Влад смешался.

– Спасибо, сынок, но мы не приедем. Настя никак не может прийти в себя, а я не оставлю ее одну. Я надеюсь, ты не обидишься.

– Ну что ты, папа! Я все понимаю. Вы держитесь.

– Спасибо, Влад. Мы с Настей поздравляем тебя. Будь счастлив. И звони нам чаще. А лучше приезжайте в гости через какое-то время, когда Настя немного оправится от потери.

– Спасибо, папа. Я тебя очень люблю. – Влад повесил трубку и задумчиво посмотрел на телефонный аппарат. «Надо же, – думал он, – мы одновременно с его новорожденным сыном были при смерти. Даже болезнь была одна и та же. Только я выжил, а ребенок – нет. Это не просто совпадение, я уверен, что наша связь с отцом гораздо крепче, чем нам обоим хочется думать. Почему судьба при равных условиях оставила в живых меня, а не новорожденного мальчика? Что это значит? Маленький Ванечка забрал мою смерть, чтобы я смог... Что я смог? Помириться с отцом? Жениться на Лине? Где правда? Почему все случилось именно так?»

Молодой человек шел домой и терзал себя мыслями – даже свадьба уже не вызывала того восторга, что еще несколько минут назад. Слишком уж совпадение тревожило его.

Глава 15

Наступил день бракосочетания. На торжестве из гостей были только Маргарита Исааковна и мадам Лотта: других родственников у невесты не было, равно как и у Влада, отец которого так и не приехал, а подруг Лина растеряла, когда начала отношения со своим учителем. Однако отсутствие приглашенных не омрачило новобрачным этот счастливый для них день – скромная свадьба отвечала их желанию просто быть вместе, несмотря на все сложности, с которыми им пришлось столкнуться.

Перед служащей загса стояла юная невеста в длинном белом платье, с высокой прической и скромным макияжем, а жених, одетый в черный фрак и белую рубашку, бережно обнимал свою любимую. На словах «Скрепите свой союз поцелуем» Лина и Влад, притронувшись губами друг к другу, в момент забыли о том, что на них смотрят люди, что они находятся в общественном месте: они дышали одним воздухом, жили одной жизнью, они были единым организмом, который никто и никогда не смог бы разъединить.

– Я люблю тебя, ангелочек, – прошептал мужчина, когда наконец оторвался от своей уже жены. – Я не смогу жить без тебя ни единой минуты.

– Я люблю тебя, Владик, – нежно ответила девушка. – Ты в моем сердце останешься навсегда. Мы никогда-никогда не разлучимся, мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

– Родная моя, как долго я тебя искал. – Из глаз мужчины готовы были политься слезы, но он сдержал их.

– Как я счастлива, что Изольда не пришла, и мы встретились.

– Это была судьба.

– Да, ты моя судьба, – согласилась Лина и уткнулась мужу в шею.

Началась новая жизнь. Влад, понимая, что теперь он должен содержать не только себя, но и жену, и тещу, стал брать заказы на пошив одежды. Сначала он творчески подходил к этому процессу, помня о том, что вещи должны отражать индивидуальность человека, но потом понял, что тратит на каждого клиента слишком много времени, а денег на то, чтобы его любимая ни в чем не нуждалась, явно не хватает. Тогда ему пришлось поменять концепцию своего пусть маленького, но все-таки бизнеса: он хорошо кроил, качественно шил и умело подгонял предметы гардероба по фигуре, поэтому заказчики всегда были довольны работой молодого портного, однако душу в работу Влад вкладывать перестал. Ему просто надо было заработать денег. Совершенно неожиданно ему предложили сшить шубу из кусочков меха, принесенных в большом мешке. Первым порывом молодого человека было отказаться от незнакомого ему вида деятельности, однако, справедливо рассудив, что за пошив верхней одежды можно будет запросить двойную цену, он согласился. Влад долго раскладывал шкурки на столе, искал в библиотеке советы по работе с мехом, размышлял, как скроить изделие так, чтобы не повредить ворсинки, и наконец нашел правильное решение.

Первая примерка была для портного мукой: он так переживал, что почти не спал накануне ночью, ведя мысленный разговор с клиентом, объясняя ему принципы своей работы, но все прошло на удивление легко: женщина осталась довольна увиденным и желала поскорее получить готовый полушубок. Через неделю она восторженно уходила из дома Никольских в обновке, несмотря на то, что погода не соответствовала ее наряду – было еще очень тепло. Влад сидел в своей мастерской и считал купюры, которые оставила ему клиентка.

– Да это же выгодное направление! – засмеялся молодой человек. – Если понять, как работать с мехом, знать особенности материала, то можно тратить не так много времени, как у меня получилось в этот раз, а получать в несколько раз больше. Пожалуй, надо сообщить постоянным заказчикам о том, что я готов шить пальто, плащи, куртки и шубы. Посмотрим, что из этого выйдет.

Из этого, как и предполагал мужчина, вышел толк – к нему шло так много людей, что он почти не выходил из своей комнаты, где стояла швейная машинка. В семье наступило время достатка: Лина не нуждалась абсолютно ни в чем, муж ее баловал, покупал ей все, что она хотела, а так же постоянно шил новые и новые наряды. Девушка расцвела от заботы и улыбалась всем, кого встречала на своем пути, а Влад был на седьмом небе от счастья, глядя на свою радостную супругу. Казалось, в доме Никольских царит любовь, однако увлеченные друг другом молодожены не замечали «холодной войны», которую вели между собой мадам Лотта и Маргарита Исааковна.

В тот день, когда семья переехала к Владу, старая хозяйка дома поняла, что она вынужденно передала «пальму первенства» матери Лины: именно теща готовила есть на всю семью, ходила гулять с Бони, стирала вещи дочери и ее мужа, убирала квартиру и вела хозяйство. Мадам Лотта стала автоматически не нужна Владу. Боль, ревность и зависть раздирали ее душу – Маргарита Исааковна стала для нее тем же немцем,

который расстрелял когда-то у нее на глазах всю семью. «Она забрала у меня моего Владика, – размышляла женщина. – У нее есть дочь, пусть вот о ней и заботится! Зачем она отняла у меня единственную отраду? Стерва! Видеть ее не могу! Из-за нее я не нужна моему Владиду!» Маргарита Исааковна, в свою очередь, побаивалась эту странную женщину, но так как счастье дочери для нее было на первом месте, она мирилась с таким соседством. При необходимости она даже обращалась к мадам Лотте, но напряженность между двумя хозяйками была ощутима, поэтому Маргарита Исааковна старалась без крайней нужды не заходить на другую половину дома.

– Мама! – хмурая бледная Лина зашла на кухню. – Меня уже третий день тошнит. Может, ты что-то несвежее в суп добавила? Это невозможно просто.

Маргарита Исааковна засуетилась:

– Доченька, что с тобой? А Владиду тоже плохо?

– Не знаю, он уже в шесть утра уходит на работу, я не успеваю спросить. А в мастерской я стараюсь не появляться, он сердится, когда его отвлекают. У него же столько работы сейчас. Ну вот, меня опять мутит.

С этими словами девушка побежала в ванную, где ее вырвало. Женщина зашла следом и села рядом с дочерью, глядя ее по слипшимся волосам.

– Линочка, а голова у тебя кружится? Может, живот болит?

– Нет, просто тошнит, – прошептала испуганная девушка. – И устаю очень быстро.

– Я волнуюсь, моя хорошая, давай к врачу сходим.

– Мама, какой врач? Я просто отравилась чем-то. – Дочь была недовольна предложением Маргариты Исааковны. – Хотя ладно, давай сходим, только к доктору Брош.

– Линочка, это же детский врач, а ты уже взрослая. – Мать была удивлена таким решением.

– Мне все равно, к другому я не пойду, только к ней. – Девушка стояла на своем.

– Хорошо, милая, я сейчас ей позвоню, узнаю, когда она может нас принять, а ты пока умойся и полежи.

Лина устало кивнула и сунула руки под струю воды. «Как мне плохо, – про себя стонала несчастная больная. – Я ни заниматься не могу, ни читать. Даже по мужу не скучаю. Хочется уснуть и проснуться только тогда, когда это пройдет. Надеюсь, доктор Брош даст мне таблетки, и мне станет легче».

Через три часа мать с дочерью сидели перед пожилой женщиной в белом халате.

– Слышала, что Лину можно поздравить с замужеством, – улыбнулась Мара Иосифовна.

– Слышали? От кого? – Маргарита Исааковна удивилась, ведь свадьба была совсем скромная.

– Так весь город говорит об этом. – Доктор Брош отвела взгляд, а потом продолжила:

– Но меня сплетни не интересуют. Лучше расскажите, что вас привело ко мне.

– Мне плохо, Мара Иосифовна, – жалобно простонала Лина. – Меня тошнит уже третий день. И еще постоянно спать хочется. Я ничего делать не могу.

– Давай мы на всякий случай возьмем у тебя анализы, и я тебя осмотрю, но мне кажется, проблема в другом. – Врач с улыбкой посмотрела на девушку.

– Что с ней? – Маргарита Исааковна взволновалась. – Она серьезно больна?

– Когда у тебя были последние месячные? – Мара Иосифовна внимательно посмотрела на пациентку.

– Не помню. – Лина покраснела. – Я не очень слежу за ними.

– Думаю, что ты скоро станешь мамой, девочка моя. – Доктор Брош с улыбкой взяла листок бумаги. – Давай-ка покажем тебя женскому врачу.

– Нет, – запаниковала девушка. – Я не пойду ни к какому врачу!

– Лина, если я права, то тебя должен наблюдать специалист. Я выпишу тебе направление, и завтра ты отправишься на осмотр.

– Нет, никуда я не пойду! – Девушке казалось, что ее жизнь рухнет. – И ребенка я не хочу, я сама еще ребенок!

– Дочка, ты уже не ребенок, ты замужняя женщина, – Маргарита Исааковна вступила в разговор. Мысль о том, что она скоро станет бабушкой, волновала ее сердце.

– Лина, это естественно, и бояться тебе нечего, – Мара Иосифовна говорила мягко, спокойно, но между тем очень настойчиво. – Ты всегда можешь приходить ко мне на прием, однако на учет ты должна встать к специалисту. Я буду консультировать тебя, все будет хорошо.

– Я не знаю, что мне делать, – расплакалась девушка, по-детски вытирая слезки кулачками.

– Я тебе сказала, что делать, – пойти к гинекологу. А потом, если захочешь, снова прийти ко мне – я тебе все расскажу и объясню.

– Я домой хочу, мама, – уже рыдала Лина.

– Мара Иосифовна, спасибо вам. – Маргарита Исааковна встала и взяла направление к специалисту. – Мы, пожалуй, пойдем.

– Всего вам хорошего, – доктор Брош улыбнулась. – И поздравляю вас – это радостное событие.

– Спасибо еще раз, всего доброго, – мать попрощалась с врачом и вывела плачущую дочь из кабинета. Лина даже не попрощалась.

Домой они вернулись молча. Девушка не отвечала на вопросы, отворачивалась от матери и вырывала руку, когда та пыталась ее приобнять или погладить. Лина отказалась от еды и закрылась в своей комнате. Через час в спальню зашел Влад.

– Ангелочек, ты плакала? – Муж был обеспокоен расстроенным видом любимой.

Лина отвернулась к стенке и промолчала.

- Что случилось, крошка моя? Тебя кто-то обидел?
- Нет, – прошептала юная жена, но голову не повернула.
- Ты плохо себя чувствуешь? – Тревога нарастала в душе Влада.
- Да, плохо. – Лина снова начала плакать.
- Что у тебя болит? Давай вызовем врача! Что тебе принести? Хочешь водички?
- Да, принеси попить.
- Хорошо, любимая, потерпи, я сейчас мигом. – Мужчина засуетился, но потом взял себя в руки и прошел на кухню.

Расстроенная теща сидела за столом и листала кулинарную книгу.

- Маргарита Исааковна, Лине плохо! – Молодой зять взял стакан и начал наливать воду. – Нужно показать ее врачу.
- Мы сегодня были у врача. – Женщина подняла глаза на вошедшего.
- Что с ней? Она больна?
- Ее направили к гинекологу, но она не хочет идти.
- К гинекологу? Что случилось? Почему она не хочет идти? – Тысячи вопросов готовы были сорваться с губ обеспокоенного мужа.
- Лина, вероятно, ждет ребенка. – Маргарита Исааковна отвела взгляд. Ей не хотелось рассказывать Владу о том, что ее дочь совсем не рада этому известию.
- Ребенок? Ребенок! – Мужчина в порыве радости обнял тещу и поцеловал ее в щеку. – У нас будет ребенок! Неужели это правда? Я не могу поверить! Я пойду к Линочке!

Он ворвался в комнату и бросился целовать жену.

- Любовь моя, я так счастлив! Ты подаришь мне ребенка! У нас будет малыш! Он будет таким же прекрасным, как и ты! Это будет еще один маленький ангелочек, который навсегда объединит нас!

Лина изумленно обернулась – она не ожидала такой бурной реакции от мужа.

- Владик, я не готова стать матерью. – Слезы снова потекли из ее глаз. – Мне семнадцать лет только исполнилось.
- Милая, ты будешь самой прекрасной матерью на свете. – Он продолжал целовать жену и чувствовал, как страсть охватывает их обоих.

Лина подалась вперед, обхватив руками родное тело любимого мужчины – сейчас она ощущала себя желанной женщиной, а не будущей матерью. Через полчаса, утомленные ласками, они лежали в обнимку.

- Владик, мне страшно, – Лина вдруг решила рассказать мужу, что ее волнует. – Я была так счастлива быть твоей женой, купаться в твоей заботе, наслаждаться твоей любовью. У меня было все так просто и понятно, а сейчас... Ты ребенка станешь любить гораздо больше, чем меня.
- Милая, о чем ты говоришь? – Влад искренне не понимал переживаний жены. – Я буду

беречь тебя в сто раз сильнее, потому что ты будешь носить под сердцем плод нашей любви. Я буду любить тебя в миллион раз крепче, потому что ты родишь малыша, в котором течет наша с тобой кровь. Я буду заботиться о тебе в миллиард раз больше, потому что ты станешь мамой. Ты для меня всегда-всегда будешь на первом месте, и я возьму на себя часть обязанностей, чтобы тебе было легче.

Лина немного расслабилась от этих слов: «Владик так рад ребенку, значит, он на самом деле будет обо мне еще больше заботиться. Может, это на самом деле не так страшно – быть мамой? Нет, все равно страшно... Может, я все-таки не беременна? Вот бы завтра я пришла к гинекологу, а он сказал, что это все ошибка! Как было бы хорошо! Но и туда идти боязно».

– Владик, я боюсь врача, – прошептала девушка.

– Ангелочек, я пойду с тобой. – Мужчина гладил распущенные черные волосы и вдыхал родной аромат жены. – Мы с тобой сходим к врачу, все узнаем, а потом отметим где-нибудь это событие, если ты не устанешь. Или купим много-много вкусной еды и посидим дома. А потом я начну шить тебе красивые платья для беременных, и ты у меня затмишь всех женщин мира.

– Правда, пойдешь? – улыбнулась наконец Лина.

– Конечно, пойду. Теперь я везде с тобой ходить буду, чтобы оберегать тебя каждую секунду. А сейчас давай покушаем немного, тебе же силы нужны.

Девушка согласно кивнула и потянулась за халатом, но муж остановил ее:

– Нет, милая, ты лежи, я тебе сейчас все в комнату принесу и покормлю с ложечки. Ты отдыхай и набирайся сил.

Лина расслабилась и улыбнулась: «Ой, как хорошо, оказывается, быть в положении – муж так заботится обо мне! Мне кажется, что он стал любить меня еще сильнее».

Супруги Никольские вышли из женской консультации, обсуждая услышанное.

– Ой, неужели у меня уже третий месяц? – смеялась Лина. – Как это так? Я даже не заметила, что уже десять недель во мне растет человек!

– Так бывает, – целовал любимую счастливый Влад. – Представляешь, уже в мае у нас будет малыш? Спасибо тебе, любимая!

– А если со мной будет что-то не так? – тревожилась будущая мать.

– Все будет хорошо, тебе же врач сказал, что все в норме, – успокаивал ее муж.

– Ладно, тебе я верю, – соглашалась Лина, чтобы через несколько дней снова начать беспокоиться.

Глава 16

Наступил апрель. У Лины шел восьмой месяц, и вся семья готовилась к появлению на свет малыша, даже мадам Лотта принимала активное участие в общей суматохе. «Малыш будет только моим, – размышляла старуха. – И это, я считаю, правильно и

справедливо. Девчонка еще слишком юна, чтобы заботиться о младенце, за ней самой надо ухаживать, а у Маргариты Исааковны уже есть дочь. Значит, новорожденный будет только моим. Да, так оно и будет... Лина мне не помеха, лишь бы ее мамаша не перешла мне дорогу». Свои намерения мадам Лотта никому и не показывала, напротив, она стала помогать Маргарите Исааковне и Владу, часто приходит на большую половину и сидеть там часами, развлекая беременную женщину и ее мать рассказами. Влад был очень доволен таким положением дел: он по-своему любил мадам Лотту и был к ней привязан, поэтому ее постоянное присутствие в доме совершенно его не напрягало, более того, это позволяло ему хоть ненадолго отлучаться в мастерскую. С того дня, как он узнал, что его жена ждет ребенка, он пересмотрел свой график работы и внес в него существенные коррективы.

«Я нанял двух женщин, которые будут делать за меня черную работу – строчить, отпаривать, снимать наметку, – делился с Линой Влад. – Я буду платить каждой по 20 процентов от общей суммы заказа, значит, у нас с тобой останется 80 процентов, но я буду иметь гораздо больше свободного времени, которое буду тратить только на тебя, мой ангелочек. Я буду только работать с клиентами, делать выкройки и сметывать детали, то есть делать всю важную работу». Молодой человек поступил именно так, как и говорил. Кроме того, он снял небольшое помещение, где встречался с клиентами, куда посадил своих швей и где лежали ткань, мех, нитки, бумага. Дома Влад только делал выкройки. «Это для того, чтобы у нас дома не было посторонних, – объяснял он свое решение жене. – Я хочу оградить тебя от всех инфекций, от пыли, от шума, поэтому решил мастерскую сделать в другом месте. Представь, как хорошо станет дома!» – «Но тогда тебя не будет рядом», – справедливо возражала Лина. «Я буду уходить туда не каждый день и ненадолго, – гладил появившийся животик любимой мужчина. – Только тогда, когда в этом будет необходимость».

Лина проснулась от того, что ей не хватало воздуха. Мужа рядом уже не было. «Надо позвать Влада или маму», – решила женщина и попробовала приподняться с кровати. Через секунду она потеряла сознание.

Беременную отвезли в больницу и положили на сохранение, однако опасения внушал не плод, а мать – у девушки было очень высокое давление. «Будем спасать вашу жену», – сказал врач «Скорой помощи» Владу, когда тот бежал рядом с носилками. Мадам Лотта, стоявшая рядом, восприняла услышанное по-своему: «Они не будут бороться за ребенка. Они погубят младенца, чтобы спасти эту избалованную особу! Ненавижу ее!»

Маргарита Исааковна вместе с зятем почти все время проводили у Лины, ухаживая за ней, кормя и развлекая ее. Мадам Лотта благородно взяла на себя все обязанности по дому и чувствовала себя от этого счастливой. «Я снова всем нужна, – думала она, готовя ужин на всю семью и диетический обед для Лины, который завтра ей отнесут в роддом. – Как хорошо, когда Маргариты Исааковны дома нет – я сразу становлюсь хозяйкой, матерью! Вот бы так было всегда!» Несколько недель судьба была на стороне мадам Лотты: Лина по-прежнему находилась под наблюдением врачей, и выписывать ее не собирались, у Влада заболели обе швей, поэтому он почти не появлялся дома, пытаясь в одиночку закончить важный заказ, а Маргарита Исааковна целые дни проводила у дочери. Мадам Лотта была счастлива.

В тот вечер мама Лины пришла домой с головной болью – у нее поднялась температура.

– Я пойду прилягу, – сказала она, заходя на кухню, где мыла посуду хозяйка дома. – Что-то меня знобит.

– Конечно-конечно, – согласилась старуха, не поворачивая головы. – Я вам сейчас чаю горячего принесу.

– Спасибо, что бы мы без вас делали? – благодарно ответила женщина и направилась в свою комнату.

Она расстелила постель и зажгла газовую печку, чтобы хоть немного согреться. Через пятнадцать минут женщина крепко спала. Мадам Лотта, держа в руке чашку с чаем, постучала в дверь, но ответа не услышала. Подождав минутку, она заглянула в комнату – Маргарита Исааковна лежала, отвернувшись к стене. Кривая улыбка мелькнула на морщинистом лице хозяйки дома – она быстро подошла к отопительному прибору, обмотала фартуком руку и закрыла заслонку: газ стал проникать в комнату. Плотнo закрыв за собой дверь, мадам Лотта направилась в свою половину дома...

Утром Влад обнаружил, что теща мертва.

Врачи констатировали смерть от отравления газом и продуктами горения, а следователь написал в деле «несчастный случай». Все выглядело так, словно женщина включила газ, а заслонку открыть забыла. Ни у кого произошедшее не вызвало подозрений, кроме внимательного Влада. Он знал, как теща боялась газового отопления, поэтому без нужды она его не включала, а если все-таки зажигала, то по нескольку раз проверяла заслонку. «Как это произошло? – размышлял молодой человек, никак не придя в себя от случившегося. – Не могла Маргарита Исааковна проявить такую халатность, я слишком хорошо ее знаю. Что-то случилось, пока меня не было дома. Может, мадам Лотта что-то знает?» Спросить у хозяйки дома так и не удалось: сначала молодой человек был занят подготовкой похорон, а потом здоровьем Лины, которой стало плохо, когда она узнала о смерти мамы. Врачи делали все возможное, чтобы привести женщину в норму, однако ничего не помогало. «Мы начинаем роды, иначе можем потерять и мать, и ребенка, – сообщили акушеры-гинекологи бледному Владу, который метался по больничному коридору. – Мы, конечно, хотели дотянуть до срока, но...»

– Делайте то, что считаете нужным, – промолвил муж.

– Мы обязаны задать вам вопрос. – Доктор внимательно посмотрел на родственника его пациентки.

– Спасайте мать, – Влад все понял, и сердце сжалось от возможного горя. – Без нее я не смогу жить.

– Хорошо. Тогда мы начинаем, – врач кивнул головой и удалился, оставив мужа одного в коридоре.

Через двенадцать часов, в день похорон Маргариты Исааковны, на свет появилась крошечная девочка. И мать, и дитя чувствовали себя удовлетворительно.

Глава 17

Маленькой Раде исполнилось три месяца. Лина была хорошей матерью вопреки своим страхам и нежеланию иметь ребенка, правда, от помощи мадам Лотты она не отказывалась – девушка готовилась поступать в институт иностранных языков на заочное отделение.

– Милая, как ты смотришь на то, чтобы съездить в августе в Москву? – Влад обнял жену, когда она положила спящую Раду в кроватку.

– В Москву? – удивилась девушка. – Зачем? Нет, безусловно, я хочу увидеть Москву, просто предложение такое неожиданное.

– Я хочу познакомить тебя с отцом. – Мужчина сегодня звонил домой и узнал, что Настя родила сына. – У меня неделю назад родился братик, его назвали Мишей. Теперь, когда у меня есть вы, а у отца – новая семья, пора закончить этот период

отчуждения. Нам больше нечего делить.

– А Рада? – Лина посмотрела на крошечную дочку.

– Возьмем с собой. Пусть познакомится с дедушкой. – Влад был рад предстоящей поездке. Ему казалось, что возвращение на родину что-то изменит в его жизни, хотя понимал, что его дом теперь здесь, в городе Черновцы.

– А мои экзамены? – Лина еще сомневалась в нужности этого путешествия.

– Мы поедем только после того, как ты все сдашь. Дождемся результатов, а потом купим билеты и отправимся отмечать твоё успешное поступление! Будем ходить на выставки, в рестораны, ты увидишь столичную жизнь. Я тебе сошью несколько новых платьев, в которых ты затмишь всех москвичек, которые встретятся нам на пути.

Такая формулировка девушке очень понравилась, поэтому она рассмеялась:

– Ты так уверен, что я поступлю?

– Конечно, у тебя уникальный дар. Ты прекрасно чувствуешь языки, тебя зачислят без разговоров.

– И платья ты мне сошьешь новые? – Лина осмотрела свою фигуру. За время беременности она поправилась на пятнадцать килограммов, однако сейчас почти пришла в форму – лишь небольшой животик еще указывал на то, что девушка несколько месяцев назад вышла из роддома. Но, по мнению Влада, жена стала еще красивей: движения стали мягкими и плавными, появилась кошачья грация, ушла вся детскость образа, волосы, которые раньше свободной волной струились по спине, теперь, с появлением дочери, всегда гладко зачесывались, открывая удивительной красоты длинную шею. Лина из принцессы превратилась в королеву.

На вокзале в ожидании поезда стояла семья Никольских: Влад держал на руках милую девочку в красивом сарафанчике и чепчике с рюшечками. Дочь была одета под стать своей матери: на Лине было изысканное платье, изящные туфельки и красивая сумочка, которые Влад ей добыл у спекулянтов. Проходящие мимо мужчины не могли отвести глаз от той, что прижималась к мужу и вытирала ротик дочери, – женщина была потрясающе красива, словно сошла со страниц модных журналов. Августовское солнце согревало нежными лучами эту счастливую троицу.

Целый месяц семья Никольского-младшего провела в гостях у генерала. Все члены семьи, за исключением Насти, были довольны этим воссоединением. Генерал смотрел на молодого человека и понимал, что чуть не потерял сына из-за своей упертости. Лишь благодаря тому, что Влад не забывал его и звонил, эта ниточка между самыми близкими людьми не порвалась, не потерялась. По вечерам, когда женщины укладывали спать детей, мужчины сидели на кухне и говорили. Им хотелось так много сказать друг другу, но то, что было на душе, почему-то не выходило наружу, уступив место обычным разговорам за жизнь. Николай Александрович смотрел на протез сына, и его сердце колотилось как бешеное: «Из-за меня мой сын стал калекой! Это я толкнул его на побег! Как я виноват перед ним! Я никогда не смогу искупить свой грех, никогда не смогу вымолить прощения у сына за то, что ему теперь придется всю жизнь жить инвалидом!»

– Владик, я могу тебе помочь как-нибудь? – генерал наклонился вперед.

– Нет, папа, у меня все хорошо. – Влад расслабленно сидел в кресле. Он был счастлив оказаться в доме, где прошло его детство, был рад, что между ним и отцом не осталось больше поводов для ссор и ненависти, и блаженное спокойствие разливалось в его душе. – Хотя...

Молодому человеку пришла в голову идея.

– Папа, мне нужны заграничные журналы мод. Лучше с выкройками, но можно и без. Где мне их достать?

– Сынок, что ты задумал? – как только речь шла о чем-то, что выходило за пределы СССР, Николай Александрович напрягался.

– Папочка, ничего особенного. Я просто хочу сшить Лине одежду – она же поступила в институт. Хочу, чтобы она выглядела у меня лучше всех, она этого заслуживает. – Молодой человек решил не делиться своими планами с отцом, понимая, что тот в лучшем случае посчитает это «изменой родине», в худшем – «теневого экономикой», а снова ссориться с родным и близким человеком совершенно не хотелось.

– У меня есть некоторые связи с Министерством иностранных дел. Может, там в библиотеках что-то есть. – Генерал задумался. Если его сыну нужны были журналы, то он их обязательно найдет.

– Папа, а в командировках ты не мог бы для меня приобретать журналы? – продолжил эту скользкую тему молодой человек.

– Я все реже и реже выезжаю за пределы СССР. В моей должности совсем необязательно мотаться по миру, – произнося это, Николай Александрович выпрямился и выставил грудь. Все-таки это был самый настоящий военный, который даже в стенах родного дома находился на службе.

Влад заметно расстроился, и старший Никольский поспешил исправить ситуацию:

– Если для тебя это так важно, я обяжу подчиненных из каждой поездки привозить тебе прессу.

– Папочка, мне не пресса нужна, мне нужны журналы мод.

– Хорошо, журналы мод, – устало согласился отец. – А как забирать будешь?

– Спасибо, папочка, это просто замечательно. – Влад радовался, как ребенок. – Ты мне можешь их по почте отправлять. Ну или с оказией.

Лицо генерала осветила улыбка – сын даст наконец-то свои координаты.

– Я сейчас тебе напишу адрес и телефон, папа, – сказал сын и вышел из-за стола. Мужчина понимал, что больше прятаться от этого человека не нужно.

Из комнаты вышла Лина – Рада наконец уснула. Молодая мать чувствовала себя счастливой и довольной несмотря на то, что почти не спала в эти дни. Она с такой радостью окунулась в столичную жизнь, полную огней, красивой архитектуры, изысканных ресторанов, чистых улиц и больших магазинов, что не хотела терять время на сон. Театры, кино, музеи – все было нужно, важно, интересно.

– Милый, пойдем погуляем по улице Горького, – попросила женщина мужа, идущего с листочком в руке. – Я пока не хочу спать.

– Конечно, идите, – услышал генерал голос невестки. – Я присмотрю за Радой, не беспокойтесь. Можете гулять хоть всю ночь.

– Спасибо вам, Николай Александрович! – Лина благодарно улыбнулась и побежала одеваться – у нее еще были платья, в которых она не выходила.

Настя пришла на кухню, как только захлопнулась входная дверь.

– Можно было бы так не хлопать, – хмуро ответила она. – Еле Мишку уложила.

– Да ладно тебе, он не проснется. – Генерал довольно посмотрел на молодую супругу.
– И Рада спит. Иди ко мне, милая.

Девушка села на колени к мужу и уткнулась ему в шею:

– Так нечестно, Коля. Они постоянно гуляют, ходят в театры, кино, а мы сидим с их дочерью.

– Настя, они же у нас в гостях. И Рада – моя внучка.

– Ну и что? Они уедут, а я так и останусь дома, постоянно с детьми. Пусть они посидят с Радой и Мишей, а мы с тобой сходим куда-нибудь. – Настя была недовольна тем, что Лину муж так балует, так любит, что они постоянно гуляют, куда-то ходят, а она постоянно сидит дома и нигде не бывает – только стирка, готовка и кормление грудью новорожденного.

– Настюш, мне никуда не хочется, мне и дома хорошо, с тобой, с Мишенькой. – Николай Александрович устало улыбнулся жене. – Это они молодые, пусть гуляют.

– Коля, я тоже молодая! Я тоже гулять хочу! Я хочу красивые платья, как у Лины! Неужели я не заслуживаю такой жизни, как у нее? – Настя чуть не плакала. Она впервые увидела, что есть женщины, которые живут лучше, чем она. До этого перед ней были только примеры пьяных мужей, избивающих жен и детей, нищета и чернота. Генерал Никольский вытащил ее из того гадюшника, в котором она жила, и с тех пор женщина была вполне счастлива своим нехитрым женским счастьем – дом, муж, ребенок. Но сейчас перед ней вдруг возникла совсем другая жизнь, где женщину носят на руках, одевают, как куклу, заботятся о ней и балуют. Естественно, ей захотелось того же.

– Настя, я тебе ничего не запрещаю. – Генерал выразительно посмотрел на жену. – В пределах разумного, конечно. Ходи, гуляй, развлекайся. Вот с ребятами сходи в музей, они завтра собираются, а я с детьми посижу.

– Я не хочу с ребятами, я хочу с тобой! – Девушка впервые повысила голос на мужа. – В конце концов, я замужем и имею право появляться в обществе со своим законным супругом. Ты обязан сопровождать меня!

Генерал молча снял с колен жену и встал с кресла.

– Мне кажется, что ты забываешься, – тихо произнес он и прошел в спальню. Через минуту он вернулся с подушкой и пледом. – Я посплю в детской у Рады.

– Коленька, прости меня. – Настя вдруг поняла, что она перешла границы дозволенного и теперь могла потерять все, что она имеет. – Я не знаю, что на меня нашло. Коля, прости, пожалуйста, я больше никогда не позволю себе такого!

Генерал с досадой поморщился и отодвинул рыдающую супругу в сторону.

– Настя, ты сейчас разбудишь детей. Мы поговорим обо всем завтра. Спокойной ночи.

Николай Александрович зашел в комнату внучки и прилег на диванчик...

В конце августа Влад с женой и дочерью возвращались домой. Молодые люди были очень довольны путешествием: Лина насытилась новыми впечатлениями, эмоциями, чувствами; Влад прижимал к груди огромную сумку, полную журналов, которые достал ему отец, как и обещал; а маленькая Рада просто улыбалась от того, что ее любили, целовали, нянчились с ней. Размолвка между генералом и его женой не прошла бесследно – Влад и

Лина обратили внимание на то, что Николай Александрович спит у внучки в комнате, и попробовали внести мир в семью. Молодой человек долго разговаривал с мачехой, а Лина – со свекром, и добились-таки результата – Настя и Николай помирились. Более того, через несколько дней генерал Никольский принес жене и невестке красивые золотые сережки: Насте – чтобы она почувствовала его заботу и не завидовала Лине, а Лине – в качестве благодарности за те слова, которые та нашла в разговоре с ним. Все были довольны, однако в спальне молодые супруги делились мыслями:

– Мне кажется, ей только московская прописка нужна, – говорил Влад, не забывая целовать шею жены.

– Почему? Думаешь, она его не любит? – Лина охотно отвечала на ласки мужа.

– Мне кажется, нет. Она тупая, как пробка. У нее нет понятия любви, возвышенности чувств. – Мужчина на самом деле вышел от Насти в оцепенении. Некоторые ее слова коробили его, однако он попытался дать понять родственнице, что слово мужа – это закон, что именно так ведет себя его супруга и именно поэтому настолько окружена заботой. – Зачем только отец женился на ней?

– Знаешь, милый, твой отец – тоже не подарок. – Девушка нежными руками скользила по обнаженному телу мужа. – Он категоричен, резок и не принимает ничью точку зрения. Как с ним жить?

Влад застонал, когда любимая провела пальчиком по животу и спустилась вниз – больше никаких разговоров не хотелось. Резко перевернувшись, мужчина оказался на своей жене, и супруги слились воедино.

Глава 18

Лина вошла в дом и прямо в шубке направилась в комнату дочери – Рада сидела в манежике и улыбалась.

– Ты моя хорошая, – ворковала молодая мать. – Ты моя радость, я так люблю тебя, моя маленькая крошка.

Мадам Лотта услышала голос девушки и зашла в детскую.

– Как успехи? Можно поздравить?

– Да, мадам Лотта, «отлично», – Лина держалась рукой за щеку, но улыбалась.

– Я же говорила, что ты все сдашь, а ты так волновалась. – Женщина нагнулась и достала Раду из манежика. Девочка счастливо засмеялась.

– У меня второй день болит зуб, – поморщилась молодая мать. – Мне это так мешало готовиться и на экзамене сосредоточиться.

– Сходи в поликлинику, Лина, не мучайся.

– Мне так не хочется в очереди стоять, меня угнетает вид страдающих людей. – Девушка начала снимать шубку. – Может, так пройдет?

– Не глупи. Вон возьми шоколадку и отдай ее в регистратуре – тебя сразу направят к стоматологу. Или скажи, что у тебя острая боль – в этом случае они тоже не имеют права заставлять тебя ждать.

– Да? – задумалась несчастная. – Наверное, вы правы. Я и шоколадку дам, и про острую боль скажу, чтоб уж наверняка.

– Ну и правильно. Иди, а с Радой я посижу.

– Спасибо, мадам Лотта. Тогда я побежала.

В регистратуре сидела молодая женщина и приветливо улыбалась.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Да, у меня очень болит зуб. – Лина прижала ладонь к лицу, а потом полезла в сумочку.

– Боль острая? – задала вопрос девушка.

– Да, очень, – с несчастным видом произнесла посетительница и протянула в окошко шоколадку.

– Тогда пройдите в двадцать седьмой кабинет, врач освободится через несколько минут.

– Спасибо.

Лина поспешила в конец коридора, стараясь не смотреть на хмурые лица тех, кто ожидал своего времени. Судя по звукам, доносящимся из-за двери, стоматолог был еще занят, но девушка не смогла заставить себя подождать в коридоре. Она заглянула внутрь и спросила:

– Можно я здесь подожду? У меня очень болит зуб.

На ее голос обернулся мужчина. На вид ему было лет тридцать – тридцать пять, белоснежный халат оттенял смуглую крепкую шею, светлые глаза, обрамленные черными ресницами, излучали свет, руки, держащие бормашину, были совершенны по форме.

– Конечно, только снимите верхнюю одежду. Я скоро закончу. – Голос врача завораживал Лину, она чувствовала, как пространство вокруг нее становится вязким и осязаемым.

Словно в бреду, она расстегнула блестящие пуговицы шубки и осторожно повесила ее на стул. Тоненькое голубое платье обтянуло ее совершенную фигуру, и девушка вдруг осознала, что сквозь нежный материал отчетливо видны напрягшиеся соски. Она смутилась и накинула тонкий шелковый шарфик, чтобы скрыть от посторонних глаз такую интимную деталь.

Врач продолжил работу, а Лина смотрела на него, не отрывая взгляд, – ей казалось, что его руки наполнены жизнью, что они двигаются, как в кино. «Как бы я хотела, чтобы они касались меня, гладили мое тело», – мелькнуло в голове девушки, однако она тут же себя одернула.

– Все, сплюньте, – наконец сказал дантист пациенту. – Два часа ничего не есть. Жду вас через три дня. Талончик возьмите в регистратуре.

Мужчина кивнул головой и направился к выходу.

– Присаживайтесь, – кивнул на кресло врач. – На что жалуетесь?

Боль у Лины прошла самым неожиданным образом – вернее, она просто не чувствовала сейчас совсем ничего, кроме желания всегда смотреть в эти изумительные глаза, слушать этот колдовской голос...

– На одиночество, – вдруг произнесла пациентка, совершенно не понимая, что заставило ее произнести эти слова.

– Что? – переспросил доктор, рассматривая потрясающей красоты женщину.

– Что? – Лина словно очнулась от сна и теперь не понимала, о чем идет речь.

– Неужели такая роскошная женщина может быть одинокой? – Мужчина покачал головой.

– Нет, я замужем, и у меня маленькая дочь.

– Как вас зовут, маленькая замужняя одинокая принцесса?

– Лина, – произнесла та.

– А меня Петр Самуилович, нет, для вас – просто Петр. – Врач улыбался одними глазами, нижнюю часть лица скрывала маска. – Давайте я осмотрю ваши жемчужные зубки, и мы решим, как лечить ваше одиночество.

Через несколько минут, звякнув инструментами, Петр закончил осмотр и произнес:

– Никаких проблем я не вижу, так что наше с вами свидание в этом кабинете подошло к концу. Но мне бы хотелось продолжить общение, если вы не против.

– Я не против, – как замороженная сказала Лина.

– Тогда жду вас через час в кафе «Улыбка». Знаете, где это?

Лина кивнула головой и встала с кресла. За час ей надо будет привести свои мысли и чувства в порядок. Она открыла дверь и вышла из кабинета, ничего не видя перед собой.

– Лина, вы забыли свою шубу, – выскочил в коридор Петр Самуилович, держа в руках серую меховую курточку.

Девушка обернулась и подошла к врачу. Руки их соприкоснулись, и время остановилось – сейчас в этом мире жили только этот мужчина и эта женщина. Наконец врач тряхнул головой, словно хотел избавиться от наваждения, и хрипло сказал: «Следующий». Очередь зашевелилась, и бледная Лина поспешила покинуть поликлинику.

Она сидела в кафе и размешивала сахар в чашке. «Что я делаю? А как же Влад? Я же люблю его. По крайней мере, любила, когда выходила за него замуж. Зачем же я согласилась на эту встречу? Но я никак не могла сделать иначе – мне казалось, что я умру, если не увижу его больше. Что это? И почему я не испытывала таких же чувств по отношению к своему мужу? А что будет дальше?» А дальше Лина стала представлять, как Петр заходит в кафе, смотрит ей в глаза, гладит ее руки, обдавая жаром желаний, потом дотрагивается до коленки и продвигается вверх, обжигая бедро своим прикосновением... Она вздрагивает и видит перед собой мужчину, которого хочет с отчаянным желанием, который сводит ее с ума и влечет за собой в омут обмана. Женщина вскочила, опрокинув стул, и заметалась, но Петр молча прижал к себе свою недавнюю пациентку, кинул деньги на столик, кивнув официанту, захватил многострадальную шубку, которую ее хозяйка сегодня весь день забывала, и вывел

женщину на улицу.

– Садись, – тихо произнес мужчина, кивнув на стоящую рядом машину.

– Мы куда? – наконец Лина подала голос.

– Я не знаю, – Петр нервно пристегивал свою изумительную пассажирку. – Поехали за город.

Лина только кивнула головой.

Они молчали в машине – не было тех слов, которыми бы они могли высказать то, что происходило между ними. Да и не нужны были им слова – оба понимали, что сейчас происходит что-то очень важное и значимое в их жизни. Петр остановил машину в пустынном парке и повернулся к Лине. Девушка, как замороженная, потянулась к нему, и через минуту мужчина и женщина страстно целовались. Окна запотели от жаркого дыхания, поэтому даже случайный прохожий не смог бы увидеть, как два обнаженных тела сливаются в экстазе на задних сиденьях автомобиля. Лина не знала, сколько прошло времени, она только чувствовала, как этот, по сути, чужой ей мужчина умело извлекает мелодию любви своими прикосновениями. Она ощущала себя скрипкой, по которой водит смычком музыкант-виртуоз. Через мгновение раздался финальный аккорд, и Петр в изнеможении обрушился на хрупкую Лину. Возникла тишина, которую нарушало лишь тяжелое дыхание любовников.

– Прости меня, девочка моя, я не знаю, что на меня нашло, – наконец Петр осознал, что только что произошло.

– Ты не виноват, я тоже потеряла голову. – Лина подняла руку и провела пальцем по стеклу. На нем остался след.

– Что будем делать дальше?

– Мне надо домой, – выдавила из себя девушка, понимая, что через несколько минут она вернется в свою обычную жизнь, и эта встреча со временем превратится в сладкий сон.

– Я тебя отвезу, скажи адрес. – Петр начал одеваться.

Машина двигалась к городу, водитель курил в приоткрытое окно и изредка поглядывал на свою спутницу.

– Ты разочарована? – задал он вопрос, который терзал его. Обычно девушки после секса начинают либо говорить, как им было хорошо, либо щебетать различные глупости. Эта женщина была молчалива и загадочна.

– Нет, – тихо ответила Лина.

– Прости меня, наверное, это должно было быть не так.

– Тебе не за что извиняться, все было чудесно. – Женщина посмотрела на любовника и помолчала несколько секунд, а потом продолжила: – Спасибо тебе.

– За что? Ты о чем? Это я должен благодарить тебя. – Петр искренне не понимал Лину.

– За то, что я узнала, что значит «потерять голову».

– Я хочу видеть тебя снова. – Петр положил руку на колено девушки. – Давай завтра.

– А если я не смогу? – Лина пока не знала, как она будет жить дальше и что делать

со своей семьей, поэтому боялась договариваться.

– Я буду ждать тебя в кафе «Улыбка» с трех часов дня. Приходи, когда сможешь.

– Хорошо. Я постараюсь. Останови здесь – дальше я сама. – Девушка выпорхнула из машины и скрылась в переулке. Петр прикурил еще одну сигарету и положил голову на руль. Такой силы чувства в его жизни еще не было.

– Мадам Лотта, – закричала с порога Лина. – Я вернулась, все в порядке. Как у вас?

– Я кормлю Раду, не могу к тебе выйти, моя хорошая, – услышала в ответ молодая мать.

– Хорошо, спасибо вам. Я приму ванну, если вы не против. Я так замерзла.

– Конечно, иди. Главное, чтобы ты не заболела, девочка моя.

Наполнив ванну горячей водой, девушка осторожно села в нее и замерла. «Неужели я встретила свою настоящую любовь? Я уверена, что это мой мужчина. Зачем я так поторопилась со свадьбой? Зачем мне Влад? Хотя благодаря ему у меня есть Рада. И живем мы в достатке. И он заботится обо мне. Но зачем мне все это нужно без Пети?» Мысли прервал голос мужа, доносивший из коридора: «Мадам Лотта, где Лина? Где Рада?»

Видимо, женщина сказала, что Лина в ванной, потому что через минуту распахнулась дверь, и на пороге возник улыбающийся Влад с дочерью на руках. Волна стыда залила лицо Лины, и слезы выступили на глазах: «Что же я натворила? Как жить дальше?» Собрав волю в кулак, молодая жена поднялась, сводя с ума мужчину своей совершенной наготой, накинула халат на мокрое тело и взяла дочь. Прижавшись к мягкому животу лицом, Лина вдыхала родной младенческий запах и пыталась взять себя в руки.

В эту ночь Лина впервые отказала в сексе мужу, сказав, что после посещения зубного врача у нее очень болит голова. Влад нежно поцеловал любимое плечо, обнял здоровой рукой тонкую талию и уснул. Лина еще долго смотрела в темноту, пытаясь понять, что ей делать дальше.

Глава 19

На следующий день Лина отправила мадам Лотту гулять с Радой, сказав, что хочет немного подготовиться к занятиям, прибраться дома и сходить в магазин. Как только дверь за хозяйкой и дочерью закрылась, женщина бросилась к шкафу, вытащила черное платье с белыми манжетами, быстро оделась, собрала волосы в пучок и выскочила из дома. Потом вернулась, схватила коричневую длинную шубу, которую ей сшил муж к Новому году, и снова выбежала на улицу. Она мчалась в кафе «Улыбка», боясь, что сейчас увидит пустой столик. Но опасения были напрасными – Петр ждал девушку, как и обещал.

– Я так соскучился, Лина, – бросился он навстречу женщине. – Поехали.

Лина лишь кивнула головой, понимая, что готова следовать за этим мужчиной хоть на край света.

Следующие два месяца были самыми счастливыми в жизни молодой Никольской. Каждый

день они с Петей находили возможность провести вместе хотя бы несколько часов.

– Я должна все рассказать Владу. – После бурного секса Лина и Петр лежали в кровати гостиницы. – Я не могу больше врать, притворяться. Но еще хуже ложиться с ним в одну постель – мне противно от того, что я вынуждена изменять тебе. Я хочу уйти от него.

– Милая, постой, не торопись. – Петр прикурил сигарету. – Все не так просто. И мы должны запастись терпением, чтобы быть вместе.

– Почему непросто? – Лина была удивлена.

– Через месяц я с женой и сыном уезжаю в Израиль. СССР рушится, здесь нам не место. Я хочу жить на своей исторической родине.

– Ты женат? В Израиль? Когда? А как же я? – Лине казалось, что она умирает.

Вопрос с иммиграцией в Израиль был давно решен и не подлежал пересмотру – Петр знал, что жить хочет только там, однако появление Лины сильно усложнило его жизнь. Когда он думал о ней, он забывал дышать, ему хотелось раствориться в этой женщине, умирать и снова рождаться рядом с ней; он не мог представить, что рано или поздно наступит день, когда он ее не увидит. Однако сейчас отдаться чувствам – значило погубить себя.

– Лина, у тебя есть еврейские корни? – Петр лихорадочно размышлял.

– Конечно, я еврейка и по маме, и по папе, – девушка сухо ответила, потому что смириться с тем, что ее любимый скоро уедет с законной женой в другую страну, она пока не могла.

– Слушай меня. Я уеду и, как только устроюсь, тут же напишу тебе письмо. В нем будут точные инструкции, что тебе делать, чтобы приехать ко мне.

«Он сказал «ко мне», – ухватилась за спасительную мысль Лина. – Значит, он не бросает меня, значит, мы все-таки будем вместе».

– А при чем тут Влад? – Девушка приподнялась и посмотрела в глаза любовнику.

– Мы не можем рисковать, – отвел глаза Петр, он терял разум, когда видел ее лицо, такое родное, любимое, желанное. – Вдруг ты получишь отказ? А это вполне возможно: одинокая девушка, с ребенком, без законченного образования и профессии, без средств к существованию. Нет, это слишком опасно. Ты должна выехать вместе с мужем.

– А что будет дальше?

– Дальше ты разведешься, я к тому моменту уже точно буду разведен, и мы с тобой поженимся на этой святой земле.

– Я боюсь, – расплакалась Лина. Слишком много сложностей вставало на их пути.

– Чего ты испугалась, моя принцесса?

– А вдруг ты не разведешься? А вдруг Влад не захочет ехать? А вдруг нас не пустят?

– Успокойся, все будет хорошо. Мы же с тобой любим друг друга, поэтому сама судьба нам с тобой поможет. Я разведусь, как только мы обоснуемся в Израиле. Я бы развелся давно, потому что мы с Ларисой уже несколько лет живем разными жизнями, но нам надо выехать из СССР, а в законном браке сделать это гораздо проще. Я люблю только тебя, моя маленькая богиня, только ты мне нужна. Но здесь нас погубят.

– Я тоже тебя люблю, Петенька, – прошептала Лина, прижавшись губами к горячему животу мужчины. – Но Влад? Он же русский, а не еврей.

– Его должны впустить, так как он твой законный муж. – Петр начал целовать мягкую грудь женщины. – Следующий Новый год мы встретим вместе, на Земле Обетованной. Все будет хорошо.

Петр успокаивал любимую женщину, но ему самому было тревожно – вероятность, что муж любовницы не захочет эмигрировать из России, была велика. Надо было как-то подстраховаться. Тогда он обратился к знакомым с просьбой найти хоть какой-то компромат на Никольского Владислава Николаевича, надеясь, что сможет его припугнуть, и перед самым отъездом получил исчерпывающую информацию.

Влад Никольский давно и очень успешно работал подпольно. Он был одним из немногих, кто осмелился в советское время заняться криминальным производством и сбытом товаров, а именно, организовал целый цех по пошиву одежды, которую продавал в комиссионном магазине старика-еврея по имени Арон Львович. «Этот человек – прирожденный предприниматель, – с уважением подумал Петр. – Он далеко пойдет. Если при такой власти он сумел так изящно всех обвести вокруг пальца, прикрываясь тем, что он инвалид, то в Израиле он сможет достичь небывалых высот. Надо же, и откуда он только берет эти иностранные журналы, по которым шьет такие потрясающие вещи? Надо же было так все устроить?! Нет, этот человек – гений!» Петр еще раз с нескрываемым восхищением пролистал папку, которую ему сегодня доставили. «Сложность может быть только из-за отца, – нахмурился зубной врач. – Надо же, генерал! Либо Влада не выпустят, либо отца сместят с должности, обвинив в том, что он в родстве с изменниками родины! Надо будет поразмыслить, на что правильнее давить. Пугать тюрьмой? Действенно, конечно, но если тот упрется и все-таки будет осужден, то Лине могут не дать разрешения на въезд. Тогда придется придумывать что-то еще». Целую ночь Петр не смыкал глаз, обдумывая сложившуюся ситуацию, но выхода пока не видел. «Ладно, – под утро решил он, – поговорю с Линой. Будем решать проблемы по мере их поступления».

Наступил последний день перед отъездом Петра. Лина металась по квартире, не в силах унять дрожь. Боясь причинить дочери случайный вред, она передала ее мадам Лотте, попросив сегодня присмотреть за Радой.

– Ты плохо себя чувствуешь, рыбка моя? – Старуха взяла крошку на руки и внимательно посмотрела на молодую мать. – На тебе лица нет.

– Да, мне плохо. – Лина ухватилась за эту мысль как за спасительную соломинку. – Только мне еще в институт ехать – у нас подготовка к какой-то важной конференции. А потом я поеду к знакомой, мне надо кое-что сделать. Боюсь, что закончу очень поздно.

Мадам Лотта удивленно смотрела на бледную Лину и не узнавала ее – от милой ласковой и мягкой девушки не осталось и следа: перед ней стояла задерганная, испуганная женщина, готовая расплакаться в любую минуту.

– Ты иди, конечно, Линочка. За Радочку не беспокойся, я с ней посижу. А адрес знакомой оставь – Владик придет с работы и заберет тебя, чтобы тебе поздно ночью одной не ехать.

– Хорошо, спасибо вам. – Девушка быстро развернулась и выскочила из дома.

– А адрес? – закричала вслед женщина, но ответом ей был лишь хлопок двери.

Лина и Петр не могли оторваться друг от друга – это был их последний день вместе перед долгим расставанием. Наконец усталость взяла верх, и пара уютно разместилась в одном кресле.

– Любимая, – хрипло сказал мужчина, – я узнал кое-что о твоём муже. Мне кажется, что это поможет тебе убедить его выехать в Израиль.

– Ты о чем, любовь моя? – Лина не понимала, что можно узнать такого о человеке, с которым она жила и который делился с ней всеми новостями.

– Твой муж – цеховик. Это криминал.

– Что такое цеховик? Почему криминал? Его посадят? – девушка ничего не понимала.

– Цеховик – это человек, который занимается теневой экономикой. Я не буду загружать тебя подробностями, но как только ты получишь от меня письмо с инструкциями, намекни ему, что ты все знаешь о его занятии и что другие люди тоже знают. Можешь даже сказать, что тебе угрожали. Если он любит тебя, а я уверен, что любит, потому что тебя невозможно не любить, то он всерьез забеспокоится. Тогда предложи выехать в Израиль. Все подробности будут в письме.

– И он согласится? – Лина не верила своим ушам.

– Ради тебя и вашей дочери – согласится, я уверен в этом. – Петр счастливо улыбнулся и потянулся к своей принцессе.

У девушки голова шла кругом – Петр сказал ей то, во что она никак не могла поверить, поэтому она ловко выбралась из теплых объятий.

– Любимый, я пойду попою водички, сейчас вернусь.

Петя смотрел на обнаженное точеное тело Лины и старался запомнить каждый изгиб, родинку, пушок на шее, тонкие лодыжки... «Боже, как я люблю ее, – думал он в отчаянии. – Я люблю в ней все, словно она была создана именно для меня. Как так получилось, что она досталась другому мужчине? Как я смогу пережить эту разлуку? Я умру от тоски».

Женщина вернулась и влажными губами приникла к нему. Тела вновь соединились, а темнота плотной пеленой окутала умирающих и возрождающихся любовников.

Наступало утро. Мужчина и женщина так и не сомкнули глаз, стараясь насладиться каждой минутой, которую им дарил судьба. Но чем светлей становилось, тем больше страха и боли проникало в их души.

– А вдруг? – начинала Лина, цепляясь тонкими руками за мужские плечи.

– Нет, все будет хорошо, – убеждал не то ее, не то себя Петр.

– А если? – не успокаивалась девушка.

– Я буду тебя ждать. Я буду тебя ждать столько, сколько понадобится.

– Мне страшно.

– Не бойся, любимая, поверь мне, не бывает идеально, но...

– Что «но»?

– Но мы с тобой не случайно, наша встреча была предопределена, значит, мы

обязательно встретимся.

– Любимый! – Лина рыдала на шее Пети.

– Только не забывай меня, принцесса, только не забывай. – Мужчина тоже дал волю чувствам. – Я умру, если ты исчезнешь из моей жизни.

– Я никогда не забуду тебя...

– Я буду ждать тебя. Израиль – это святое место. Мы обязательно встретимся там и будем счастливы.

Машина неслась к дому Лины.

– Не подъезжай, – попросила девушка.

– Я уже повернул, милая, – прошептал Петр и остановился возле дома любимой. – Пожалуйста, не целуй меня. Если ты коснешься меня губами, я просто не смогу уехать.

– Не оставляй меня, – простонала женщина. Ее сердце разрывалось от невыносимой боли.

– Мы обязательно будем вместе, а теперь иди и не оглядывайся. Я совсем скоро пришлю тебе письмо, и ты полетишь ко мне, любовь моя.

– Я люблю тебя, – прошептала Лина, открыв дверь автомобиля.

– И я тебя, – дрогнувшим голосом ответил Петр, а потом резко нажал на газ. Машина с визгом рванула и скрылась за поворотом.

Окаменевшая Лина зашла в дом. Прямо перед ней стоял муж, который не спал всю ночь, тревожась за нее.

– Где ты была? – хрипло спросил он, боясь услышать ответ, но в то же время желая получить объяснения от жены.

– Ты на самом деле хочешь это знать? – девушка затравленно посмотрела на Влада, а потом прошла в свою комнату. Она легла поверх покрывала прямо в одежде и крепко заснула, словно сон был для нее единственным избавлением от той боли, которую она испытывала.

Владу казалось, что он умер. Измена жены, а он понял, что это было именно так, острым лезвием пронзила его сердце. Не в силах справиться с эмоциями, он вышел из дома и пошел бродить по городу. «За что? – думал он. – Почему она выбрала другого? Неужели это конец? Что делать? Выгнать ее? Но я умру без нее, я просто не смогу жить без своего ангелочка. Забыть и сделать вид, что ничего не было? А я смогу? Не знаю... Нет, я смогу, я должен справиться с этой ситуацией, иначе я просто пропаду. Без Лины и Рады жизни все равно не будет! Я заставлю ее влюбиться в меня снова, я одарю ее новыми платьями, украшениями. Она у меня будет жить, как королева, и никогда от меня не уйдет!»

Вечером Влад вернулся домой. Лина уже проснулась и безучастно кормила дочь с ложечки – по щекам текли слезы.

Прошло полгода. От Петра письма так и не было. Сначала Лина каждый день бегала на почту или неслась к входной двери, когда слышала стук, но со временем вера исчезла, и она впала в анабиоз. Жизнь женщины теперь состояла из воспоминаний о двух месяцах счастья.

По ночам, когда Влад ласкал жену, она закрывала глаза и вспоминала совершенные руки зубного врача, которые зажигали в ней огонь, его теплые губы, его запах, его дыхание... Она отдавалась мужу, представляя, что в нее сейчас входит Петр. В те моменты она наслаждалась процессом любви, но чуть только Влад касался разгоряченного тела супруги протезом, как она все вспоминала и замирала – ласки супруга ей были неприятны. «Скорее бы он закончил, – молилась она кому-то. – Я не люблю его больше! Я не хочу, чтобы он касался меня! Мне так противно!» Слезы текли из глаз, а Влад продолжал поступательные движения. Мужчина чувствовал резкое изменение в поведении жены и понимал причину происходящего, но настойчиво пытался выбить из сердца любимой постороннего человека и готов был пойти на все, чтобы только Лина вернулась к нему, вернулась душой.

– Солнышко, давай родим братика или сестренку Раде, – сказал утром Влад, целуя жену в щечку.

– Зачем? Тебе Рады мало? – Лина была не готова к такому повороту событий.

– Нет, я очень люблю и тебя, и дочку, просто подумал, что тебе захочется второго ребенка.

– Я же учусь, – женщина не знала, какую отговорку придумать, чтобы она выглядела правдоподобной. Второй ребенок усложнил бы переезд в Израиль и уход от мужа, когда Петя пришлет письмо.

– Но тебе же Лотта так хорошо помогает: она и хозяйство ведет, и за Радой смотрит.
– Муж понимал, что супруга будет непреклонна, но сдаваться не хотел.

– Влад, я подумаю об этом. – Лина повернулась к плите и поставила чайник. – Но пока я не готова второй раз стать матерью.

– Хорошо, ангелочек.

Женщина смотрела на огонь и вспоминала...

– Любовь моя, я только с тобой поняла, что значит «быть женщиной», – произнесла Лина, вставая с постели.

– Ты не просто женщина, а очень красивая женщина. Ты словно сошла с картины Рембрандта. – Петр, откинувшись на подушки, любовался ею.

Лина медленно и лениво надевала тонкие чулочки, белоснежное белье и красное платье с белым поясочком. Она была прекрасна и знала это. Именно он, Петр, вселил в нее ощущение своей уникальности и исключительности, именно с ним она осознавала свою красоту, несмотря на то, что Влад, всегда самостоятельно одевавший супругу, умело подчеркивал ее достоинства нарядами. Для мужа она была ангелом, именно поэтому на всех ее платьях, блузках, сарафанах обязательно присутствовал белый цвет как знак неземной природы хозяйки одежды. Муж относился к ней как к божеству, а Петя – как к земной женщине, из плоти и крови, и именно это так нравилось Лине, так будоражило кровь и вызывало ответные эмоции.

– Знаешь, я недавно прочитала «Робинзона Крузо» на английском языке. – Женщина стояла перед зеркалом и поправляла прическу. – Там была такая фраза: «Какое игрище судьбы – человеческая жизнь! Сегодня мы любим то, что завтра будем

ненавидеть; сегодня ищем то, что завтра будем избегать».

– Ты почему об этом вспомнила? – Петр недоуменно поднял глаза.

– Подумала про Влада. Я так искала с ним встречи, когда мы только познакомились, и сейчас так отчаянно пытаюсь избежать общения с ним.

Петр поймал руку любимой и притянул к себе – жаркий поцелуй прервал размышления Лины о странной человеческой натуре...

– Ангелочек, чайник кипит! Ты не видишь, что ли? – Влад тронул жену за плечо.

Она молча выключила газ и, так и не налив чаю, вернулась в спальню. Мужчина пошел за ней.

– Любимая, что с тобой происходит? Может, поговорим?

– Давай уедем из страны, – Лина произнесла то, что должна была сказать только после получения письма от Пети, однако мысль о Земле Обетованной все настойчивее и настойчивее преследовала ее. Она думала, что как только окажется в Израиле, сразу обретет счастье и покой.

– Я тоже думаю о переезде. – Влад присел рядом с женой. – Просто ты в последнее время настолько ушла в себя, что я даже не делился с тобой своими мыслями.

– Правда, Владик? – впервые за полгода Лина улыбнулась супругу. Она думала, что сейчас расскажет ему о Святой Земле, и они отправятся туда, куда зовет ее сердце.

– Да, милая, мы переезжаем в Москву.

– Как «в Москву»? – девушка изумленно смотрела на мужа.

– Мне так будет легче уйти в подполье.

– В подполье? – Лина вспомнила рассказ любовника о деятельности ее мужа и поняла, что все на самом деле гораздо серьезнее, чем представлялось тогда, когда голова была забита только тем, что Петя через несколько часов уедет от нее.

– Да, Черновцы – слишком маленький городок, меня могут заметить.

– У тебя проблемы? – сердце замерло.

– А ты думаешь, что деньги, шубки, украшения, сапожки мне просто так достаются?! – обида захлестнула Влада. Он так старается для своих крошек, а жена даже не замечает этого – просто принимает как должное.

Слезы выступили на глазах Лины: «Если мы уедем, то я потеряю связь с Петей. Я так и не дожусь от него письма. Мы так никогда и не встретимся».

– Если меня посадят, вы с Радой пропадете. Ты навсегда останешься женой заключенного! – Влад уже кричал, не видя, как девушка глотает слезы.

«Если его посадят, то меня точно никогда не пустят в Израиль, – думала Лина, пытаюсь с точки зрения разума посмотреть на ситуацию. – Надо будет найти способ получить письмо Пети, а пока согласиться с Владом. Возможно, в Москве у него тоже возникнут трудности, тогда можно будет возобновить разговор об эмиграции. Если это еще будет актуально для меня».

Не услышав ничего в ответ, мужчина посмотрел на жену и увидел, что она плачет. Вынести слез любимой он не мог, поэтому бросился к ней, встал на колени и обнял ее ноги:

– Прости меня, любимая, я не знаю, что со мной! Ангелочек, я больше никогда не повышу на тебя голос! Прости меня.

– Когда ты хочешь переезжать?

Тут раздались шаги, и в комнату влетела мадам Лотта.

– Рада пошла! Сама!

Лина бросилась к дочери и обняла ее:

– Крошка моя любимая! Какая ты у меня умница! Уже совсем большая стала, самостоятельная.

Влад подскочил к своим девочкам и обнял их – он был счастлив впервые за те полгода, которые прошли с того страшного дня, когда он узнал об измене жены.

– Я рассчитываю переехать через две недели, – шептал он любимой. – Мне нужно все подготовить, а также устроить перевод тебя в московский вуз и собрать вещи.

– Московский вуз? – мадам Лотта услышала слова Влада и сейчас прислонилась к косяку и держалась за сердце. Лицо покрывала мертвенная бледность.

– Вам плохо? – хором закричали супруги Никольские.

– Что же мне делать? Вы уезжаете и бросаете меня! Я умру, я просто умру без вас, – мадам Лотта едва шевелила губами.

– Мы вас не бросаем, вы едете с нами. – В этом вопросе Лина была непреклонна, она прекрасно понимала, что без помощи этой женщины она не справится с хозяйством и дочерью.

– Конечно, с нами, – поддержал супругу Влад.

– Вы с ума сошли? А дом? А мебель? Как я это брошу?

– А бросать не надо, мы просто уедем в столицу, а сюда сможем приезжать на лето, – было видно, что мужчина уже давно думал о переезде и старался не упустить ни одной детали.

Мадам Лотта хотела что-то возразить, но Влад подошел к женщине, взял ее под руку и вывел из комнаты.

– Думаю, вам лучше согласиться с нашим предложением, – жестко произнес он. – Или я расскажу жене о своих подозрениях по поводу смерти ее матери.

– Владик, мальчик мой родной, – заплакала старуха, – я не знаю, что на меня нашло тогда. Прости меня. Я просто не смогла делить вас ни с кем. Она отнимала у меня вас, отняла бы и маленькую Раду.

– Сейчас меня меньше всего интересуют мотивы вашего поступка. – Владу вдруг стало так неприятно, что он так долго жил с женщиной, способной на убийство. До этого он всего лишь подозревал ее, но вина была не доказана, поэтому он позволял себе думать, что просто заблуждается. Сейчас правда вышла наружу, и это было жутко и

уродливо. – Моя жена хочет, чтобы вы поехали с нами, значит, вы это сделаете. Раз уж по вашей вине Лина осталась сиротой.

– Я все сделаю, Владик, сынок. – Мадам Лотта целовала протез молодого человека и плакала.

«Как мерзко, что я живу рядом с убийцей, – думал мужчина, направляясь обратно в спальню. – Однако у меня нет выбора: рассказать Лине правду – значит, нанести ей удар в самое сердце. Я слишком люблю свою девочку, я не хочу, чтобы она страдала. Я с этой новостью справлюсь, Линочка – нет. Значит, буду молчать дальше. Видно, так нужно».

Через две недели супруги Никольские с частью вещей отправились в Москву. Мадам Лотта оставалась в Черновцах, чтобы продать антиквариат Влада и собрать оставшиеся вещи. Она должна была приехать следом.

Глава 21

Влад с Линой и Радой поселились в генеральской квартире. Отец настоял, чтобы сын вернулся домой, и так как Лине было все равно, где жить, то мужчина решил пойти навстречу папе. Настя, вспомнив, что прошлый визит родственников закончился подарком мужа и согласием на редкие выходы в свет, сейчас с радостью приняла семью в надежде на еще какую-нибудь выгоду. Более того, все заботы о Раде женщина с радостью взяла на себя, так как детей она искренне любила и получала удовольствие от общения с ними. Влад целыми днями пропадал на работе, которая в столице пошла у него еще успешнее, чем в Черновцах, а Лина страдала.

Она тенью ходила по квартире, ни с кем не общалась и оживала лишь в редкие минуты, когда шла гулять с Радой по уютным московским улицам. А через пару месяцев Лину стошнило. Она вспомнила, как забеременела дочерью и что чувствовала тогда, и ужаснулась: «Неужели снова ребенок? Что делать? Куда идти? Я же не знаю здесь ничего! Надо спросить у Насти».

– Вы беременны, срок – двенадцать недель, – гинеколог безучастно писала что-то на листочке. – Вот направление на анализы и дата следующего приема. Всего доброго.

Лина вышла из кабинета и прислонилась к стене – сердце стучало в ушах. Ее надежды на то, что она когда-нибудь увидится с Петей, таяли на глазах – второй ребенок сильно усложнит ей жизнь.

– Что, залетела? – услышала она хриплый женский голос и подняла глаза – перед ней стояла высокая блондинка с яркими губами.

Лина, как затравленный зверь, посмотрела на нее и кивнула.

– Избавляться хочешь?

Не отдавая себе отчет в том, что она делает, молодая Никольская снова кивнула. Тогда случайная встреча сунула листок бумаги и быстро произнесла:

– Там адрес. Бери деньги и приходи. Мы часто пользуемся их услугами. Все будет в ажуре.

Лина кивнула в третий раз и положила бумажку в сумочку. Когда она подняла голову, блондинки уже не было. «Это была проститутка, – подумала она. – Я оказалась в такой же ситуации, что и падшая женщина. Вот насмешка судьбы: муж меня называет ангелом, а я изменяла ему, а теперь вообще оказалась на одной ступеньке со шлюхами». Горько рассмеявшись, она отправилась домой, чтобы завтра пойти по указанному адресу.

– Вы сюда? – раздался звонкий голос, когда Лина подошла к двери.

– Да, – шепнула она, и волна стыда окутала ее.

– Тогда проходите, не стойте на пороге, а то кто-нибудь увидит. Деньги с собой?

– Да, но... – снова прошептала девушка.

– Хорошо, раздевайся, я тебя осмотрю, и мы начнем.

Лина лежала на холодной клеенке и сжимала кулаки – ей было страшно, противно и стыдно, но пути назад не было.

– Срок свой знаешь? – женщина-врач строго посмотрела на пациентку. – Чего тянула?

– Я не знала, – ответила Лина и отвернулась к стенке.

– Это опасно, – услышала она и безразлично пожала плечами. – Ладно, тогда терпи.

Вечером Лина зашла домой, еле стоя на ногах. Влада еще не было – в эти дни, когда производство только налаживалось, он возвращался далеко за полночь, что, кстати, очень устраивало его жену. Вот и сейчас она зашла в пустую спальню и легла в постель – сил ни на что не было, очень хотелось спать, а живот невыносимо ныл...

Она плыла на лодке по красивой реке, и волны плавно качали ее маленькое судно. Ей было так хорошо и спокойно. А потом раздался голос Пети: «Любимая, гребь быстрее, я не могу без тебя!» И Лина стала с остервенением работать веслами, однако лодка не двигалась с места. Голос Петеньки не умолкал, но к нему присоединился плач Рады: «Мама! Мамочка!» В отчаянии она бросила весла и опустила руки в воду – что-то теплое и вязкое поглотило маленькие ладошки. Она вытащила руки и увидела, что это кровь...

– Мама! – плакала Рада возле кровати Лины. Было уже одиннадцать вечера, но девочка еще не спала. Настя с маленьким Мишей на руках забежала в спальню гостей и увидела, что под спящей женщиной растекается кровавое пятно.

– Лина! – закричала Настя и попыталась разбудить родственницу, однако та не просыпалась.

Положив сына на пол рядом с плачущей Радой, она бросилась в коридор и набрала номер «Скорой помощи». Через пять минут врачи увозили Лину в больницу, а Настя осталась дома с детьми.

Через час вернулись генерал и Влад – они встретились на улице и неторопливо шли к дому, вспоминая далекое прошлое. Обоим было легко и спокойно.

Влад прошел в спальню и не увидел ни жены, ни дочери, только огромное кровавое пятно на покрывале.

– Где Лина? Где Рада? – Он ворвался в спальню к отцу и его жене и увидел, как генерал держит спящую внучку на руках.

Настя тут же выбежала к «пасынку», чтобы тот не разбудил детей, только что уснувших, и тихо произнесла:

– Лину увезли в больницу, у нее кровотечение.

– Где она? – ужас охватывал мужчину. – В какой больнице?

– Я не знаю, – чуть не плакала Настя, – я же не смогла с ними поехать, мне детей не с кем было оставить.

Николай Александрович уже перенес девочку в ее детскую и подошел к сыну:

– Влад, успокойся, я сейчас все выясню. Мне надо сделать лишь несколько звонков.

– Я не могу ждать! – кричал обезумевший от горя супруг. – Я поеду ее искать!

– Сядь! – заорал генерал и схватил сына за рукав. – Как ты ее искать собираешься?! Выпей валерьянки и жди, когда я выясню, в какую больницу отвезли Лину.

– Папа! Ты не понимаешь!

– Это ты не понимаешь! Что за истерики?! – Николай Александрович был вне себя от гнева. – Когда ты уже научишься держать свои эмоции при себе и думать головой?!

Через сорок минут Влад вбегал в приемное отделение 11-й городской клинической больницы.

– К вам поступила Лина Никольская! Я ее муж! – Руки Влада тряслись, хотя дома он, по настоянию отца, все-таки выпил успокоительных капель.

– Пройдите в ординаторскую, с вами хочет поговорить хирург, – произнесла медсестра и заглянула в свои записи.

– Что-то случилось?

– Вам все объяснит доктор. – Девушка не собиралась вести беседу с посетителем.

– Присаживайтесь, нам надо поговорить. – Усталый хирург указал жестом на стул.

– Что с ней? Она жива? – Влад не мог вести светскую беседу, пока ему не ответят, что с его женой.

– Да, она жива, можете успокоиться, – доктор провел рукой по лбу. – Скажите, где ваша супруга делала аборт?

– Что она делала? – не понял молодой человек.

– Аборт, подпольный аборт, – объяснил мужчина.

До Влада наконец дошло, что именно сделала Лина – она убила их ребенка! Крик рвался из горла, но он сдерживал себя – здесь не место для истерик, надо сначала выяснить состояние любимой.

– Ее чуть не убили, – продолжал доктор. – Нам пришлось удалить ей матку, иначе бы мы ее потеряли. К сожалению, она больше не сможет иметь детей. И по поводу того врача, к которому она обращалась. Мы обязаны сообщить в милицию, чтобы прекратить

деятельность этих подпольных организаций. Как только ваша жена придет в себя, ей придется ответить на вопросы следователей.

– Доктор, я не хотел бы, чтобы Лина проходила через этот кошмар еще раз. – Влад, забыв о поступке любимой, тут же встал на ее защиту. – Я хотел бы, чтобы она поскорее забыла о случившемся, поэтому давайте найдем способ не сообщать в органы о том, что произошло.

– Думаю, я смогу вам в этом помочь. – Нет, хирургу не нужны были деньги, которые готов был предложить этот несчастный муж, ему просто было жалко мужчину, который чуть не потерял жену и у которого больше никогда не будет детей от любимой женщины.

– Спасибо вам, – Влад протянул ему руку и пожал крепкую ладонь. – А я могу увидеть Лину?

– Нет, она в реанимации, слишком много крови потеряла. Приходите завтра утром – возможно, она уже придет в себя.

Лина пришла в себя только через пять дней. Врачи разводили руками, так как не видели причины для столь долгого бессознательного состояния, но больная просто не хотела жить. Наконец она раскрыла глаза – перед ней стоял Влад. Гамма чувств охватила ее, и она не выдержала и отвернулась – смотреть в глаза мужу было выше ее сил.

Влад приходил к жене каждый день. Лина уже знала, что детей у нее больше не будет, и не могла смириться с этой потерей. Да, она не хотела ребенка от Влада, но Петенька... Она так хотела подарить Пете дочку...

– Ангелочек, покушай, – умолял муж. Девушка сильно похудела, а ее кожа стала желтой.

– Я не хочу. – Лина даже не повернулась к мужчине, которого когда-то любила.

– Что мне сделать, милая?

– Влад, – девушка села и посмотрела в глаза супругу, – давай разведемся. Я бесплодна, я убила твоего ребенка. Зачем я тебе такая?

– Ангелочек мой, ты что такое говоришь? У нас есть Рада, наша доченька! А про аборт... Я сам во всем виноват – я постоянно пропадал на работе, совсем не уделял тебе время. Прости меня, любимая, прости, если сможешь...

– Давай уедем отсюда! – Лина затравленно посмотрела на мужа.

– Из Москвы?

– Нет, из СССР. Давай уедем в Израиль.

– Ты что? Пока мой отец занимает должность, нам никогда не выехать за границу! – Влад недоуменно смотрел на жену. – И почему именно Израиль?

– Я не могу здесь жить, – плакала девушка, и слезы катились по впалым щекам. – Здесь все серое, безжизненное. Я тут гибну!

– Лина, я не знаю, что тебе сказать на это, – мужчина устало опустил руки. – Я люблю тебя, но выезд за границу – это так сложно.

Девушка снова отвернулась к стене и замолчала.

Через три недели больную выписали домой. Влад срочно вызвал мадам Лотту в Москву, так как обессиленная Лина и взявшая на себя заботу о двух детях Настя нуждались в помощи, а от генерала и него самого толку было мало.

Влад привез жену рано утром, так как не мог дожидаться, когда его ангелочек снова будет рядом с ним и дочерью. Безразличная женщина вошла в квартиру и растерянно остановилась – маленькая дочка исподлобья смотрела на нее и пряталась за юбку Насти.

– Линочка, не расстраивайся, она просто отвыкла от тебя за месяц, – жена генерала, как могла, успокаивала родственницу. – Мы же не возили девочку к тебе, нечего ребенку делать в больнице.

Лина безучастно кивнула и посмотрела на Влада – она не знала, что делать дальше. Ей очень хотелось поскорей лечь в кровать, отвернуться к стене и спрятаться от мира, в котором нет ее Пети, нет счастья и любви. Тут из комнаты появилась мадам Лотта.

– Деточка моя, какая ты худая стала! – запричитала старуха. – На несколько месяцев тебя оставила, и ты себя до такого довела!

– Мадам Лотта. – Лина всплеснула руками, и слабая улыбка осветила ее лицо. Мадам Лотта была той ниточкой, которая соединяла ее с городом, где она узнала счастье. – Я так рада вас видеть!

– Не могу сказать того же, милая моя. – Лотта обнимала женщину. – На тебя смотреть страшно! Буду тебя откармливать, дорогая моя.

Мадам Лотта хотела сказать что-то еще, но потом осеклась – она посмотрела на Влада, который старался окружить заботой свою жену и следовал за ней по пятам. «Ладно, – подумала женщина, – потом скажу, время еще будет». Время наступило только через пару недель: все это время Лина не выходила из спальни и отказывалась общаться со всеми, включая доченьку. Ни Влад, ни Настя, ни Николай Александрович не знали, что делать и как помочь бедной девушке. Никольский-младший иногда вспоминал о просьбе-мольбе жены об Израиле, но начать этот разговор с отцом не мог, да и сам, в общем-то, был не готов покидать родную страну. «Может, она забудет об этом странном желании? – думал он, глядя на спящую Лину. – Ну а если ей будет хуже, тогда на самом деле придется ее увозить отсюда – ее жизнь дороже всего остального». Мадам Лотта иногда заходила в спальню молодых и звала девушку, желая рассказать ей то, о чем молчит уже несколько дней, но хозяйка комнаты не откликалась и головы не поворачивала.

В то утро Лина впервые вышла на кухню, придерживая ручками-прутиками тонкий халатик. Настя мыла посуду, а мадам Лотта занималась с двумя детьми.

– Доброе утро, – слабым голосом произнесла Лина.

– Линочка, девочка моя, ты встала? – Мадам Лотта поняла, что сейчас самое удачное время, чтобы поговорить с девушкой.

– Я бы попила, – откашлялась больная. – Губы пересохли.

– Я тебе сейчас налью водички, – засуетилась Настя.

– Настенька, я налью. – Мадам Лотта никак не могла позволить генеральской жене помешать ей в этот, возможно, единственный удачный момент. – Ты лучше сходи умой Мишеньку, он весь перепачкался.

Настя зло посмотрела на старуху, но послушаться не посмела – подхватив сына на руки, она вышла из кухни. Мадам Лотта налила воды Лине, взяла за ручку Раду и сказала:

– Рыбонька, ты попей пока водички, а я сейчас вернусь, у меня кое-что для тебя есть.

Через минуту пожилая женщина с ребенком вернулась, неся в руке белый конверт.

– Это принес врач из районной поликлиники и просил передать тебе. – Лотта протянула письмо. – Я сначала хотела Владу отдать, чтобы он тебе передал, но потом вспомнила: мужчина сказал передать тебе его тайно. Читай!

Лина дрожащими пальцами разорвала бумажный пакет и достала тоненький листочек, исписанный незнакомым почерком.

«Любимая моя принцесса, – голос Пети звучал в ее голове, – как ты там без меня? Прости за то, что так долго не давал знать о себе. Я помню, что обещал встретить Новый год вместе, но не сдержал слова. У меня были на то причины, но я не хочу себя оправдывать – твои слезы не должны были пролиться из-за меня. Здесь, в Израиле, все граждане должны служить, естественно, это коснулось и меня – я поступил на службу в израильскую армию и почти сразу попал на войну. Через месяц я уже был в больнице – осколочное ранение в живот. Ничего, все обошлось, но проваляться там пришлось очень и очень долго. Не было и дня, чтобы я не вспоминал тебя, любовь моя. Я очень скучаю и жду тебя на Святой Земле. С Ларисой мы развелись, как только это стало возможным, она живет своей жизнью, но позволяет мне видеться с сыном. Как только моя служба закончится, я начну искать нам с тобой дом. Напиши мне адрес, на который присылать тебе вызов. Умоляю, не разводись с Владом, пока вы не приедете сюда – могут возникнуть сложности. Жду от тебя письма. Люблю. Целую. Верю, что скоро увидимся. Навсегда твой Петя».

Слезы облегчения покатались по щекам Лины – с ними выходили страх, боль, отчаяние, стыд. Она чувствовала, как камень падает с ее души, как внутреннее ощущение легкости и свободы снова наполняет ее сердце. Маленькая Рада протянула к маме ручки, и женщина засмеялась – она схватила свою крошку и прижала к себе, покачнувшись от слабости.

– Лина, сядь сейчас же! – скомандовала мадам Лотта. – Ты ее не удержишь!

– Удержу, – хохотала в голос счастливая мать. – Я теперь всех удержу и все выдержу. Спасибо вам, мадам Лотта!

Настя заглянула на кухню и уставилась на хохочущую родственницу – та прижимала к груди дочь и какой-то листок бумаги, на полу валялся рваный конверт. «Ничего не понимаю, – пробормотала хозяйка квартиры. – Как в сумасшедшем доме живу».

С этого момента Лина пошла на поправку. Она хорошо ела, много времени проводила с дочерью и мадам Лоттой, часто общалась с Настей и старалась помочь ей по хозяйству.

– Ты такая счастливая, – как-то вечером, когда обе матери уложили детей спать и сидели на кухне за чашкой чая, сказала Настя.

– Счастливая? – Лина удивилась. «Откуда она знает про Петю?» – мелькнула тревожная мысль.

– Да, – продолжила девушка. – У тебя такой молодой и красивый муж. И он так любит тебя, так заботится.

– У тебя тоже очень хороший муж, – возразила Лина. – Да, он старше, но он надежный и тоже любит тебя.

– Он уже старый. – Настя скривила лицо.

– Зачем же ты замуж за него выходила? Он же уже тогда был не молод. Ты должна была понимать, что рано или поздно он станет стариком, когда ты еще будешь в самом расцвете лет.

– Он мне нравился, Лина, – девушке хотелось открыть душу. – Он богатый, с квартирой, галантный, непьющий.

– Да разве из-за этого замуж выходят? – Лина помнила свою свадьбу и эмоции, которые она испытывала к Владу. Это была любовь. «Да, наверное, мои чувства были детскими, – размышляла она. – Наверное, они были неумелыми, первыми, робкими, но они были, эти чувства. Я любила Влада и была с ним счастлива. Просто на тот момент я еще не знала, что бывает совсем другая любовь. Тогда я думала, что любовь – это когда тебе хорошо с человеком, а теперь понимаю, что любовь – это когда невыносимо плохо без него».

– А из-за чего? – Настя была удивлена поворотом беседы. – Чтобы муж был, дети...

– Ну и чего тебе тогда не хватает? – никак не могла понять Лина.

– Мне не хватает бурных ночей, – щеки женщины налились румянцем. – Слаб стал генерал.

От такого откровенного признания девушка опешила и не знала, что ответить. Она отвела глаза от собеседницы и посмотрела на дверь – осунувшееся, постаревшее лицо генерала мелькнуло и исчезло. «Неужели он услышал? – в тревоге подумала Лина. – Какой стыд! Как вообще можно говорить об этом? Бедный Николай Александрович, он не заслужил такого отношения к себе...»

Насте она не рассказала, что генерал Никольский, возможно, слышал слова своей жены – решила не мутить воду. Если слышал, то девушка сама все узнает, если не слышал, то и не надо тогда голову ей забивать. Жизнь потекла по-прежнему.

Глава 22

Лина переписывалась с Петей, пока тот служил в армии, а Влад не давал согласия на выезд. Эти редкие весточки давали ей возможность жить, растить дочь, учиться в институте, но желание увидеться росло с каждым днем все больше и больше. В последнем письме любимый написал, что в следующем месяце он возвращается к гражданской жизни и начинает искать для них дом. Вместе с письмом пришел вызов. Именно это подтолкнуло Лину к очередному разговору с мужем.

– Влад, или мы с тобой уезжаем в Израиль, или я забираю дочь и еду одна! – Она блефовала, но оставаться здесь, когда в другой стране любимый человек готовит для нее дом и новую жизнь, она не могла.

– Ты в своем уме?! Тебе так нужен Израиль, что ты готова бросить меня, лишь бы жить там?

– Я хочу туда уехать! Я тебя прошу об этом уже не первый год, а ты в ответ лишь отмалчиваешься! Если не хочешь ехать, отпусти меня с ребенком!

– Рада останется со мной! – Влад начал кричать. – Оставь дочь и вали отсюда, раз тебе так сильно это надо!

– Владик, ты еще женишься, у тебя будут еще дети, а у меня – нет... – Лина расплакалась. Если бы не Рада, она бы прямо сейчас занялась отъездом. Правда, дали бы ей разрешение на въезд – это вопрос.

– Лина, ты сама совершила ошибку, которая привела к таким последствиям, – сурово отрезал муж.

Женщина расплакалась – этот удар пришелся точно в цель. Жгучая боль пронзила ее сердце, и она упала на колени и разрыдалась. Она сама погубила свое будущее и лишила себя возможности еще раз испытать счастье материнства. Влад смотрел на рыдающую жену, и его сердце сжималось от боли. «Как я люблю ее, – думал он. – Я не могу жить без нее, я просто умру! Как я мог вообще такое сказать? И на самом деле, если ей так надо уехать в Израиль, значит, надо ее туда вывозить! Я же обещал ее матери, что сделаю ее дочь счастливой».

– Милая, – мужчина поднял с пола рыдающую жену. – Прости меня. Я сегодня же поговорю с отцом насчет нашего выезда. Все будет хорошо: если ты хочешь уехать, значит, мы уедем.

Лина улыбнулась, вытерла слезки и по-детски трогательно спросила:

– Правда?

У Влада перехватило дыхание от ее беззащитности и нежности. «Ну конечно, правда. Все будет хорошо».

Вечером отец с сыном сидели на кухне и обсуждали новости. Женщины разошлись по своим комнатам, и молодой человек понял, что сейчас самый удобный момент для того, чтобы начать этот непростой разговор.

– Папа, мы с Линой хотим эмигрировать из СССР. – Он замер в ожидании ответа. Было слышно, как тикают часы на столе.

– Ты с ума сошел? – через мгновение заорал генерал. – Как ты себе это представляешь?

– Очень просто, – Влад намеренно говорил спокойно, однако чувствовал, что скоро не выдержит и сорвется. – Нам дают разрешение на въезд, потому что моя жена – еврейка, и мы переезжаем жить в Израиль.

– Ты обо мне подумал? – Генерал не мог даже представить, как поступок сына может отразиться на его карьере. – Ты подумал, что будет со мной?

– Это моя жизнь! – заорал все-таки молодой человек. – Почему я должен постоянно подстраиваться под тебя, твои желания и твою чертову военную карьеру?!

– Потому что ты мой сын! И ты обязан делать то, что я считаю нужным!

– Я тебе вообще ничем не обязан, кроме потерянной руки!

– Я тебя из дома не выгонял, не надо меня попрекать своим протезом!

– Конечно, тебе было бы лучше, если бы меня просто убили на каких-нибудь учениях! Ты же слышать не хотел о том, чтобы я занялся чем-то другим, кроме армии и войны.

– Потому что ты мой наследник!

– Да мне плевать, чей я наследник! Все, что у меня есть, я заработал самостоятельно! А по твоей вине я лишь теряю что-то!

– И что же ты теряешь? Совесть?

– Нет, однажды я потерял руку, сейчас я могу потерять семью!

– Значит, такая семья, раз можешь потерять ее из-за места жительства!

– А твоя семья лучше, что ли? Нашел себе девку деревенскую, которой только московская прописка была нужна да деньги и комфорт, которые ты ей давал!

– Не смей оскорблять мою жену!

– Тебя это тоже касается!

Влад выскочил из кухни и хлопнул дверью. В спальне сидела Лина и расчесывала свои длинные черные волосы.

– Милая, мы обязательно что-нибудь придумаем, – поцеловал ее в шею муж. – Мы обязательно найдем выход, чтобы уехать отсюда.

– Спасибо, Владик. – Девушка благодарно поцеловала мужчину в щеку и улыбнулась своему отражению. На горизонте забрезжил долгожданный отъезд.

Лине не спалось – сердце колотилось от брезжащей надежды на скорую встречу с Петей, а дыхание сбивалось. Она поднялась с постели и подошла к окну – луна освещала пустынные улицы Москвы и отражалась в воде пруда. Женщина быстро оделась и вышла на улицу – ей хотелось вдохнуть воздух столицы и попрощаться с городом, словно она чувствовала, что совсем скоро покинет это место навсегда. Хлопнула входная дверь, и Лина оказалась на свободе. Она присела на лавочку и задумалась.

Настя услышала, как жена Влада прошла по коридору, надела туфельки и покинула квартиру. Улыбнувшись самой себе, она вылезла из-под одеяла и прошла в спальню, где оставался один мужчина. Она осторожно легла рядом и начала целовать молодое тело «пасынка», шепча, словно в бреду: «Я так хочу тебя! Возьми меня скорее! Я вся горю от желания!» Мужчина улыбнулся и подался к женщине, представляя, как сейчас займется с Линой любовью, чего давно уже не было, однако, коснувшись губами кожи любовницы, он открыл глаза – перед ним лежала жена отца.

– Уходи сейчас же! – зашипел он и начал отрывать от себя девушку. – Как ты посмела, тварь?! Пошла вон!

В спальне началась возня, которую услышал так и не заснувший после ссоры с сыном генерал. Он поднялся, потирая поясницу ладонью, и твердым шагом прошел к Владу. Перед ним на кровати лежала Настя, которую мужчина всячески пытался прогнать. Схватившись за сердце, он быстро вышел.

«Мой сын был прав, – думал он, отсчитывая сердечные капли. – Я гублю жизнь своему мальчику с самого начала. Если бы я с пониманием относился к нему, сейчас не было бы такой жуткой ситуации. И Лины бы не было, и Израиля бы не было. Я так дорожил своей карьерой, что потерял сына и сейчас теряю жену. Хотя такую и потерять не жалко... Нет, я должен сделать все, что от меня зависит, чтобы мой ребенок был счастлив. Если ему так надо уехать, пусть едет куда угодно. Завтра я подпишу разрешение на выезд сына, и на этом моя жизнь закончится. Я завершу этот круг... А Настя... Настя – ушлая бабенка, она сама выкарабкается. С ней под одной крышей я больше не останусь».

Лина вернулась домой и увидела, что генерал, сгорбившись, сидит в темноте на кухне.

Она молча подошла к нему и положила руку на плечо – она чувствовала его боль как свою, хотя не знала, что случилось в ее отсутствие. Николай Александрович благодарно погладил нежную женскую руку, но головы не повернул. Лина поняла, что мешает свекру, поэтому осторожно прошла в спальню и легла к Владу. Он не спал. Мужчина обнял жену и крепко-крепко прижал ее к себе.

Утром все собрались на кухне.

– А папа где? – удивился Влад. Он хоть и сердился на отца, но ночная сцена не давала ему покоя.

– Его дома нет, – Настя отвела взгляд. Муж так и не пришел в их общую спальню. – Но я не слышала, как он уходил.

– Я тоже не слышала, хотя встала в шесть утра, – сказала мадам Лотта, накрывая на стол.

– Странно, обычно мы с отцом в одно время выходим, – мужчина растерянно посмотрел на присутствующих.

Тут раздался телефонный звонок. Настя неторопливо прошла к аппарату и подняла трубку.

– Это квартира генерала Никольского? – раздался глухой голос.

– Да, – гордо ответила женщина.

– А с кем я говорю?

– Это его жена, Анастасия Павловна. – Настя, говоря это, даже поправила прическу. Уж очень ей нравилось, как это звучит.

– Примите мои соболезнования. Ваш муж застрелился сегодня утром в своем кабинете.

Настя хватала воздух, как рыба, и не могла ничего произнести.

– Нам надо поговорить с вами и с его сыном – для вас оставлены документы, – продолжил невидимый собеседник.

В этот момент Настя все поняла и заорала:

– Нет!

Влад и Лина выскочили в коридор – жена отца сидела на корточках и шаталась из стороны в сторону. Мужчина понял, что произошло что-то кошмарное – он схватил трубку, но там раздавались лишь короткие гудки.

Следующие дни были похожи на ад. Влад винил себя, Лину и Настю в том, что случилось. Он любил отца и никак не думал, что просьба жены уехать в Израиль закончится так трагично. Бесконечные допросы, документы, имущество, звонки, телеграммы, похороны – все это выматывало. Влад перестал спать и есть. Лина поддерживала мужа как могла, понимая, что она тоже причастна со своей любовью к случившемуся. Ей искренне нравился этот суровый мужчина, несгибаемый, как скала, и она совсем не хотела такого исхода. Однако совершилось то, что уже совершилось.

– Отец подписал разрешение на выезд, – после поминок сказал Влад жене, устало опускаясь в кресло.

– У меня есть вызов из Израиля. – Лина достала из шкатулки с драгоценностями заветный листок бумаги. – Теперь для нас эта дверь открыта.

– Хорошо. Чем скорее мы уедем, тем лучше. – Влад потер лоб рукой.

– Да, милый, теперь пути назад нет. – Лина вытерла слезу, скатившуюся по щеке. – Смерть твоего отца не должна быть напрасной.

– Думаешь, в этом была причина? – Мужчина устало посмотрел на свою красавицу-жену.

– Прости меня, Владик, я не думала, что мое желание уехать на историческую родину приведет к такому...

– В ту ночь он видел, как Настя пыталась соблазнить меня, – выдавил из себя он и разрыдался.

Лина бросилась к мужу, обняла его и стала укачивать, как маленького ребенка...

Глава 23

Через месяц Никольские, оставив все генеральское имущество вдове, вдохнули обжигающий воздух израильской пустыни. С собой они взяли мадам Лотту и даже старенькую Бони, которую таскали за собой все эти годы. Проблемы возникали на каждом шагу, но Влад умело пользовался как именем умершего отца, который все-таки занимал одно из значительных мест в органах СССР, так и своими подпольными связями, таким образом семья успешно смогла оказаться на Земле Обетованной.

Как и всех репатриированных, Никольских поселили в ульпане в городе Ашдод, на берегу Средиземного моря. Там вновь прибывшие могли бесплатно учить иврит и развивать навыки повседневного общения. Началась новая жизнь.

Лина и Влад со своими способностями к изучению языков довольно быстро и успешно овладевали ивритом, общались с другими иммигрантами и налаживали контакты с местным населением. Через месяц Влад смог устроиться в школу, где начал преподавать английский язык. Он был очень рад вернуться к своей основной профессии и теперь был благодарен жене за то, что она так настойчиво просила его покинуть СССР. Лина пока не искала работу – она понимала, что, скорее всего, она покинет Ашдод, ведь ее любимый, по его словам, уже нашел им дом в Ашкелоне, и она рано или поздно уедет туда. Временами ей казалось, что любовь к Пете – это иллюзия, которая давала ей силы жить, идти вперед, стремиться дальше. Ей было страшно, что когда они увидятся, она поймет, что между ними уже нет ничего, что хоть отдаленно напоминало то безумие, которое охватило их в уже далеком городе Черновцы. «Может, я на самом деле люблю именно Влада, за которого вышла замуж, с которым прожила так много лет и от которого родила свою прекрасную доченьку? Мы так много пережили вместе, он всегда так заботился обо мне и старался сделать все, чтобы я была счастлива. Я смотрю на него и понимаю, что он родной и близкий мне человек. Да, я не испытывала к нему и сотой доли тех чувств, которые были когда-то к Пете, но, может быть, то была не любовь, а страсть? Может быть, любовь – это спокойствие и знание того, что этот человек всегда будет рядом? С другой стороны, когда уезжал Петя, я думала, что я умираю. И я умирала, убивала неродившегося ребенка, скатывалась в бездну тоски, а как только пришло первое письмо от любимого, я снова почувствовала желание жить. Может, именно это любовь? Может, любовь – это то, что дает нам силы продолжать жить

и верить в возможную встречу?» Так размышляла Лина, откладывая день за днем встречу с бывшим любовником. Она так до сих пор и не сообщила ему, что уже месяц живет здесь, в стране, куда так рвалось ее сердце.

Маленькая Радочка радовалась солнышку, морю и обжигающему воздуху, который высушивал все на своем пути. Девочке было хорошо. Хорошо было и Лине с Владом – климат шел им на пользу. И мужчина, и женщина расцветали необычайной красотой, которая становилась заметна всем окружающим. Лишь старенькая Бони и мадам Лотта тяжело переносили жестокий зной пустыни и старались не выходить на палящее солнце.

Наконец, когда Влад ушел в школу, Лина дошла до местного отделения связи и отправила сообщение Пете. «Я в Ашдоде. Целую. Лина», а через день она получила ответ: «Жду тебя на автобусной станции в Ашкелоне завтра в два часа дня. Люблю. Целую. Твой Петр».

С утра женщина рассматривала гардероб и размышляла, что ей надеть. Вытащив все легкие платья, которые ей когда-то шил муж, она разложила их на кровати и задумалась. Эта встреча была для нее рубежом, после которого либо ее жизнь кардинально изменится, либо останется все, как есть, только прошлое, в котором есть место Петру, уйдет навсегда. Мокрыми от волнения ладонями она вытащила нежно-розовый наряд с белым воротничком и надела на себя – платье обтянуло ее совершенную до сих пор фигуру и сделало ее похожей на принцессу из книжек, которые она читала перед сном дочери. Вытащив белые туфельки на каблуках, Лина остановилась: «Нет, каблук не подойдет. Я не знаю, как мы встретимся и что меня ждет через несколько часов, поэтому нужна удобная обувь. Значит, будут мокасины. Конечно, это не так красиво, но мне не до кафе «Улыбка» идти, а ехать в соседний город».

Солнце палило нещадно, тощие деревца у станции не давали тени. За несколько минут ожидания Лина стала вся мокрая – платье прилипло к ногам, под мышками выступили темные пятна. «Где же он?» – с волнением успела подумать женщина, как вдруг раздался визг тормозов, и белая машина остановилась прямо возле нее. Открылась дверь, и из салона выскочил Петр. Не обращая внимания на прохожих, он опустился перед любимой на колени, обнял ее ноги и начал целовать подол ее розового платья. Лина в оцепенении гладила густые волосы мужчины, и слезы текли из ее глаз. «Нет, – ответ на мучивший ее вопрос пришел сам собой, – именно это и есть любовь. Любовь – это когда ты понимаешь, что живешь только тогда, когда рядом с тобой находится твой родной человек».

Петр поднялся с колен и приник губами к губам женщины – пара слилась в долгом поцелуе. В нем было все: тоска от разлуки, радость от встречи, надежда на долгую счастливую совместную жизнь.

– Эти русские – такие развратные! – услышали они слова толстого марокканца в шортах.

– Нет, так выглядит настоящая любовь, – ответил ему какой-то мужской голос, но Лина и Петр даже не обернулись – они были счастливы, а все остальное их не волновало.

Наконец Петр оторвался от любимой и прошептал: «Пойдем в машину, а то здесь очень жарко». Лина, как и в далеком прошлом, послушно кивнула головой и последовала за мужчиной. Блаженная прохлада разлилась по разгоряченным телам, и мужчина и женщина снова кинулись друг к другу, стараясь наверстать упущенное время.

Через час Петр тронулся с места и повез любимую домой.

– Сейчас я тебе покажу, где мы будем с тобой жить, – говорил мужчина, не отрывая взгляда от дороги. Здесь были строгие законы, поэтому все водители ездили очень внимательно. – Я недавно купил эту квартиру, она тебе должна понравиться. Я думал о тебе, когда выбирал ее. Но если честно, я хотел бы купить нам с тобой дом. Но тебя

не было, и я не знал, когда ты будешь, поэтому решил остановиться на квартире – в доме мне было бы слишком одиноко без тебя.

Лина вошла в квартиру, и ее поразило огромное количество белого цвета вокруг. «Да, белый цвет всегда будет преследовать меня», – с нервным смешком подумала женщина и пошла осматривать холостяцкое жилище любимого. Квартира располагалась на третьем этаже и имела выход на крышу, где стоял гамак и огромные пальмы в горшках. Все было чисто, красиво, но слишком стерильно, словно здесь никто не жил.

– Как в ней одиноко, – вдруг промолвила Лина и прижалась к Петру.

– Это потому, что здесь каждый сантиметр ждал тебя. – Мужчина начал целовать свою принцессу, одновременно расстегивая многочисленные пуговицы на платье. Страсть охватила его, и он больше не мог себя контролировать – он взял женщину на руки и осторожно положил на кровать. Губы начали исследовать каждый кусок ее загорелой влажной кожи, он словно знакомился с ней заново, переживая невиданную ранее гамму чувств. Вдруг он резко замер – на совершенном теле его принцессы красовался огромный уродливый шрам.

– Любовь моя, что это? – ему показалось, что он чувствует ее боль как свою, тем более что примерно на этом же месте у него тоже красуется огромный шрам от ранения.

– Я тебе потом все расскажу, – хрипло ответила Лина и приникла губами к любимому. Им столько всего надо было еще рассказать друг другу, но тела изголодались по ласке и любви, поэтому время для разговоров еще не наступило.

Наступил вечер. Лина и Петр устало лежали в кровати.

– Ты останешься? – задал самый важный для себя вопрос мужчина.

– Сегодня – нет. – Лина твердо знала, что она должна объясниться с мужем и забрать дочь, только после этого можно начинать новую жизнь.

– А когда? Но ты вернешься?

– Милый, я обязательно вернусь, потому что только с тобой я живу. – Женщина ласково погладила смуглое любимое лицо. – Просто я должна закончить тот этап своей жизни.

– Я буду ждать тебя, как обычно, – улыбнулся Петр.

– В кафе «Улыбка»? – пошутила Лина и приникла к его губам. Рука Петра скользнула по животу, и он снова нащупал шрам.

– Милая, скажи мне, что это?

– Я чуть не умерла от кровотечения. – Было видно, что его принцессе очень тяжело даются эти слова. – Мне вырезали матку. Теперь я не могу иметь детей. Что ты на это скажешь?

– Я скажу, – сразу понял Петр боль своей избранницы, – что безумно люблю тебя, ты – единственное, что для меня имеет значение в этой жизни. У меня есть сын, у тебя есть дочь – на наш век хватит. Главное, чтобы мы были вместе.

– Спасибо, – прошептала Лина и уткнулась в шею Пети.

– Может, мы вместе съездим за Радой? – Петр не хотел даже на секунду оставлять ту, которую только что обрел.

– Нет, милый, прости, но я должна сделать это сама. – Женщина была непреклонна. – Я

закончу все дела и позвоню тебе.

– Но подвезти тебя до дома можно?

– За это – спасибо, – принцесса улыбнулась. – Мне хочется хотя бы лишний час побыть с тобой.

– Тогда собираемся и едем.

– Есть, мой генерал, – засмеялась Лина и вспомнила Николая Александровича, благодаря которому они все-таки оказались здесь, в стране, где можно найти свое счастье.

Через час Петр подъехал туда, куда указывала ему Лина.

– Я выйду здесь, а ты уезжай, – прошептала она, отстегивая ремень безопасности.

– Ты не передумашь? – Пете было очень тревожно.

– Нет, я приехала сюда только ради тебя. – Женщина смотрела огромными черными глазами на мужчину и понимала, что она и на свет, наверное, родилась только ради него.

– Нет, ты приехала ради нас.

– Все, уезжай, Петя, – Лина быстро вышла из машины и пошла к ульпану.

Петр медленно отъезжал от того места, где высадил свою любовь. От волнения руки стали влажными, и руль выскальзывал. Через несколько метров он остановил все-таки машину и обхватил голову руками. «Девочка моя, только бы у тебя хватило мужества сделать этот последний шаг! – молил он свою любимую. – Я, наверное, не должен был отпускать тебя, но это твое решение, и я не могу пойти тебе наперекор».

Лина зашла в их комнату и посмотрела на Влада – тот укладывал дочь спать. Сердце сжалось от боли и сожаления – все-таки этот человек был ей дорог, но сердцу не прикажешь – она любит другого.

– Влад, нам надо поговорить, – тихо произнесла она.

– Только не говори, что теперь ты решила вернуться обратно, – мужчина усмехнулся. – Мне здесь нравится, да и там нас точно не ждут.

– Нет, я хочу поговорить о другом. – Женщина чувствовала, что сейчас расплачется. – Но не при ребенке.

– Хорошо, пойдем на кухню, заодно поужинаем.

Мадам Лотта прошла к маленькой Раде, оставив супругов наедине – по лицу Лины было видно, что сейчас у них очень тяжелый момент. Влад положил овощи и мясо на тарелки и стал наливать холодную воду в стаканы, чтобы запивать пищу.

– Я от тебя уйду, – выдавила женщина. – Я люблю другого.

Стакан выскользнул из руки мужчины и разбился вдребезги – осколки смешались с водой и напоминали мужчине его жизнь, разбитую на мелкие кусочки и смешанную с горячими

солеными слезами. Он опустил руки и молчал, потому что слов не было – была только невыносимая тоска и нежелание жить дальше. Вдруг раздался грохот, и пока еще муж с женой бросились в комнату – на полу лежала мадам Лотта с открытыми глазами и ртом. Влад опустился на колени и стал расстегивать воротничок блузки, а Лина стала искать пульс.

– Влад, она мертва, бесполезно, – остановила она мужчину, и слезы покатались по щекам.

– Что делать?

– Я сейчас спрошу у соседей, посмотри пока за Радой. – Лина понимала, что сегодня для ее мужа слишком много потрясений, поэтому постаралась хоть чем-нибудь помочь ему.

Пока женщина расспрашивала у знакомых, как быть в такой ситуации, звонила в больницу и старалась решить максимальное количество вопросов, связанных с внезапной смертью старушки, Влад сидел возле постели дочери, держал маленькую теплую ладошку и смотрел на распластанное тело мадам Лотты: «Как бы я хотел оказаться на ее месте! Просто взять и умереть! И больше не испытывать ни боли, ни разочарования, ни тоски! Просто не быть! Мне кажется, что я умираю...»

Влад не умер. Через несколько дней они стояли на кладбище и смотрели на свежую могилу. Они все еще были вместе, но уже жили параллельными жизнями – Влад не мог ни простить, ни отпустить свою жену, в нем будто что-то надломилось и замерло, а Лина думала о том, что она с того дня даже не дала о себе знать Пете, но дальше тянуть было невозможно.

По дороге к дому она зашла в отделение связи и сообщила Пете, что сейчас соберет вещи и в десять вечера будет ждать его возле ульпана, а потом направилась к Владу. Тот молча пил арак и рассматривал протез. Лина подошла поближе, положила руку на плечо и прошептала: «Прости меня». Влад обернулся и с удивлением посмотрел на женщину:

– Нет, не прощу. И ребенка тебе не отдам.

У Лины перехватило дыхание, она не ожидала, что муж упрется и не отдаст ей дочь.

– Влад, ты что? Рада должна жить со мной!

– Это по какому закону она должна жить с тобой? – Гнев поднимался откуда-то изнутри, и мужчина уже не контролировал себя. – Может, хочешь через суд решить этот вопрос? Не знаю только, на чью сторону встанут. То ли на сторону отца, который имеет образование, стабильную работу и любит свою семью, то ли на сторону матери, которая нигде не работает, так и не закончила институт и собирается уйти к любовнику. Как ты думаешь?

– Владик, но у тебя же могут быть другие дети, а у меня уже нет. – Лина плакала, понимая, что через суд она на самом деле никогда ничего не добьется.

– Ты все сделала сама – ты убила моего ребенка и лишила себя радости материнства. Если бы ты тогда сделала по-другому, то сейчас у нас было бы двое детей, которых мы могли бы поделить, и ты бы еще смогла рожать, сколько тебе вздумается. Так что сейчас не пытайся меня разжалобить!

– Но Рада... – женщина не успела закончить предложение.

– Я любил тебя, я все делал для того, чтобы ты была счастлива: носил на руках, кормил, одевал, простил тебе измену, довел отца до самоубийства, только бы ты

улыбнулась! А ты на это все мне сказала: «Я люблю другого!» Убирайся, видеть тебя не хочу. Дочь останется со мной!

Лина покорно кивнула головой – она знала, что каждое слово пока еще мужа – правда. Она на самом деле виновата перед ним и не имеет права просить, угрожать или давить. Покидав кое-какие вещи, она поволокла тяжелый чемодан к выходу – Влад даже не шелохнулся, чтобы ей помочь. Он молча смотрел в пустой стакан. Вдруг раздался голос Лины:

– Влад! Бони!

Мужчина кинулся в коридор и увидел тельце своей любимицы – собачка была мертва. Сев на колени, он прижал к себе трупик Бони, сказал тихо: «Уходи» – и разрыдался... Лина поняла, что дальше разрывать сердце когда-то родному ей человеку она не может. Она тихо прикрыла за собой дверь и вышла на улицу. Петр уже ждал ее.

Он подбежал и взял чемодан из рук любимой. Тысячи вопросов готовы были сорваться с его уст, однако потерянный вид Лины остановил его. «Потом, я все узнаю потом, – думал он. – Сейчас главное – увезти ее отсюда».

Глава 24

Сегодня у Рады бат-мицва. Согласно законам иудаизма, когда еврейская девочка достигает двенадцати лет, она считается совершеннолетней в религиозном отношении и ответственной за свои поступки, то есть становится бат-мицва, что в переводе означает «дочь заповедей».

Все эти годы Рада жила с отцом, который ей ни в чем не отказывал, но в глубине души очень страдала из-за отсутствия матери. Обиженный на жену Влад не смог простить Лину и дать возможность матери нормально общаться с ребенком – в те редкие дни, которые определили Лине судом как дни посещений, он старался сделать так, чтобы Рада была занята чем-то еще, и нечастые встречи двух близких людей становились очень короткими. Боль не отпускала мужчину, и он часто присаживался к детской кроватке и жаловался на судьбу, ругал бывшую жену и иногда просто рыдал, уткнувшись в нежно-розовое одеялко дочери. Молодой отец думал, что девочка крепко спит, поэтому позволял себе такие исповеди, но Рада, отвернувшись к стенке, грустно смотрела на белую поверхность и думала о бедном папе. Она жалела его, страдала вместе с ним и ругала себя за то, что никак не может помочь этому взрослому горю. В тот год, когда ушла мама, а у папы разбилось сердце, в душе Рады что-то сломалось, что-то навсегда изменилось в маленькой девочке, которая в один момент потеряла любимую бабушку, собачку, которая была в ее жизни с самого рождения, ласковую маму и веселого любящего папу.

– Рада, хватит есть сладости, – в редкие встречи с дочерью выговаривала Лина. Она была в ужасе, что ее маленькая дочь так располнела. – Ты же девочка, ты должна следить за собой. Так нельзя, Радочка...

А Рада смотрела на красивую маму и злилась на нее: «Если бы ты не была так красива, то на тебя не обратил бы внимание твой новый муж, и тогда мы остались бы семьей. Красота причиняет зло окружающим людям! Я не хочу делать другим так больно, как сделала ты, мамочка!» В ответ на слова Лины девочка брала горсть печенья и запихивала себе в рот, желая наказать женщину за свою боль и боль отца.

Владу действительно было больно, так больно, что он перестал отдавать себе отчет в том, что происходит. Он разрешал дочери все, для нее не существовало слова «нет»,

он ее не воспитывал, не учил, не направлял... Он просто пустил жизнь маленькой потерянной девочки на самотек, считая, что именно вседозволенность сможет заменить ребенку счастливую семью. Влад словно не видел, что к двенадцати годам его малышка превратилась в толстого подростка, лицо которого покрыто прыщами; он не замечал, что у девочки нет подруг и друзей, что она все время проводит с ним, не выпуская его из поля зрения даже на минуту; он не понимал, что ребенку нужна помощь психолога. Нет, Влад настолько сосредоточился на своей боли, что не замечал, как страдает его дочь.

А девочка иногда вскакивала ночью с кровати и шла к спальне отца, чтобы послушать, спит он или нет, все ли с ним в порядке... Она так боялась потерять его, как потеряла бабушку Лотту, Бони и маму, что страх за Влада был ее естественным состоянием на протяжении двадцати четырех часов. Она всегда зорко следила за слабым духом папой, готовая прибежать к нему, как только он начнет погружаться в свою тоску. Так было почти всегда... Но периодически что-то взрывалось в ней: постоянное напряжение, нескончаемый страх и чувство ответственности за близкого человека были непомерной ношей для ребенка, и тогда она рыдала на берегу Средиземного моря, желая жить в семье мамы, которая счастлива, спокойна и может окружить ее лаской и заботой. Ей хотелось строгости, запретов, советов, ей просто хотелось быть ребенком, обычным ребенком в обычной семье. Она бежала звонить Лине, плакала в трубку, но, когда мать приезжала к ней, видела в этой женщине только ту, что сломала ее отца. «Нет, я не могу бросить папочку, он без меня пропадет», – решала она и возвращалась домой.

Наступил день ее рождения. Влад с утра куда-то ушел и вернулся через некоторое время, неся в руках щеночка коккер-спаниеля, копию умершей в день ухода жены Бони. Рада осторожно подошла к маленькому комочку и потрогала теплое ушко – девочка прислушивалась к своим ощущениям. «Буду ли я любить эту кроху так, как Бони? – думала она. – Зачем папа мне подарил ее? Заменит ли мне этот пес все то, чего я лишилась?» Рада была нахмурена – пока она не знала, как реагировать, но тут собачка лизнула ее руку теплым шершавым языком, и сердце девочки растаяло. Она протянула руки и взяла щенка. Поцеловав его в холодный мокрый нос, она произнесла:

– Будешь Беллой, раз уж ты такая красивая.

– Рада, может, не стоит называть щенка человеческим именем? – Влад с сомнением посмотрел на дочь.

– Нет, я так хочу. Я буду считать ее своей сестричкой.

Мужчина поморщился и выглянул в окно – белая машина подъехала к их дому.

– Рада, мама с Петром приехали, – он не мог видеть свою бывшую жену такой счастливой и красивой, поэтому старался не встречаться с ней даже случайно.

– Иду! – крикнула именинница и сжала кулачки. Боль за отца снова наполнила ее сердце.

Лина обнимала свою девочку, целовала ее щечки, а Рада стояла как изваяние, не желая проявлять никаких эмоций по отношению к ней.

– Милая, это тебе подарок, – сказала Лина, доставая из бархатного мешочка золотую звезду Давида на цепочке.

– Спасибо, – хмуро рассматривала подарок девочка. Она понимала, что ее мама – еврейка и всем сердцем любит Израиль, а значит, и религию этой страны, и историю ее, но ей, Раде, не нужна звезда Давида, потому что в ней, наверное, все же больше русских корней...

– Доченька, я так по тебе соскучилась. – Мать еле сдерживала слезы, глядя на угрюмого прыщавого подростка, в которого превратилась ее улыбчивая милая малышка. – Я так хочу, чтобы ты жила со мной...

– Я живу с папой, и изменить это невозможно, – сжала губы Рада, а потом топнула ногой. – Мы идем в кафе или нет? Я мороженого хочу!

– Милая, может, лучше сходим на пляж, покупаемся? – Лина хотела предложить какой-нибудь иной вариант, не связанный с поеданием сладостей. – Или съездим в Иерусалим, погуляем по старому городу.

– Нет, я хочу в кафе. – Рада стояла на своем, хотя на самом деле очень хотела, чтобы мама сейчас проявила настойчивость. Однако Лина согласно кивнула, и Петр повез жену с ребенком в кафе...

– Мне так тяжело смотреть на нее, – говорила вечером Лина любимому. – У меня сердце разрывается, когда я вижу, как тяжело моей дочери. И я никак не могу ей помочь! Я не понимаю, куда смотрит Влад! Зачем он так распустил ее?

– Любовь моя, я так хотел бы тебе помочь. – Петр искренне переживал за жену и ее ребенка. – Но ни один адвокат не добьется победы в суде.

– Но почему? – слезы катились из глаз женщины. – Я закончила институт, преподаю язык. Меня любят мои ученики. Это доказывает, что я могу быть хорошей матерью и заботиться о своей дочери!

– Принцесса, – Петя до сих пор так называл свою единственную любовь, – мне очень жаль это говорить, но ты ушла из семьи и бросила дочь и мужа. Сейчас ты уже не докажешь ничего, а Влад будет говорить, что ты сама сделала выбор в пользу любовника, бросив ребенка.

– Неужели ничего нельзя сделать? – прижималась она к мужу. – Я не могу видеть, во что превращается моя девочка.

– Мы что-нибудь придумаем, родная, что-нибудь придумаем...

– Я эгоистка, да?

– Нет, любовь моя, ты просто ничего не могла сделать...

Лина на время успокаивалась, однако нереализованное материнство не давало ей чувствовать себя счастливой в полной мере. Да, она состоялась как женщина – рядом с ней был ее мужчина, тот человек, который предназначен ей судьбой. Она купалась в любви и сама отдавала мужу не меньше чувств и эмоций, чем получала. Они идеально дополняли друг друга, они дарили друг другу свободу и чувство полета, Лина была счастлива, но... Она видела, как растут детки в ее классах, она дарила им ту любовь, которая в ней была, но это были чужие дети, а ей хотелось своих, тех, которым она подарит свое сердце и которые будут в нем нуждаться.

– Милый, – женщина подошла к мужу и привычно села к нему на колени, – давай найдем суррогатную мать. Она нам выносит твоего ребенка, мы будем любить и воспитывать его...

– Любовь моя, я даже не хочу слышать о том, чтобы какая-то посторонняя женщина носила под сердцем мое дитя. Если бог не дал мне ребенка от тебя, значит, именно

так и должно быть. Не надо играть с судьбой и пытаться ее обмануть, все идет так, как должно быть.

– Но, Петенька. – Лина не ожидала услышать отказ, ведь это именно она в этом процессе оказывалась лишней и тем не менее была готова. – Это же будет твой ребенок. Я буду любить его, потому что в нем течет твоя кровь.

– Милая, – мужчина поцеловал женщину в губы, – я готов сделать все, чтобы ты была счастлива, но в этом вопросе буду категоричен. Я надеюсь, ты уважаешь мою позицию. Мне не нужен ребенок от посторонней женщины.

Лина расстроилась и замолчала, однако настаивать на своем не стала – мнение любимого было для нее законом. Но пустоту, образовавшуюся в душе, ей просто необходимо было чем-то заполнить.

Решение пришло оттуда, откуда женщина его не ждала, – одна из учениц натолкнула ее на мысль заняться изучением Каббалы. Внезапно перед Линой открылся новый мир. Она узнала, что Каббала, в переводе с иврита означающая «получение, принятие, предание», претендует на тайное знание. Сейчас женщина занялась осмыслением своей жизни в рамках роли и целей Творца, природы человека, она искала смысл существования людей на земле и пыталась найти свою нишу в сложной человеческой паутине связей, отношений, поступков, причин и следствий. Каббала вернула ей смысл жизни, стала источником мудрости, терпения и смирения, открыла, что страдания, данные человеку свыше, являются уроками, которые необходимо выучить, чтобы достичь той цели, ради которой он и появился на этот свет, а для этого надо не слепо принимать их, а уметь чувствовать их душой и телом.

Каббала изменила женщину – в ее глазах появился свет, в душе – гармония, в лице – спокойствие и уверенная осознанность правильности происходящего. Петр, бесконечно любящий свою супругу, сначала сердцем, а потом и глазами увидел и почувствовал произошедшие перемены. Ему было важно все, что касается Лины, поэтому он попытался заглянуть в душу самого родного в этой жизни человечка.

– Принцесса, – Петр лег рядом с женой и поцеловал ее ладошку, – скажи мне, что у тебя происходит в жизни.

– Петенька, – Лина рассмеялась и прижалась к любимому плечу, – я просто счастлива от того, что я живу. Я рада, что в моей жизни все сложилось так, как сложилось, что я прошла свой путь...

– Любовь моя, я не понимаю, о чем ты...

– Вот послушай. – Женщина легко поднялась с постели и взяла книгу, которая лежала на прикроватной тумбочке. – «Каждый мечтает изменить мир, но никто не ставит целью изменить самого себя». Это слова Льва Толстого. И они не так просты, как кажется на первый взгляд. «В этой жизни необходимо, чтобы мы успели реализовать четыре основные черты: быть причиной, быть творцом, владеть ситуацией, делиться с другими...»

Лина продолжала читать мужу то, что считала очень важным, и ее слова проникали в душу Пети. Все сказанное попадало не в голову, а в сердце, словно женщина играла чудесную мелодию на невидимых струнах его сущности, он слушал любимую не ушами, а всем своим нутром, он понимал, что она ведет его той дорогой, на которой он должен был оказаться. Так Петр открыл для себя Каббалу – теперь огромная земная любовь мужчины и женщины подкреплялась большой духовной близостью.

Раде исполнилось двадцать пять лет. Как и все израильские девушки, она два года отслужила в армии, а потом поступила в университет в Тель-Авиве и стала изучать лингвистику – молодой женщине передалась любовь родителей к языкам, к слову, к тексту. Несмотря на то что Рада уехала из отцовского дома и стала жить самостоятельно, в ней ничего не поменялось – она все так же поглощала сладости в огромных количествах, была некрасива, замкнута и держалась особняком ото всех. Ей не хотелось ни подружек, ни молодого человека, она словно застыла в своем детском страхе и боялась сделать шаг из того круга, в котором оказалась по вине родителей.

Лина хотела хоть как-то расшевелить дочь, поэтому подарила ей совместную поездку в Париж. Она решила показать девушке другой мир, в котором есть место любви, романтике, красоте, женственности, хотела сблизиться с Радой и заглянуть в ее искалеченную душу, чтобы помочь ощутить ту полноту жизни, которую ощущает она. Но ни прогулки по Сене, ни Нотр-Дам, ни Сорбонна не радовали именинницу – она была угрюмо-печальна все путешествие. Лина расстраивалась, что так и не смогла пробиться к своей девочке, однако она была не права – толстая стена отчуждения дала трещину.

Мать и дочь сидели в Люксембургском саду, блаженно вытянув ноги, и с интересом смотрели на проходящих мимо людей. Совершенно неожиданно Рада заговорила:

– Мама, я вижу, что тебе больно смотреть на меня. И я знаю, что ты винишь себя в том, какая я стала...

– Радочка, девочка моя! – Лина подняла глаза на дочь и не знала, что ей сказать. Безусловно, дочь была права, и разубеждать ее в этом было бы просто нечестно, однако согласиться с ее словами значило ранить и без того раненую девушку еще сильнее.

– Мама, подожди, дай мне договорить. – Рада предупреждающе подняла руку. – Я слишком долго молчала, но теперь понимаю, что могу довериться тебе. Я такая, какая я есть. Возможно, если бы я приложила усилия, я бы могла измениться и стать другой. Но вопрос в том, нужно ли мне это? Я долго размышляла над своей дальнейшей жизнью и...

– Что, доченька? – Женщина была счастлива от того, что ее девочка наконец пошла на контакт, так необходимый им обоим.

– Мне нужны деньги, – озвучила Рада следующую мысль, не закончив первую. – Я, конечно, могу попросить у отца, но он начнет задавать лишние вопросы, отвечать на которые я не хочу. Он не поймет меня. Хотя и ты тоже, возможно, не поймешь. Но ты женщина, поэтому надежда есть.

– Милая, я дам тебе деньги. – Лина сразу начала обдумывать, как и сколько она может дать Раде. – Но я все равно задам тебе вопрос, которого ты так боишься.

– Мама, я не боюсь вопроса, я боюсь непонимания с вашей с папой стороны.

– Крошка моя, я могу на самом деле не понять тебя, но это будет моя личная проблема. Все остальное – лишь твоя жизнь, и только тебе принимать решения и отвечать за свои поступки. Просто я хочу понять тебя.

– Я хочу искусственное оплодотворение, мама, – Рада наконец произнесла то, о чем думала уже несколько лет.

– Любимая, – Лина замолчала. Она понимала, что решение нужно принимать прямо сейчас, иначе дочь снова закроется. – Считай, что деньги у тебя уже есть. Я все

оплачу и готова сопровождать тебя к врачу, и быть рядом во время процедуры. Просто я хотела бы уточнить, уверена ли ты в правильности поступка? Возможно, через некоторое время ты встретишь человека, от которого родишь желанного малыша естественным способом.

– Мама, тут дело в другом. – Рада была счастлива впервые говорить с кем-то начистоту, без страха, как ее слова скажутся на человеке. Она поняла, что готова раскрыть душу перед этой женщиной, которая когда-то разбила их с отцом жизнь. – Мне неприятна даже мысль о том, что у меня могут быть отношения с мужчинами. Я видела страдания папы, видела его слабость перед миром из-за твоего ухода. Я видела твой поступок. Я не сужу тебя, я сейчас вдруг поняла, что ты не могла поступить иначе. Ни одна женщина не откажется от своей дочери из-за блажи. Ты действительно любишь Петра и готова была ждать его, следовать за ним в другую страну. Я понимаю, что твои чувства к этому мужчине – это тоже слабость. Я не хочу такой жизни, я не хочу больше быть слабой и бояться завтрашнего дня. Я не хочу, чтобы какой-то посторонний человек разбил мою жизнь. Но я хочу детей, я хочу поделиться своей любовью с кем-то. Хочу, чтобы я не напрасно появилась на этот свет. И я твердо уверена в том, что поступаю правильно.

У Лины текли слезы по щекам, когда она слушала рассуждения своей дочери. «Она носила эту боль в себе столько лет, – в отчаянии думала женщина. – Она страдала из-за нас. Я сделаю все для того, чтобы мой ребенок был счастлив, даже если она выбрала для себя именно этот путь».

– Дочка, ты можешь на меня рассчитывать, – сказала женщина и прижала к себе свою девочку. Рада тоже обняла мать, и это были первые объятия с тех пор, как Лина покинула общий дом.

Девушка, получив от матери деньги, решила самостоятельно пройти все процедуры. Она по привычке отмахнулась от помощи матери, однако все оказалось не так просто. Врачи, признав ее здоровой, не видели причин для экстракорпорального оплодотворения и предлагали альтернативные варианты, но Рада стояла на своем.

– Нет, не надо мне вводить донорскую сперму в половые пути. Мне нужен тот вариант, у которого больше шансов на успех.

– Девушка, поймите, мы не имеем права подвергать пациентов такой процедуре без медицинских показаний.

– Вы меня не слышите? Мне нужно ЭКО с гормональной гиперстимуляцией яичников!

– Я вижу, вы хорошо подкованы в этом вопросе. – Доктор не мог удержаться от издевки. – Не проще ли переспать с мужчиной?

Рада покраснела и вылетела из кабинета. Она на некоторое время замерла, обдумывая сложившуюся ситуацию, а потом приняла решение. «Мама, у меня проблемы, – произнесла девушка в трубку. – Мне нужна твоя помощь».

Лина обратилась к Пете, который в силу профессии имел много знакомых в медицинской среде, и отвела дочь к знакомому гинекологу, который согласился, в качестве исключения, пойти на поводу у пациентки. Теперь Рада ходила по врачам только в сопровождении матери.

Наконец все подготовительные процедуры остались позади, и Раде подсадили три эмбриона.

– Обычно приживаются не все, но готовьтесь к тому, что у вас может быть двойня, –

объяснил гинеколог.

– Хорошо, – согласно кивнула головой Рада и сжала руку матери.

Лина ободряюще улыбнулась дочке.

Через положенное время мать и дочь пришли узнать результат, и УЗИ показало, что прижились все три эмбриона.

– Мы можем убрать одного или двух, – сказал врач, смотря в монитор. – Выносить троих очень тяжело. Мы оставим только самого жизнеспособного.

– Нет, – Рада уверенно ответила гинекологу. – Раз во мне растут трое малышей, значит, так оно и должно быть.

– Вы должны понимать, что это определенный риск. – Мужчина счел нужным предупредить обо всех возможных последствиях принятого решения.

– Мне все равно. У меня будет тройня.

Лина слушала свою дочь и думала о том, что ее маленькая несчастная девочка гораздо мудрее и сильнее ее. И она гордилась Радой и готова была сделать все, что угодно, лишь бы жизнь ее ребенка сложилась хорошо.

– Пора сказать обо всем папе. – Рада и мать вышли в коридор. – Это будет посложнее, чем выносить троих детей.

– Малышка, хочешь, я поеду с тобой? – Лина не знала, как еще помочь девочке, но понимала, что как только будут произнесены главные слова, взорвется бомба.

– Нет, мамочка, спасибо, ты и так мне очень помогаешь. Не думаю, что твое присутствие упростит ситуацию.

– Да, Рада, ты права. – Женщина кивнула головой и сжала пухлую ручку беременной дочки.

Бомба действительно разорвалась.

– Ты в своем уме? – орал Влад, стуча кулаком по столу. – Как тебе вообще такое в голову пришло? Мать надоумила? Этой распущенной девке вообще наплевать на тебя!

– Папа! – Рада повысила голос на отца. Она уже сейчас, еще находясь на раннем сроке, превратилась в разъяренную львицу, готовую защищать свое потомство.

– Что «папа»? Ты думала, я поглажу тебя по голове и скажу, что ты молодец?! Ты ошиблась!

– Папочка, там внутри маленькие детки, в которых есть и твоя кровь!

– Детки? Не ребенок, а детки? – мужчина не верил своим ушам.

– У меня будет тройня, – тихо сказала Рада и прижала руки к животу.

– Мне противно даже говорить с тобой, дочь, – устало произнес Влад и отвернулся. Он понимал, что проиграл еще один бой.

Рада пожала плечами и вышла. Она и не надеялась на понимание, однако то, что отец

так легко отвернулся от нее и ее неродившихся детей, больно резануло по сердцу. Девушка набрала номер телефона матери и пересказала разговор с Владом.

– Милая, переезжай к нам. Ты не можешь оставаться там, – Лина беспокойно крутила поясok платья.

– Нет, мама, у вас своя семья, и я буду лишней.

– Ты что такое говоришь? Ты моя дочь, и я буду рада, если эти месяцы ты проживешь рядом со мной.

– Нет, мамочка. Я тебе очень благодарна за все, но жить я буду отдельно. Мне пора строить свою жизнь самостоятельно.

– Хорошо, я не буду с тобой спорить, но ты хотя бы позволишь нам снять для тебя квартиру?

– Я подумаю, мамочка, спасибо.

Рада вернулась в университет и жила в Тель-Авиве, так и не приняв ни от кого помощи, однако за два месяца до предполагаемых родов гинеколог, наблюдающий будущую мать, настоял на госпитализации. Рада покорно согласилась.

Влад пришел к дочери после работы, однако в этот момент был вечерний обход, поэтому в палату отца не пустили. Мужчина покорно ждал в коридоре. Он налил себе кофе и смотрел невидящим взглядом в коричневую жидкость, думая о том, что хочет помириться с дочерью на любых условиях. Без нее он был совсем одинок.

– Влад? – вдруг услышал он давно забытый голос. – Как ты здесь?

Он поднял голову и увидел Катю. Это точно была она. Прошедшие годы наложили отпечаток на ее лицо, в волосах пробивалась седина, однако глаза смотрели по-прежнему ласково и манили в свой омут. Мужчина вскочил, подбежал к ней и прижал к себе. Ему вдруг показалось, что сейчас происходит что-то правильное, что-то, что должно было произойти, что-то, что было предначертано самой судьбой, словно вся его жизнь просто вела его навстречу этой божественной женщине.

– Катенька, Катюша! – Влад гладил стянутые в хвост волосы.

– Подожди, я на работе, у меня совсем нет времени, но я безумно рада встретить тебя здесь, в Израиле. – Тон Кати был деловым, однако глаза говорили совсем другое. – Ты здесь надолго?

– Я не знаю, у меня дочь здесь лежит. Ей назначили кесарево сечение. Обычно ее навещает мать, но сегодня пришел я, впервые.

– Дочь? А как ее зовут? Я работаю в отделении акушерства и гинекологии и знаю всех... – Тут голос женщины сорвался: – Рада – твоя дочь?

– Да, а что случилось?

– Владик, прошу тебя, пройди в ординаторскую и найди доктора Алекса Мотина. Я думаю, тебе надо знать о состоянии Рады.

Желудок предательски сжался, и Влад побледнел – тон когда-то любимой женщины не предвещал ничего хорошего.

– Моя смена заканчивается через час, – скороговоркой произнесла Катя. – Если дождешься, то давай встретимся внизу, на стоянке.

Влад только смог кивнуть – тревога за дочь вытеснила все остальные эмоции. Катя исчезла так же внезапно, как и появилась.

– Ваша дочь в критическом состоянии. – Доктор Мотин сел за стол и открыл историю болезни Рады. – У нее развился токсикоз позднего срока, появились отеки, гипертония и признаки нарушения мозгового кровообращения. Завтра утром мы будем кесарить ее. Надеюсь, что мы не опоздаем.

Влад молчал – он не знал, что надо говорить в ситуации, когда может потерять дочь. Алекс Мотин еще долго рассказывал про вероятный исход операции, про риски и про то, что они делают для спасения жизни Рады и ее детей, однако мужчина слышал все сквозь густую пелену тумана. Он был близок к обмороку.

– Вот, выпейте воды, – врач протянул стакан отцу пациентки. – А теперь идите домой. К девушке вас не пустят, потому что она уже спит. Завтра всем нужны будут силы и терпение.

Влад вышел из кабинета и пошел к стоянке, где они договорились встретиться с Катей. Он понимал, что ему сейчас необходимо хоть какое-нибудь человеческое участие. Ему просто хотелось сбежать от той боли, которая разрывала его душу, однако когда он увидел свою первую любовь, вдруг понял, что вся его жизнь была сплошной ошибкой. «Я ведь любил только ее, с самой школы, – думал он. – Я всегда искал ее, но в то же время убегал от этой любви, боясь, что мне будет больно. Я отвергал ее, потому что боялся не совладать с чувствами, но сейчас, когда я теряю последнюю ниточку, связывающую меня с моей жизнью, когда мне так больно, что больнее уже не будет, я осознаю, что именно она, Катенька, и есть моя вторая половинка, предназначенная самой судьбой».

– Он тебе все рассказал? – тихо спросила Катерина.

Влад кивнул головой и отвернулся.

– Держись, Владик, шансы есть. В Израиле лучшая медицина, здесь работают профессионалы, они сделают все возможное, чтобы спасти Раду.

– Я теряю ее, – прошептал мужчина. – Я чувствую, что теряю ее.

– Не думай об этом, не надо. Тебе нужно отдохнуть. Езжай домой.

– Нет, я останусь в больнице, я не могу оставить свою девочку здесь одну.

– Владик, мне надо ехать домой. – Катя держала горячую руку мужчины. – Я не могу остаться с тобой. Но завтра утром я тебя найду.

– Спасибо тебе. И извини, что мы с тобой так и не поговорили.

– Милый, мы еще успеем пообщаться. – Катя поцеловала Влада в щеку. – Сейчас главное – здоровье Рады.

Женщина села в машину, посмотрела на прощание на одинокого печального мужчину и уехала. Влад направился обратно в больницу.

Глава 26

– Милый, проснись. – Катя потрясла за плечо спящего на стульях в коридоре Влада. – Уже 5.30 утра.

Он открыл глаза и печально посмотрел на женщину. Час икс неумолимо приближался.

– Пойдем в ординаторскую. – Женщина приподняла за локоть мужчину. – Там ты примешь душ, побрееешься и выпьешь кофе.

Влад послушно пошел за Екатериной. Снимая одежду, он посмотрел затравленным взглядом на женщину, которая суетилась возле столика с кофе, доставала сыр и творог, и вдруг произнес:

– Ты помнишь, как мы любили друг друга? Как восторженно, сладостно и бережно мы были влюблены?

– Помню, милый, – Катя обернулась. – Я помню каждую минуту, проведенную с тобой.

– Неужели это все осталось в прошлом? – мужчина задал вопрос, который волновал его всю жизнь.

– Нет, Владик, такая любовь никогда не умирает. – Катя подошла поближе и положила голову на уже обнаженную грудь Влада.

Былые чувства вспыхнули, как спичка, озарив жизнь теплом и светом, мужчина и женщина слились воедино, словно магниты, разорвать которые не могла ни одна сила. Они неистово любили друг друга, прощая все обиды, излечивая боль, исцеляя сердца...

– Иди в душ, – сказала Катя, когда любовники смогли оторваться друг от друга. – Я приготовлю нам кофе, а потом попробую проводить тебя к Раде. Думаю, что три минуты тебе дадут.

– Спасибо тебе за все, родная, – Влад прижал к себе женщину.

– И тебе спасибо.

Врач и посетитель шли по нескончаемым больничным лабиринтам, пока не добрались до нужной палаты.

– Постой здесь, я попробую договориться, – произнесла женщина и взялась за дверную ручку. Открыв на несколько сантиметров дверь, она вдруг остановилась, обернулась и сказала: – Как же я люблю тебя, милый!

Слезы счастья и боли покатались из глаз измученного Влада. Он их даже не скрывал, потому что знал, что перед Катей он может быть самим собой, ему не надо стесняться, притворяться, играть. Она любит его просто потому, что он есть на этом свете. И это чувство взаимно.

Через десять минут любимая вышла в коридор, держа в руке белый халат.

– Накинь это. У тебя есть пять минут.

Влад кивнул головой и молча зашел в палату. Рада лежала на спине и еле заметно дышала. Ей только что сделали премедикацию, поэтому глаза начали мутнеть.

– Папочка, – слабым голосом произнесла девушка, увидев, что в палату зашел Влад.

– Милая, не разговаривай, тебе сейчас нельзя. – Мужчина накрыл ослабевшую руку дочери ладонью.

– Папочка, если со мной что-нибудь... – голос Рады сорвался.

– Тише, с тобой все будет хорошо. Я рядом, скоро мама придет, – Влад не знал, будет ли Лина в больнице, однако счел нужным успокоить дочь.

– ...что-нибудь случится, детей отдай маме, – договорила девушка и закрыла глаза.

Тут два санитары вошли в палату и начали перекладывать пациентку на каталку. Катя проводила Влада в комнату для ожидания и вышла. Ее ждали пациенты.

Лина уже была там – она подняла глаза на бывшего мужа и тихо сказала: «Здравствуй, Влад». Мужчина только кивнул в ответ. Он сел подальше от женщины, хотя вдруг понял, что делить им больше нечего... Но привычное состояние любви-ненависти к ней еще не покидало его душу.

Через час родителей Рады вызвал врач – перед ними стояла каталка, на которой сладко спали три девочки. Крохи были чудесны, однако Влада и Лину больше интересовала их дочь.

– Где Рада? Что с ней? – в один голос спросили отец и мать.

– Ждите врача, – ответила акушерка и повезла каталку в детское отделение.

– С ней все в порядке? – кричали ей вслед бывшие супруги, но ответа не было. Повисла могильная тишина.

Через три часа доктор Мотин вышел к родителям Рады и произнес:

– У вашей дочери инсульт, она так и не отошла от наркоза. Сейчас идут критические сорок восемь часов. Ждите чуда и молитесь.

Доктор Мотин развернулся и пошел обратно в глубь отделения, а родители Рады вернулись в комнату ожидания. У Влада по лицу текли слезы. Лина хотела успокоить мужчину, но понимала, что этот жест будет лишним. Она просто села рядом и окаменела.

Шли вторые сутки. Улучшений так и не было. Приезжал Петя, который привез Лине и Владу термос с кофе и бутерброды, но мужчина и женщина не притронулись к ним. Их мысли, чувства и желания были только с их дочерью, которая не приходила в сознание. Каждый час в комнату заходила Катя. Она молча качала головой и крепко сжимала плечо Влада. Лина видела, что ее бывшего мужа и врача в больнице связывает нечто большее, чем просто знакомство, и была рада, насколько можно было быть радостной в сложившейся ситуации...

Наступило утро. Катерина открыла дверь, подошла к Владу, обняла его и заплакала. Он все понял, и нечеловеческий вой вырвался из его груди. Его трясло, рыдания переходили в стоны, дыхание прерывалось. Катя выскочила в коридор, а через минуту вернулась со шприцем. Петя, находившийся рядом с женой в этот тяжелый момент, бросился к мужчине, крепко сжал его, и Катерина смогла сделать успокоительный укол. Влад через какое-то время затих... Лина сидела словно изваяние. Из ее глаз не вытекло ни одной слезинки. Ее душа только что умерла вместе с дочерью...

После похорон Рады Влад подошел к Лине и сказал:

– Наша дочь хотела, чтобы ты забрала детей себе. Я думаю, что это будет правильно.

Женщина подняла глаза на бывшего мужа – она не верила своим ушам. Женщина протянула руку и хотела что-то сказать, но Влад молча развернулся, быстро сел в машину и поехал в свой опустевший дом, где ждала его преданная собачья душа.

Он зашел в квартиру, и Белла бросилась лизать его руку – собачка подпрыгивала от радости и скулила, ей хотелось, чтобы хозяин приласкал ее, однако Владу было не до этого – он страдал, его душа плакала, впереди была только тоска. И вдруг, как вспышка, возник образ Кати, и показался свет в конце тоннеля. Мужчина схватил собаку, засунул ее в машину и направился к больнице. Влад не знал, работает ли сегодня его женщина, во сколько она заканчивает и сможет ли сегодня с ним увидеться, однако упорно ехал вперед – именно там, рядом с ней, была его жизнь.

На стоянке он увидел автомобиль Кати и остановился. Ему было все равно, сколько ждать ее – в конце концов, он ждал Катю всю свою жизнь, поэтому он спокойно заглушил двигатель, взял Беллу и отправился с ней гулять по территории больницы. Через три часа показалась она...

– Влад, что ты тут делаешь? – Катя изумленно смотрела на того, кто сегодня похоронил дочь.

– Я не могу без тебя, Катенька. – Мужчина взял теплую руку любимой.

– Тебе надо отдохнуть, ты не спал несколько дней, – врач была обеспокоена состоянием Влада.

– Я не могу спать, Катя, я потерял единственную дочь. – Мужчина снова заплакал. Он устал сдерживаться и быть сильным, ему просто хотелось быть собой.

– Милый, давай сядем в машину и поговорим. – Катя подвела его к своему автомобилю.
– Давай я отвезу тебя домой. Ты где живешь?

– В Ашдоде.

– А я в Ришоне. Неважно, поехали, по дороге я тебе кое-что расскажу, – Катя завела двигатель и выехала на дорогу. – Дело в том, что у тебя есть еще одна дочь.

– Что? – Влад изумленно уставился на женщину.

– Не перебивай меня, пожалуйста, – попросила Катя. – У тебя есть дочь, ее зовут Вероника. После того дня, который мы провели вместе, я узнала, что жду ребенка. Мой муж не мог иметь детей, и мы оба об этом знали. Он не смог простить мне измены, поэтому через два месяца мы развелись. Я вышла замуж еще раз и переехала сюда, в Израиль. Вероника знает правду о своем рождении, но я так и не разрешила ей тебя найти, считала, что тебе это не нужно. Она тоже врач и мама, у нее есть прекрасная дочка, то есть твоя внучка.

– Катя, это сон? – не верил своим ушам мужчина. – Это сон? Ударь меня.

– Милый, тебя жизнь и так побила. – Катя погладила протез Влада.

– Катя, не оставляй меня, только в тебе моя жизнь, – ты мне только что подарила в несколько раз больше, чем у меня забрала судьба.

– Милый, я тебя не оставлю, я буду с тобой, но у меня одно условие.

- Какое?
- Сейчас мы приедем домой, и ты ляжешь спать.
- Обещаю, Катенька, только останься со мной.
- Я теперь всегда буду рядом с тобой...

Лина забрала девочек из роддома сразу, как только врачи разрешили. Дочерей Рады они с Петей назвали Маша, Даша и Наташа. Женщина просто растворилась в своем нежданном материнстве, несмотря на все сложности, с которыми ей пришлось столкнуться. Ухаживать сразу за тремя новорожденными было очень тяжело, особенно ей, той, которая большую часть обязанностей по уходу за ребенком в свое время скинула на мадам Лотту. Кроме того, Лина до сих пор не различала девочек – она никак не могла понять, кого она уже покормила, кого искупала, кого передела. Все смешалось в калейдоскоп одинаковых действий и одинаковых лиц. Петя как мог помогал жене, но в конце концов понял, что им не под силу справиться сразу с тремя только своими силами, поэтому нанял детскую медсестру, которая взяла часть обязанностей на себя. Стало заметно легче, но долгое время обе женщины металась между одинаковыми сестричками, путая их и меняя местами, что еще сильнее усложняло всем жизнь. В тяжелые моменты Лина шептала про себя строчки Каббалы: «Время можно определить, как расстояние между добродетелью и поощрением, расстояние между преступлением и наказанием». И это помогало ей не сойти с ума. Наконец девочки засыпали, тогда женщина садилась между кроватками и обращалась к Богу: «Господи, прости меня за эгоизм, за дочку и дай мне силы вырастить внучек». И Бог давал ей эти силы...

Прошло пять лет со дня смерти Рады. У могилы любимой девочки собралась вся семья: Лина с Петей и тремя внучками, Катя с Владом. Чуть подалее стояла Вероника с дочкой Охавой и держала на руках маленького мальчика по имени Рой. На могиле лежали белоснежные розы. Взрослые плакали, глядя на землю, которая приняла тело самого дорогого им человечка, а дети не понимали трагедии и с любопытством рассматривали друг друга – сегодня они все увиделись в первый раз.

- Лина, Петя, поехали к нам? – вдруг тихо произнесла Катя. Она понимала, что рано или поздно все обиды должны уйти в прошлое. Здесь, на Земле Обетованной, каждый нашел свое счастье, и делить им больше нечего – они все большая семья и пришло время объединиться.

Влад изумленно посмотрел на любимую женщину и вдруг понял, что давно простил Лину, что рад за нее и Петра и хочет общаться в будущем с этими людьми, которые были рядом почти всю его жизнь. Он кивнул в знак согласия и улыбнулся бывшей жене. Лина улыбнулась в ответ, прижалась к мужу и обняла своих внучек.

Все сели в свои автомобили и поехали одной дорогой...

ЖЕНСКИЙ ЛИКБЕЗ

Дети должны воспитываться незаметно – не словами, а личным примером.

Михаил Шнеерсон

